

О ЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА
Выпуск 42

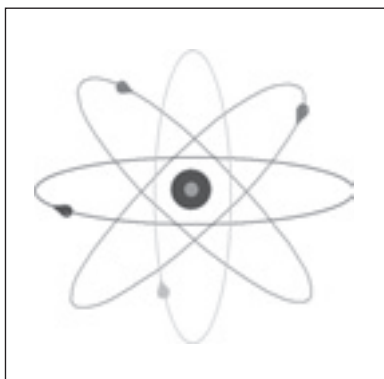

Н.В. МЕЛЬНИКОВА

**ФЕНОМЕН ЗАКРЫТОГО
АТОМНОГО ГОРОДА**

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА

Выпуск 42

Наталья МЕЛЬНИКОВА

**ЗАКРЫТЫЕ
ГОРОДА
УРАЛА**

Серия
«ОЧЕРКИ ИСТОРИИ УРАЛА»

Редакционный совет:

Н.А.Миненко
Б.Б.Овчинникова
Г.Е.Корнилов
Е.Ю.Рукоусев
И.С.Огоновская
Т.Е.Богина
Ю.В.Яценко

Выпуск 42

Наталья МЕЛЬНИКОВА

ЗАКРЫТЫЕ ГОРОДА УРАЛА

Екатеринбург
2006

ББК 63.3(2)6+65.441
М48

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН

Отв. редактор д.и.н. С.П.Постников

Рецензенты: к.и.н. А.И.Беделъ,
д.и.н. В.С.Толстиков

*Работа подготовлена
при поддержке гранта Президента РФ
по поддержке ведущих научных школ № НШ-7455.2006.6*

М48 Мельникова Н.В.

Феномен закрытого атомного города. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. – 176 с.: (сер. «Очерки истории Урала» вып. 42).
ISBN 5-7851-0628-0

Книга посвящена исследованию закрытых атомных городов Урала, своеобразию жизни в них и специфическим чертам менталитета населения. На богатом источниковом материале раскрываются ценности, интересы, социальные установки, мотивы и стереотипы поведения, особенности повседневной жизни людей, сложившиеся в период становления системы закрытых городов отечественной атомной индустрии.

Книга предназначена для ученых, преподавателей и всех, кто интересуется историей атомного проекта СССР.

Благодарим за предоставленные фотографии
А.Э.Беделя, П.М.Бышкина, Л.Ф.Крутикову, С.В.Леуткина,
Е.Соколова (www.snezphoto.narod.ru), А.Д.Пантелеева,
С.Г.Федоровских, И.И.Яковлева (www.photo.trg.ru),
Городской историко-краеведческий музей г. Новоуральска,
Музей истории г. Снежинска (и лично Б.М.Емельянова),
Центральную городскую детскую библиотеку
г. Озерска (www.ch-lib.ozersk.ru).

ISBN 5-7851-0628-0

© Н.В.Мельникова, 2006
© Банк культурной информации, серия,
оформление, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

С момента появления ядерного оружия атомная проблема приобрела глобальный характер, поставив под угрозу существование всего мира. Создание качественно нового потенциально разрушительного средства стало важным этапом в истории человечества. Перспектива использования атомной энергии в военных целях отразилась на жизнедеятельности общества, задела частную жизнь отдельного человека. По самым приблизительным подсчетам не менее 20 млн жителей¹ нашей страны в течение длительного времени в той или иной мере были задействованы в работах, связанных с изготовлением, транспортировкой и хранением атомного оружия.

Сам процесс создания в СССР собственного ядерного оружия – уникальная страница в истории страны. В крайне сложных условиях преодоления последствий Второй мировой войны и необходимости восстановления народного хозяйства, в условиях отставания от достижений и научно-технических разработок США в области производства атомного оружия Проблема ц 1 была решена в максимально короткие сроки.

Существенная роль в формировании отечественного военно-промышленного комплекса и в укреплении обороноспособности страны принадлежит Уральскому региону. Именно здесь расположены пять из десяти российских закрытых городов, главные градообразующие элементы которых – предприятия атомной промышленности: Новоуральск (Свердловск-44), Лесной (Свердловск-45), Озерск (Челябинск-65), Снежинск (Челябинск-70), Трехгорный (Златоуст-36). Они были возведены в 1945 – 1958 гг., и каждый из них должен был создать соответствующие условия и обеспечить работу секретных атомных производств: производственного объединения “Маяк” (г. Озерск), Уральского электрохимического комбината (г. Новоуральск), комбината “Электрохимприбор” (г. Лесной), Приборостроительного завода (г. Трехгорный), РФЯЦ Всероссийского НИИ технической физики (г. Снежинск)².

Закрытые атомные города – это особый мир, для которого характерны территориальная замкнутость, усиленный режим и контроль государства, специальный отбор горожан, привилегированное снабжение, повышенные стандарты материально-бытового обеспечения. По сути, это единственные в мире посе-

ления подобного типа, где охраняемым режимным объектом считалось не только само производство, но и весь город, все население. В отличие, например, от американских атомных центров, где закрытым было только непосредственно производство (научная лаборатория, как в Ливерморе или завод, как завод по производству плутония в Хэнфорде, штата Вашингтон). Поселение работников этих предприятий было открытым для свободного посещения, в том числе и иностранцами, тогда как в Советском Союзе в закрытый город не мог свободно попасть и советский гражданин. Вся информация, связанная с закрытыми городами, считалась строго секретной (они даже отсутствовали на географических картах страны) и была раскрыта только в 1992 г. с принятием Закона Российской Федерации «О закрытом административно-территориальном образовании». С одной стороны, жизнь в закрытых городах, за исключением первых, невероятно трудных лет, была более комфортна, чем у подавляющего большинства населения Советского Союза, с другой, она всегда соседствовала с реальной опасностью, которую представляло атомное производство, и была подчинена многим ограничениям, связанным с режимом секретности и сохранения государственной тайны. Под воздействием этих особых обстоятельств жизни образовалась специфическая социальная группа, отличающаяся своеобразным менталитетом, которая жила и трудилась в искусственно созданных условиях секретной системы.

Долгое время, вследствие засекреченности многих материалов, все события, связанные с созданием советского атомного оружия (в том числе и история закрытых атомных объектов), были малоизвестной страницей отечественной истории. Осознание угрозы всеобщего уничтожения, преодоление напряженности “холодной войны”, падение “железного занавеса” – эти и многие другие факторы способствовали обращению исследователей к проблематике возникновения и использования ядерного оружия с позиций объективности и непредвзятости. Появился ограниченный доступ к ранее секретным источникам, следовательно, и возможность изучить различные аспекты истории становления и развития российской ядерной индустрии. В исследованиях последних лет раскрываются административно-организационные, технико-технологические, экологические, экономические, политические и, от-

части, социальные аспекты возникновения атомной промышленности. В целом, исследования по данной проблематике можно разделить на несколько групп.

К первой группе следует отнести работы, опубликованные в период до середины 1980-х гг. Основное внимание в них уделялось истории пуска первого атомного реактора в СССР (1946 г.), устройству и работе атомных электростанций, успехам в решении экологических проблем, а также истории жизни и творчества И. В. Курчатова, воспоминаниям о нем³. Проблемы создания военной атомной индустрии, совершенствования техники и технологий, объемы капиталовложений не рассматривались по причине недоступности материалов для исследования.

Ко второй группе работ относятся публикации, вышедшие в основном после Чернобыльской аварии в 1990-е гг. В них раскрывается история развития ядерной энергетики за рубежом и в нашей стране; анализируются внутренние и внешние факторы, повлиявшие на работу ученых в данной сфере, особенности решения административно-организационных, технических, экономических и экологических проблем; представлена периодизация создания атомной промышленности, описана технология и роль ученых-ядерщиков в ее создании и испытании первой ядерной бомбы⁴. Ряд работ посвящен деятельности внешней разведки по сбору информации об ядерных исследованиях за рубежом⁵.

Остановимся лишь на некоторых изданиях, представляющих непосредственный интерес для исследования. Проблемы реализации отечественного атомного проекта затронуты в современной литературе, посвященной военно-промышленному комплексу СССР. Наиболее полным исследованием истории ВПК представляется монография Н. С. Симонова “Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950 гг.”. Отдельная глава в ней посвящена ВПК в годы “холодной войны”, в связи с чем автор рассматривает проблему закрытых городов: технические, технологические, финансовые аспекты атомного проекта, а также роль НКВД в его становлении⁶.

Следует отметить работу авторского коллектива “Конверсия и реструктуризация оборонного комплекса: региональные проблемы и перспективы”. Исследователи останавливаются на существенных особенностях отечественного оборон-

но-промышленного комплекса, анализируя специфику закрытых городов, как неотъемлемой его составляющей⁷. Авторы считают, что формирование ВПК на Урале началось в годы Великой Отечественной войны, а его расцвет связывают, в том числе, и со строительством ЗАТО, поскольку последние имели передовую технологию, наиболее современное оборудование и квалифицированные кадры.

Заслуживает внимания статья И.В. Быстровой и Г.Е. Рябова “Военно-промышленный комплекс СССР”⁸. Данная работа интересна тем, что проблемы советского ВПК раскрываются через процесс формирования атомной промышленности, которая, как подчеркивают авторы, символизирует и отражает суть военно-промышленного комплекса. Затрагивая этапы создания отечественного ракетно-ядерного комплекса, И.В. Быстрова и Г.Е. Рябов некоторое внимание уделяют вопросам экономики и социально-психологическим феноменам, сопровождавшим становление атомной промышленности.

Несмотря на обилие специальных технических терминов, большой интерес представляет книга А.К. Круглова “Как создавалась атомная промышленность в СССР”. Автором впервые показана деятельность научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро, различных предприятий, участвовавших в разработке изделий и материалов, необходимых для создания ядерного оружия, а также трудности в строительстве и освоении ядерных объектов. Отражена роль государственных деятелей и научных руководителей атомного проекта. Особое внимание уделено строительству комбината “Маяк”, производственным и кадровым вопросам⁹.

Сборник статей “Создание первой советской ядерной бомбы” примечателен свидетельствами непосредственных участников отечественного атомного проекта о становлении отрасли. Не менее важными являются воспоминания руководителей атомной отрасли: М.Г. Первухина, А.М. Петросьянца, Е.П. Славского и других, а также издания, посвященные их жизни и деятельности¹⁰.

Книга “Атомная отрасль России: события, взгляд в будущее” подводит итог пятидесятилетней деятельности Минатома. Авторами показана роль ученых и руководителей в сооружении объектов, создании атомного оружия и космической ядерной техники, в развитии ядерной физики. Пред-

ставлена достаточно полная хронология событий становления и развития отечественной атомной промышленности в 1940-е – 1990-е гг.¹¹. Большое внимание уделено результатам воздействия ядерного излучения на производственный персонал объектов и население. Приведены описания основных аварий в атомной индустрии и их последствий.

Интересен сборник “Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.)”, опубликованный к пятидесятилетию атомной промышленности в СССР. Основываясь на архивных и мемуарных материалах, авторы статей сборника освещают технические, политические, социальные, хронологические, научные, военно-разведывательные и экологические аспекты советского атомного проекта. В сборник входят статьи, которые рассматривают предысторию появления закрытых городов в СССР и на Урале в частности, приводят специальные постановления правительства, показывают деятельность научных руководителей атомного проекта¹².

Привлекает внимание статья Р.Б. Котельникова и В.А. Тумбакова, где авторы проводят сравнительное исследование реализации атомных проектов в США и СССР. В частности, рассмотрены ресурсы обеих стран, их затраты и результаты (количество ядерных боеприпасов, число ядерных взрывов и пр.). Авторы приходят к выводу, что интенсивность усилий и напряженность работ по созданию ядерного оружия в СССР была в 5 раз выше, чем в США¹³.

Примечательна статья В. В. Алексеева и Б. В. Литвинова “Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики”, в которой проанализирована социально-экономическая сущность проекта и морально-нравственный потенциал общества. Авторы подчеркнули, что условия жизни и работы в закрытых городах представляли собой наиболее яркое воплощение тоталитарного режима¹⁴.

Для понимания значения советского ядерного комплекса в истории XX века представляются важными доклад академика В.В. Алексеева на Втором международном симпозиуме “История атомных проектов. 50-е годы” и доклад академика Б.В. Литвинова на Урало-Сибирских исторических чтениях. В.В. Алексеев среди предпосылок решения атомной проблемы выделяет национальные интересы СССР, экономический потенциал и достаточный научно-технический базис государства, бес-

прецедентный охранно-репрессивный аппарат, психологические особенности советского населения (стойкость, мужество, неприхотливость)¹⁵. Кроме ключевых моментов в организации атомного комплекса, автором показано его влияние на общественно-политическое и социально-экономическое развитие страны. Проблемы становления советской атомной промышленности, строительства и специализации закрытых городов Урала рассмотрены академиком Б.В. Литвиновым. Автор подчеркивает, что ядерный потенциал СССР способствовал укреплению авторитета страны, а установление военного паритета с США позволило предотвратить третью мировую войну¹⁶.

Особый интерес как пример конкретного исследования одного из американских ядерных центров представляет статья Х. Гастерсона “Ливермор глазами антрополога”. Цель исследования автор видел в выявлении типа личности ученого – разработчика ядерного оружия, его представлений о смысле и значении своей работы, иными словами, в изучении культуры и психологии ученых ядерной лаборатории. Подробно описана методика исследования, основными методами выступают наблюдение и формальное интервью. Основное внимание Х. Гастерсон уделял этическим проблемам, связанным с созданием ядерного оружия, мотивам и установкам работы в ядерной лаборатории. Автор приходит к выводу о существовании двух направлений в отношении к пониманию ядерного оружия: деонтологического, осуждающего угрозу применения ядерного оружия (не должно совершать зла как средство к достижению добра) и консиквенциалистического, одобряющего угрозу применения атомной бомбы как способа предотвращения уничтожения мира (о действиях судят по их последствиям, а не по чистоте использованных средств)¹⁷. Исследователь указывает, что ученые-ядерщики придерживаются второго взгляда на проблему ядерного оружия.

К подобному же выводу приходит В.П. Визгин, изучавший этос советского ученого-атомщика, который сформировался при взаимодействии научного и военного этосов. В.П. Визгин дает формулировку ядерного категориального императива: если угроза ядерного омницида способна предотвратить сам этот омницид, то она нравственна¹⁸.

Ценный материал о создании атомного комплекса на Урале содержится в коллективном исследовании “Урал в панораме

XX века”. В книге анализируются причины размещения атомных предприятий на Урале, особенности создаваемой отрасли (в частности, опытно-экспериментальный характер промышленного производства), трудности начального этапа; описываются проблемы переоблучения персонала и радиоактивного загрязнения территорий. При этом основное внимание уделено истории строительства и функционирования атомных реакторов на комбинате “Маяк”, тогда как информация об остальных объектах уральского атомного комплекса минимальна¹⁹.

Создание химкомбината “Маяк” отражено в совместном исследовании уральских ученых В.Н. Новоселова, В.С. Толстикова “Тайны “сороковки». Популярный характер изложения не помешал авторам объективно осветить технико-технологические, организационные, кадровые вопросы, а также представить демографические и социокультурные процессы города Озерска, экологические проблемы²⁰.

Фундаментальным исследованием является труд В.Н. Новоселова “Создание атомной промышленности на Урале”, в котором проанализированы предпосылки создания атомной промышленности в СССР, ее органов управления и промышленно-сырьевой базы. Впервые полно изучены строительные кадры (заклученные ИТЛ, спецпереселенцы, интернированные, военно-строительные батальоны, вольнонаемные из числа выпускников ВУЗов и техникумов), их численность и принципы работы с ними²¹. Интересны сведения о формировании и воспитании строительных коллективов, о массово-политической и культурно-просветительской работе политотделов строек²².

В обширной монографии “Укрощение урана” Е.Т. Артемовым и А.Э. Беделем характеризуются внутренние и внешние факторы, сопровождавшие возникновение и развитие атомной индустрии; формирование структуры и системы управления урановым проектом. Авторы указывают, что базой создания ядерного оружия в СССР явились современная индустрия, позитивный опыт реализации крупных производственно-технических проектов, значительный научный потенциал страны, психологическая атмосфера, обеспечившая высокую степень согласия в обществе²³. Создание предприятий атомной отрасли рассмотрено на примере сооружения завода ц 813 (г. Новоуральск). Подробно описаны этапы его строительства, технические и технологические трудности, дости-

жения комбината. В связи с темой особый интерес представляют вопросы кадровой политики (подбор, расстановка, подготовка специалистов), трудовой дисциплины, особенности жизни, связанные с режимом секретности; описание материально-бытовых условий, организации отдыха²⁴.

Историю развития и современное состояние радиоактивного загрязнения окружающей среды в результате производственной деятельности химкомбината «Маяк» раскрывает книга В.Н. Новоселова и В.С. Толстикова «Атомный след на Урале»²⁵. Несмотря на публицистический характер, она содержит достаточно глубокий и объективный анализ событий. Данная тема продолжена и углублена в исследовании В. С. Толстикова, посвященном социально-экологическим вопросам, кадровой политике, проблемам профессиональных заболеваний, отношению персонала ядерных заводов к опасности производства.²⁶ Автор (в основном на примере химкомбината «Маяк») рассматривает процесс формирования ядерного комплекса на Урале, условия труда в данной отрасли, а также представляет фактические данные, отражающие уровень загрязнения окружающей среды, облучения персонала, анализирует медико-демографическую и психологическую обстановку в пострадавших от радиации районах.

Анализ принципов построения и деятельности политических отделов уральских ЗАТО содержится в монографии В.Н. Кузнецова «Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала». Автор подчеркивает, что в условиях отсутствия органов государственной власти и коллегиальных органов партии политические отделы в начальный период существования закрытых городов были единственными политическими органами, которые направляли идеологическую, партийную и организаторскую работу²⁷.

Вопросы развития социальной инфраструктуры в ЗАТО впервые комплексно освещены в диссертации С.А. Ряскова «Социокультурное развитие закрытых городов Урала (вторая половина 1940-х – середина 1980-х годов)» и в брошюре того же автора²⁸. Исследователем подробно изучены становление и развитие социально-бытовой, культурной и спортивной инфраструктуры ЗАТО. Автор приходит к выводу, что на развитие системы жизнеобеспечения огромное влияние оказал тот факт, что закрытые города рассматривались в ка-

честве идеала нового социалистического города, противопоставлявшегося тем, что уже существовали в СССР²⁹.

Книга “История города Лесного: Эпоха и люди” является первым для России изданием, посвященным судьбам людей закрытого города³⁰. В ней содержатся более 100 биографий известных людей города, которые, по мнению авторов, на различных этапах внесли наибольший вклад в его развитие. Естественно, книга в определенной степени субъективна, в нее не вошли биографии многих достойных людей. Тем не менее, через представленные в издании истории жизни людей прослеживается становление комбината “Электрохимприбор” и города в целом, его строительства, формирования социальной и культурной сфер.

Следует отметить ряд книг по истории закрытых городов Урала, которые не являются профессиональными историческими исследованиями. Они в большей части представлены очерками, посвященными отдельным этапам истории закрытых городов и отдельным сферам жизни (медицина, образование, культура, спорт и пр.)³¹. Авторы и составители основываются как на архивных данных, так и на воспоминаниях ветеранов, приводят большое количество фактов и имен. Несмотря на популярный характер и некоторые неточности, книги содержат интересные сведения о градообразующих предприятиях, о культурных и социальных процессах ЗАТО.

Заканчивая краткий историографический обзор, необходимо подчеркнуть, что при наличии достаточно большого количества публикаций по вопросам становления и развития отечественной ядерной промышленности, раскрыты далеко не все проблемы, и прежде всего отсутствует исследование ментальных особенностей участников советского атомного проекта. Авторы либо вообще не рассматривают специфику менталитета населения закрытых городов, либо вскользь касаются данной темы. Иными словами, менталитет населения закрытых административно-территориальных образований в качестве объекта специального исследования в отечественной историографии до сих пор не рассматривался. Между тем, изучение особенностей менталитета жителей закрытых городов дополняет историю создания и функционирования атомного проекта в нашей стране, раскрывает субъективную сторону событий.

Данная работа посвящена исследованию процесса формирования менталитета населения уральского закрытого атомного города и его состояния в конкретный исторический период (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.). Автор преследовал цель изучения менталитета как специфики психологической жизни, характерной для жителей закрытых атомных городов Урала, выявление социально-психологических особенностей, повлиявших на реализацию атомного проекта и явившихся результатом своеобразных условий жизни в закрытом городе. Мы будем исходить из определения менталитета как характерной для конкретной культуры (субкультуры) специфики психологической жизни людей, представляющих данную культуру (субкультуру), детерминированной экономическими, политическими, идеологическими, культурными, правовыми условиями в историческом аспекте. В структуре менталитета рассмотрим: систему знаний людей о мире, в котором они живут (прагматические и идеальные знания, такие как ценности, верования, идеалы и социальные нормы), мотивационную сферу, социальные установки и стереотипы поведения, образующие определенный социальный тип.

Исследование менталитета в данном случае носит ретроспективный характер. Однако его изучение вполне осуществимо благодаря тому, что менталитет существует в сознании и в области бессознательного (как в индивидуальных, так и в общественных формах), проявляется в деятельности и в общении, зафиксирован в языке и в разнообразных текстах. Выявляя в индивидуальном многообразии социально-устойчивое и социально-типичное, обусловленное самим фактом включенности индивида в общество, мы можем реконструировать “личность эпохи”, раскрыть ментальные особенности жителей ЗАТО.

Источниковая база исследования менталитета населения закрытых городов Урала достаточно обширна. Значительная часть исторических документов впервые выявлена нами и предложена для использования в научном обороте. В целом, все источники могут быть поделены на несколько групп.

В первую очередь, это опубликованные директивные документы Государственного Комитета Обороны СССР, позволяющие проследить начальные этапы становления отечественной атомной промышленности³², а также документы цент-

ральных органов государственного управления (Политбюро ЦК ВКП(б), Народного Комиссариата иностранных дел)³³. Они отражают намерения СССР в отношении Восточной Европы, Азии, Дальнего Востока и других территорий, позволяют понять международные территориальные разногласия в период “холодной войны”. Послевоенные внешне- и внутриполитические приоритеты государственного развития показывают речи, интервью, выступления высших партийных и государственных деятелей (И.В. Сталина, В.М. Молотова)³⁴. При этом следует учитывать, что в силу политического характера этих документов в них заложены идеологически обусловленные оценки событий, что не всегда соответствовало историческим реалиям.

Интересны публикации материалов Первого (Разведывательного) Управления НКВД–НКГБ, содержащие отчеты советской научно-технической и промышленной разведки о работах над ядерным оружием за рубежом; записки И.В. Курчатова, представляющие обзор и анализ материалов по созданию ядерного оружия³⁵.

Серия статей “НКВД–НКГБ–СМЕРШ: структура, функции, кадры” дает представление о рабочей силе, находившейся в распоряжении руководства атомной промышленности³⁶.

Для понимания психологического климата в СССР интерес представляют документы, отражающие настроения людей после войны, а также планы идеологической работы среди советского населения, подготовленные Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)³⁷.

В недавнем прошлом увидели свет делопроизводственные документы государственных учреждений зарубежных стран, в частности, США (Госдепартамента, ЦРУ, Объединенного комитета начальников штабов)³⁸. Данный блок источников показывает характер отношения Соединенных Штатов к Советскому Союзу и уровень потенциальной угрозы ядерных бомбардировок нашей страны; помогает понять действия Советского правительства по интенсификации работ, связанных с отечественным атомным проектом.

Решающее значение для раскрытия нашей темы имеют делопроизводственные документы местных органов государственной власти и управления. К ним относятся: протоколы заседаний, справки, отчеты политотделов ЗАТО; протоколы

общегородских партийных конференций, партсобраний и конференций градообразующих и других предприятий и учреждений закрытых городов; протоколы пленумов, заседаний бюро ГК КПСС, справки партийных комиссий по подготовке вопросов к пленумам и заседаниям бюро; протоколы заседаний городских Советов народных депутатов. Отдельно следует выделить материалы уголовных дел, заведенные на некоторых жителей ЗАТО, а также сообщения органов КГБ о нарушениях режима секретности и настроениях граждан. Данные материалы сосредоточены в Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), в Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО) и в Государственных архивах (ГА) ЗАТО. Эти документы дают представление об условиях жизни в закрытом городе и отношении граждан к режиму секретности, о его нарушениях и наказаниях; о социальных стереотипах поведения, установках, потребностях, уровне потребления и притязаний; о политическом поведении и психологическом климате в ЗАТО.

Важным источником являются делопроизводственные документы и материалы градообразующих предприятий ЗАТО, сосредоточенные в группах фондов научно-технической документации (ГФ НТД) ПО “Маяк” (г. Озерск), Уральского электрохимического комбината (г. Новоуральск), комбината “Электрохимприбор” (г. Лесной). В данной подгруппе источников интерес представляют приказы и распоряжения директоров градообразующих предприятий, так как они дают представление об условиях жизни и работы, о поведении на производстве, производственной дисциплине и кадровой политике; а также листки по учету кадров. В силу того, что в начальный период формирования ЗАТО прием на работу производил только отдел кадров комбината, листки по учету кадров позволили изучить социально-демографические характеристики населения, социальный портрет различных профессиональных групп (ИТР, служащих, рабочих).

Особой разновидностью делопроизводственных документов являются письма жителей закрытых городов в центральные, областные и городские партийные органы, отложившиеся в Центре документации общественных организаций Сверд-

ловской области и в Государственном архиве Челябинской области. Письма жителей ЗАТО являются ценным источником, так как содержат информацию о социальных явлениях и процессах, об участвующих в них людях, их взаимоотношениях, поведении, мотивах, социально-психологических чертах и оценках происходящего. Они отражают образ жизни, свойственный социальной группе, к которой принадлежал автор документа в период его создания.

Отдельный интерес представляют статистические источники, отложившиеся в Государственных архивах закрытых городов и в архивах отделов ЗАГСов. К ним относятся данные переписи населения закрытых городов, проводимой в рамках Всесоюзной переписи 1959 г. и ежегодно составляемые “социальные паспорта города”, отражающие динамику естественного прироста населения, половозрастного и социально-профессионального состава горожан. Анализ данных городских отделов ЗАГСов дополняет социально-демографические характеристики жителей закрытых городов: показывает средний возраст вступления в брак, динамику заключения браков и разводов, рождаемости и смертности.

Следующую группу исторических источников составили социологические исследования. Особую ценность в данной группе источников представляют социологические исследования, проведенные в конце 1960-х гг. на комбинатах “Электрохимприбор”, “Маяк” и на Уральском электрохимическом комбинате. Результаты этих исследований сохранились в Объединенном государственном архиве Челябинской области, в текущем архиве группы социологических исследований комбината «ЭХП» и в фондах городского краеведческого музея г. Новоуральска. Проводимые профессиональными социологами на достаточно большой выборочной совокупности (от 218 до 1900 человек в разных опросах) исследования представляются достаточно достоверными и репрезентативными. В тоже время использование результатов данных социологических исследований требует критического подхода, поскольку на ответы респондентов могла воздействовать политико-идеологическая конъюнктура.

Кроме того, автором было проведено самостоятельное ретроспективное социологическое исследование (выборочная совокупность – более 400 человек), целью которого явилось

изучение некоторых аспектов жизни и социально-психологической атмосферы периода становления ЗАТО. Оно позволило проанализировать такие проблемы, как условия жизни в городе и отношение к ним, взаимоотношения на производстве, отношение к труду, ядерной угрозе, к закрытости города и режиму секретности, изучить особенности досуговой деятельности, а также проследить динамику изменений установок, представлений и отношений к указанным категориям в 40-е, 50-е и 60-е гг. XX в. Анализ результатов социологического исследования дал возможность отследить разницу отношений к одним и тем же проблемам работников завода и работающих на других предприятиях города, мужчин и женщин, что способствует воссозданию более целостной картины социально-психологического климата в ЗАТО.

В связи с нашей темой особый интерес представляют источники личного происхождения. Исключительно важным источником являются автобиографии, письма, воспоминания ветеранов ЗАТО, хранящиеся в местных городских музеях и в музеях комбинатов, опубликованные в городской прессе³⁹, а также книги ветеранов завода и города, вышедшие в местной печати. Указанные источники дополнены с помощью метода устной истории нестандартизированным интервью с ветеранами закрытых городов. Возможности использования биографического материала, применения “истории отдельного случая” достаточно широки. Эти источники отображают и реальные события, и их авторское эмоциональное восприятие, передают ценности, идеалы, социальные нормы того времени, психологический климат на производстве, взаимоотношения в быту и многое другое. Воспоминания жителей ЗАТО содержат множество фактов, которые не отразились в официальных документах. Основной недостаток этого типа источников заключается в их субъективном характере. Эффективным методом проверки достоверности воспоминаний явилось их сравнение друг с другом и с иными типами источников.

Несомненно, каждый закрытый город имеет свою специфику и по-своему неповторим. Однако, близкое время возникновения закрытых городов Урала (а, следовательно, и исторический фон событий), одинаковые принципы отбора населения и создания режимных зон, схожая направленность работы позволяют выделить определенные общие черты в

жизни населявших их людей и тенденции развития их ценностей, установок и моделей поведения. Их формирование происходит, условно говоря, на протяжении первых 25 лет существования ЗАТО. За это время складывается целостная система закрытых городов, с постоянным населением, с определенными социально-экономическими и культурно-бытовыми условиями, со стабильно сохраняющейся направленностью производственной деятельности. Кроме того, к концу 1960-х гг. сформировалось первое поколение населения ЗАТО, менталитет которого уже имел характерные черты.

Население закрытых городов следует рассматривать в качестве долговременных, устойчивых больших социальных групп, сложившихся в ходе исторического развития общества и занимающих определенное место в системе общественных отношений. Их исследование представляет особый интерес для понимания психологических характеристик исторического процесса. За сухим фактом о создании советского ядерного оружия в удивительно короткие сроки стоят конкретные люди, со своими мыслями, желаниями, интересами, ценностями, мотивами поведения, бытовыми привычками. Именно этот реально существующий фон исторических событий помогает понять глубинные причины того, как и почему в столь краткие сроки в сложных послевоенных условиях было создано отечественное ядерное оружие.

Исследование этого своеобразия тем более важно, что в настоящее время закрытые города, жители которых пренебрегая трудностями, своим здоровьем и безопасностью, обеспечили безопасность страны, в значительной степени становятся “обычными” городами. Они постепенно теряют прежнюю доминирующую позицию в обеспечении обороноспособности страны в следствие сокращения объемов производства, теряют свое привилегированное положение и широкие возможности. Меняется вся система ЗАТО, в рамках которой в свое время были фактически решены все социальные проблемы. В том числе изменяется и менталитет, представления жителей закрытых городов о самих себе, своей работе, которой они когда-то очень гордились. Обращение к этой проблеме в ретроспективе дает возможность подумать над успешным опытом реализации крупномасштабного государственного проекта, над тем, от какого наследства мы отказываемся сейчас.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Атомная отрасль России: события, взгляд в будущее / Ред. И.К. Хо-даков. М., 1998. С. 4.

2 Приведены современные названия предприятий и закрытых городов.

3 Александров А. П. Годы с Курчатовым // Наука и жизнь. 1983. ц 2; Алексеев Г. Н. Энергетические эпохи и основные периоды развития атомной энергетики // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. Вып. 2; Он же. Роль внутренних и внешних факторов в становлении и развитии атомной энергетики // Из истории энергетики, электроники и связи. М., 1981. Вып. 12; Астапенков П. Т. Подвиг академика Курчатова. М., 1979; Блохинцев Д. И. Рождение мирного атома. М., 1977; Головин Н. И. И. В. Курчатов. М., 1978; Жежерук И. Ф. Строительство и пуск первого в СССР атомного реактора. М., 1978; Петросьянц А. М. Проблемы атомной науки и техники. М., 1979; Сивинцев Ю. В. И. В. Курчатов и ядерная энергетика. М., 1980.

4 Алексеев Г. Н. Становление и развитие ядерной энергетики. М., 1990; Визгин В. П. Атомный проект в СССР: предварительные итоги изучения и новые материалы // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. ц 2. С. 86-92; Голеусова Л. Как все начиналось... // Международная жизнь. 1994. ц 6. С. 136-144; Горелик Г. Е. Философская подоплека советского атомного проекта // Природа. 1994. ц 7; Он же. С чего начиналась советская водородная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. ц 1. С. 85-95; Доллежалъ Н.А. У истоков рукотворного мира. М., 1989; Дровеников И. С. Ядерный юбилей в Москве // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. ц 4. С. 2-17; Жучихин В. И. Первая атомная. Записки инженера-исследователя М., 1993; Князькая Н. В. Первый этап атомного проекта в СССР // Наука в России. 1997. ц 5. С. 45-49; Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. М., 1995; Ларин И. И. История одного атомного города // Энергия. 1993. ц 12. С. 10-17; Медведев Ж. На старте ядерной гонки // Военно-исторический журнал. 2000. ц 6. С. 55-64; Смирнов Ю. Н. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. ц 2. С. 125-130; Создание первой советской атомной бомбы. М., 1995; Трифонов Д. Н. На страницах центральных газет обозначилась тема урана // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. ц 2. С. 168-171.

5 Барковский В. Б. Научно-техническая разведка на службе советского государства (1917-1946) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. ц 2. С. 76-89; Из истории атомного проекта // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. ц 2. С. 88-105; 1995. ц 2. С. 76-87; Как советская разведка расщепила американский атом // Новое время. 1991. ц 16-17.; Мальков В. Разведка и контрразведка в период холодной войны // Холодная война. С. 64-85; Поздняков В. Наши люди в США // Родина. 1998. ц 8. С.10-12; Он же. Тайная война Иосифа Сталина: советские разведывательные службы в США накануне и в начале холодной войны // Сталинские десятилетия холодной войны. С.188-206; Судоплатов П. П. Спецоперации: Лубянка и кремль. 1930-1950. М., 1998; Харитон Ю. Б., Смирнов Ю. Н. О некоторых мифах и легендах вокруг советского атомного и водородного проектов // Энергия. 1993. ц 9. С. 2-13; Яцков А. А. У истоков советского атомного проекта // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. ц 3. С. 107-134.

6 Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 27, 34-37, 71, 106, 194-212.

7 Перевалов Ю. В., Романова О. А., Чененова Р. И., Ченчевич С. Г., Макарова И. В., Юрпалов С. Ю. Конверсия и реструктуризация оборонного комплекса: региональные проблемы и перспективы. Екатеринбург, 1998. С. 21, 39, 139-141, 145.

8 Быстрова И. В., Рябов Г. Е. Военно-промышленный комплекс СССР / Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2.

9 Круглов А. К. Указ. соч. С. 37-71.

10 Академик Л. А. Арцимович. Сборник статей. М., 1975; Бедель А. Э. У истоков ядерного могущества // Урал в панораме XX века. С. 348-352; Важнов М. А. П. Завенягин: страницы жизни. М., 2002; Воспоминания об академике И. К. Кикоине. М., 1991; Воспоминания об академике Л. А. Арцимовиче. М., 1988; Губарев В. С. Арзамас-16. "Русские сенсации". М., 1992; Елфимов Ю. Н. Маршал индустрии: Биографический очерк об А. П. Завенягине. Челябинск, 1991; Замятин Ю. С. Воспоминания об участии в атомном проекте // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. ц 2. С. 140-150; Первухин М. Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране // Родина. 1992. ц 8-9; Он же. Первые годы атомного проекта // Химия и жизнь. 1988. ц 5. С. 60-69; Петросьянц А. М. Дороги жизни, которые выбрали нас. М., 1993; Славский Е. П. Когда страна стояла на плечах ядерных титанов // Военно-исторический журнал. 1993. ц 9; Е. П. Славский. Страницы жизни. М., 1998; Е.П. Славский. 100 лет со дня рождения. М., 1999; Слово о Забабахине. Сборник воспоминаний. М., 1995; Смирнов Ю. Н. Г. Н. Флеров и становление советского атомного проекта / // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. ц 2. С. 100-125; Человек столетия. Юлий Борисович Харитон. М., 2002; Ю.Б. Харитону – 90 лет // Международная жизнь. 1994. ц 6. С. 48-49.

11 Атомная отрасль России: события, взгляд в будущее / Ред. И. К. Ходаков. М., 1998. С. 33-113.

12 Бутамо С. В., Синицына Г. С., Шашуков Е. А. Истоки российского атомного пути // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 1. М., 1997. С. 41-49; Рябев Л. Д., Кудинова Л. И., Работнов Н. С. К истории советского атомного проекта (1938-1945) // Там же. С. 23-41; Круглов А. К. Кто участвовал в организации советского атомного проекта // Там же. С. 62-80; Меркин В. И. Создание первого промышленного реактора в СССР // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 2. М., 1999. С. 116-135; Плоткина А. Г., Воинов Е. М. Академик И. К. Кикоин – научный руководитель проблемы разделения изотопов урана // Там же. С. 195-207; Синицына Г. С. и др. В. Г. Хлопин и атомная проблема // Там же. С. 47-136; Соснин Г. А. Коротко о создании атомной промышленности // Там же. С. 189-194.

13 Котельников Р. Б., Тумбаков В. А. Атомный проект СССР – древо целей, ресурсы, усилия, результат (1945-1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 2. С. 320-330.

14 Алексеев В. В., Литвинов Б. В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып.1. С. 291- 302.

15 Алексеев В. В. Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999. С. 21.

16 Литвинов Б. В. Ядерный потенциал России: роль и значение для истории XX века // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Сборник докладов. Екатеринбург, 2000. С. 64.

17 Гастерсон Х. Ливермор глазами антрополога // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. ц 2. С. 98.

18 Визгин В. П. Формирование этоса советского ученого-атомщика // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып.1. С. 367.

19 Урал в панораме XX века. Екатеринбург, 2000. С. 315-324.

20 Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайны "сороковки". Челябинск, 1995. С. 209-223, 225-250, 256-259, 275-281.

21 Новоселов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999. С. 77, 78, 87, 91-110.

22 Там же. С. 110-127, 132-137.

23 Артемов Е. Т., Бедель А. Э. Укрощение урана. Екатеринбург, 1999. С.11-12.

24 Там же. С. 254-260, 262, 275, 278, 284-290.

25 Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Атомный след на Урале. Челябинск, 1997.

26 Толстиков В. С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале. (1945-1998). Челябинск, 1998.

27 Кузнецов В. Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первое десятилетие. Екатеринбург, 2003. С. 108.

28 Рясков С. А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала: препринт. Екатеринбург, 2004.

29 Там же. С. 57.

30 История города Лесного: Эпоха и люди. Екатеринбург, 2000.

31 Аняншин М. А. Записки деда. Златоуст-36, 1993; Землин П. С., Гашев И. И. Десант полковника Быстрова. Озерск, 1999; Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997; Митюков А. В. Исповедь самому себе. Лесной, 1997; Он же. Удивительные люди уникального завода. Лесной, 1998; Новикова Т. Г. Уральский градостроитель. Снежинск, 1997; Парфенов Е. И. Жизнь без паспорта. Снежинск, 2004; Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-70). Екатеринбург, 1997; Слово о приборостроительном / Сост. П. Щедрин. Трехгорный, 1995; Удивительные люди уникального завода / Сост. А. В. Митюков. Екатеринбург, 2000; Феокистов Л. П. Из прошлого в будущее: От надежд на бомбу к надежному реактору. (Воспоминания, избранные статьи). Снежинск, 1998; Шагин В. Е. Невыдуманные рассказы. Лесной, 1998.

32 Постановление ГКО СССР № 9887 // Военно-исторический журнал. 1995. № 4. С. 65-67; Из истории атомного проекта // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 2. С. 88-105.

33 Документы Народного Комиссариата иностранных дел // Источник. 1994. № 3. С. 114-144; Первые письма с "холодной войны" // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 140-144.

34 Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании московского Совета 6 ноября 1945 г. // Правда. 1945. 7 нояб. С. 1; Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. М., 1946; Интервью тов. И. В. Сталина относительно речи г-на Черчилля // Источник. 1998. № 1. С. 100-102; Ответы И. В. Сталина на вопросы московского корреспондента "Sunday Times" господина А. Верта; Молотов В. М. Советский Союз и международное сотрудничество // Правда. 1946. 31 окт. С. 2; Ответ И. В. Сталина корреспонденту "Правды" насчет атомного оружия. 6 окт. 1951 г. М., 1951; Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 32-36.

35 Материалы из архива внешней разведки России // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. № 3. С. 107-134; Материалы из архива РНЦ "Курчатовский институт" // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 120-124.

36 НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры (1944-1945) // Свободная мысль. 1997. № 8. С. 93-102; МГБ: структура, функции, кадры (1946-1953) // Свободная мысль. 1997. № 11. С. 109-121, № 12. С. 102-119.

37 Россия, которую мы не знали. 1939-1993. Челябинск, 1995. С. 197-198; План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма (апрель 1947 г.); План мероприятий по усилению американской пропаганды на ближайшее время (апрель 1949 г.) // История. 1996. № 3. С. 10-12.

38 Возможная психологическая реакция на воздушное нападение США против СССР // Родина. 1998. № 8. С. 63-66; Заключительный доклад по военной игре "Пэдрон", 1 июля 1948 г. // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 78-81; Советские возможности в разработке и производстве некоторых типов оружия и оборудования // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 68-69; "Советский Союз пойдет на любые меры за исключением военных" // Источник. 1999. № 2. С. 88-101.

39 Следует отметить, что до конца 1980 - начала 1990-х гг. в закрытых городах не существовало местных газет из-за соображений секретности.

ГЛАВА 1. СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ (ЗАТО)

Исторические условия появления закрытых городов

Формирование менталитета населения закрытых городов Урала происходило после Второй мировой войны, в условиях обострения политических отношений между двумя социальными системами. Личность, как носитель менталитета, является объектом многообразных политических, экономических, культурных, нравственных и иных воздействий со стороны общества в определенный момент его исторического развития. Именно поэтому для исследования менталитета необходим анализ исторических обстоятельств социализации личности или исторической ситуации (в данном случае послевоенных событий).

С окончанием Второй мировой войны произошли значительные изменения в мировой геополитической ситуации. Были разгромлены Германия, Италия и Япония. Англия и Франция вышли из войны значительно ослабленными. США, наоборот, существенно выиграли в результате войны, сосредоточив до 80% мирового золотого запаса, 60% мирового производства, заметно увеличив национальный доход. Соединенным Штатам удалось создать и испытать ядерное оружие. Имея экономическое и военное превосходство, США стали ощутимой силой на мировой политической арене.

Советский Союз, с одной стороны, обрел статус сверхдержавы, заслужил искреннее уважение и симпатию мировой общественности. Справедливость отождествлялась с социальным строем в СССР, социализм стал чрезвычайно притягательным. С другой стороны, СССР значительно пострадал: общие людские потери (прямые и косвенные, в результате снижения рождаемости и повышения уровня смертности гражданского населения) составили более 37 млн. человек; общий экономический ущерб по данным ЦСУ Госплана СССР составил 4734 млрд рублей в ценах 1940 г. (или 893 млрд американских долларов)¹, были разрушены 1710 населенных пунктов городского типа, 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 35 млн человек осталось без жилья.

Основным вопросом послевоенного развития СССР являлся вопрос восстановления экономики. В правительственных кругах существовало две точки зрения по этому вопросу, исходивших из общего постулата об экономическом и политическом кризисе в послевоенном капиталистическом мире. Из этого положения представители первой точки зрения (А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский, Н.Н. Родионов) делали вывод, что СССР может стать рынком сбыта американской продукции, сбалансированно развивать экономику, не опасаясь угрозы новой войны. Представители второй точки зрения (Г.М. Маленков, Л.П. Берия) считали, что необходимо ускоренное развитие тяжелой индустрии, поскольку экономический и политический кризис несут угрозу новой войны, что усугубляется обладанием США преимуществом в ядерном оружии². Победа второй точки была обусловлена рядом факторов внутренней и внешней политики, началом “холодной войны”.

Внешняя политика СССР базировалась на доктринах марксистско-ленинской теории³, по сути, позволяющих и одобряющих “справедливую антиимпериалистическую войну ради победы мировой революции”. Сталин трансформировал эту идею в политику неуклонного расширения рамок “советской империи”. Принципы марксизма-ленинизма лежали и в основе традиционных опасений о создании враждебных Советскому Союзу коалиций западных держав⁴. Следуя этой политике, СССР насаждал советскую модель в странах Восточной Европы и Азии, принимая только ту форму политического устройства, которая утвердилась в Советском Союзе.

В противовес этому существует точка зрения, согласно которой СССР после 1945 г. не собирался продвигаться дальше ни в Европе, ни в Азии⁵.

Однако, документы Народного Комиссариата иностранных дел показывают, что СССР предъявлял территориальные притязания к Турции, желая контролировать Босфор и Дарданеллы, стремился закрепиться в Иранском Азербайджане, в северных районах Китая, установить опеку над бывшими колониями Италии в Африке⁴. Все эти действия вызывали недовольство и опасения у недавних союзников, способствовали напряженности их взаимоотношений.

Некоторые из зарубежных исследователей считают⁶, что необходимость государственной безопасности, а не идеологи-

ческие соображения побуждали Сталина расширять зону советского влияния. Как подчеркивает американский историк Т. Пэтерсон, руководство СССР рассматривало советские режимы в Восточной Европе как закономерные, оправданные плоды победы над фашистской Германией⁷. При этом международные отношения осложнял не сам факт распространения советского контроля, а отсутствие в зоне влияния СССР демократических институтов. Кроме того, СССР уже в 1945 г. готовил новую идеологическую войну, главными противниками которой были намечены Англия и США, а затем – исключительно американский империализм.

Эта идеологическая кампания рассматривалась руководством СССР как необходимость, поскольку значительная часть советских граждан связывала с США и Англией определенные надежды на экономическую поддержку, на перемены в советской системе в сторону большей свободы и демократии⁸. “Холодная война”, образ нового врага были выгодны для СССР, поскольку помогали сплотить население, пресечь критические настроения и высказывания, объяснить угрозой новой войны непопулярные правительственные меры⁹.

Действия Советского Союза также были реакцией на кардинальные перемены в международной обстановке, связанные с усилением политического влияния США. И отечественные, и зарубежные историки полагают, что послевоенная ситуация дала возможность США осознать свое превосходство¹⁰. Руководство Соединенных Штатов принимало во внимание политический подтекст атомной бомбы: ожидалось, что демонстрация эффективности нового оружия позволит надавить на СССР при решении спорных вопросов. Осознание США собственной силы привело к пониманию необходимости глобального присутствия в мире Соединенных Штатов.

Таким образом, США стремились к установлению экономического и политического контроля в мире, а Советский Союз – к созданию мировой социалистической системы. Иными словами, интересы были заведомо противоположны. На смену идеям компромисса и сотрудничества как со стороны СССР, так и со стороны США, довольно быстро приходят идеи о мире с помощью силы.

Открытой конфронтации с обеих сторон предшествовали секретные документы по запросу госдепартамента США (со-

ставленные поверенным в делах США в СССР Д. Кеннаном) и по запросу министра иностранных дел СССР (составленные послом СССР в США Н. Новиковым). В обоих документах политика противоположного государства характеризуется как агрессивная, обе стороны обвиняют друг друга в стремлении к мировому господству, делается вывод об опасности возникновения новой войны¹¹. Зарубежные историки считают “длинную телеграмму” Кеннана важнейшим документом, положившим начало концепции сдерживания¹². Многие положения данного документа вскоре стали весьма популярны в американском правительстве, в правительствах Канады и Британии, среди руководства вооруженных и военно-морских сил.

Предпосылкой послания Н. Новикова явилась речь У. Черчилля в Фултоне (март 1946 г.), который обвинял Советский Союз в попытках установить “железный занавес” в Европе, подчеркивал, что полицейский режим в СССР и ряде других стран противоречит принципам демократии, что коммунисты являются угрозой всему демократическому миру.

Традиционно в отечественной и зарубежной историографии фултонская речь оценивается как важный поворотный этап в развязывании “холодной войны”, как ее философский фундамент¹³. Однако московский исследователь Р.Г. Пихоя утверждает, что речь У. Черчилля не вызвала пристального внимания в советском посольстве в Вашингтоне и не считает это событие значимым для эскалации “холодной войны”¹⁴. Историк подчеркивает, что негодование Сталина повлек международный резонанс на выступление бывшего премьер-министра Великобритании. В.О. Печатнов, Н.И. Егорова и ряд других ученых напротив, убеждены, что выступление У. Черчилля было воспринято и использовано в Кремле как сигнал тревоги, катализатор к ужесточению советской оппозиции по всему фронту, включая пропаганду¹⁵.

Публикация речи У. Черчилля в “Правде” действительно оказала влияние на общественное сознание. Во многих районах СССР были отмечены панические настроения, ходили слухи о скором начале новой войны, что провоцировало соответствующее поведение: люди скупали продукты в магазинах, цены в коммерческой торговле выросли в 2-3 раза¹⁶.

Эти слухи фактически были подтверждены И.В.Сталиным в интервью, данном газете “Правда”: Черчилль повторяет расовую теорию Гитлера и делает установку на войну против Советского Союза¹⁷. По сути, население настраивалось на преодоление временных трудностей, связанных с “решительным отпором американскому империализму” во имя сохранения мира.

Правильность выбранного советским руководством курса подпитывалась обнародованными доктриной Трумена (послание Конгрессу от 12 марта 1947 г., в котором Трумен настаивает на необходимости выделения средств для военного сдерживания СССР) и планом Маршалла (от 5 июня 1947 г., предусматривающего программу экономической помощи странам Европы, при условии вывода коммунистов из европейских правительств). Оба документа были восприняты в СССР как враждебные его интересам.

К концу 1948 г. окончательно утвердилось взаимное видение друг друга в образе врага. Обе стороны увеличили численность войск: США – с 1500 тыс. в 1948 г. до 3211 тыс. в 1951 г. (т.е. на 214%), СССР – с 2874 тыс. до 3100 тыс. соответственно (на 116%). Также возросли и военные расходы: США – с 14559 млн долларов в 1950 г. до 47000 млн долларов в 1952 г. (т.е. на 141%), СССР – 8287 млн руб. в 1950 г. до 9638 млн руб. в 1951 г. (на 116%)¹⁸. Численность центрального аппарата Военного министерства СССР возросла с 1 сентября 1941 г. по 1 сентября 1952 г. на 242%¹⁹. Последовало становление блоковых структур: в 1949 г. возникли СЭВ и НАТО, несколько позже, в 1955 г., Организация стран Варшавского договора. Острота противоречий в дальнейшем проявлялась в столкновении интересов противоборствующих сторон в войнах в Китае, Вьетнаме, Корее. Фактически мир раскололся на две враждебные части. Создавалась крайне упрощенная картина мира: с одной стороны, агрессивный империализм, проводящий активную подготовку к новой войне против СССР и других социалистических стран, с другой – прогрессивный Советский Союз, неизменно выступающий за мирное сосуществование. Оценка Соединенными Штатами международной ситуации была аналогична.

Таким образом, при столкновении важнейших геополитических, политических и других интересов лидеры ведущих

стран оказались не готовы отрешиться от военных методов и решений, опоры на военную силу и практически сразу после окончания войны взяли курс на силовое противостояние. Для США силовыми аргументами были экономическая мощь и атомное оружие.

Военные планы Соединенных Штатов базировались на уверенности в его военно-техническом превосходстве над СССР, основанной на данных американской разведки. Оценить реальность угрозы ядерного удара позволяют документы военных ведомств США.

В частности, из документа “Советские возможности в разработке и производстве некоторых типов оружия и оборудования” (1946 г.) следует, что СССР в течение ближайших 10 лет сможет произвести лишь единичные экземпляры атомных бомб. Соединенные Штаты исходили из того, что необходимы огромные средства для восстановления народного хозяйства, что индустриальный и технологический потенциал Советского Союза относительно низок, а советские ученые и конструкторы, обладая невысокими умственными возможностями, способны лишь к воспроизведению заимствованных научно-технических разработок. Делался вывод, что при максимальных усилиях атомная бомба будет доведена до стадии производства в период между 1950–1953 гг., а к 1956 г. будет произведено и складировано лишь небольшое количество таких бомб²⁰.

Основываясь на положениях о военно-экономической и технико-технологической слабости СССР, были разработаны детальные планы ведения атомной войны против Советского Союза, с последующей оккупацией его территории. И если по одному из первых разработанных Комитетом начальников штабов США плану (июнь 1946 г.) предусматривалось нанесение ядерных ударов 50 атомными бомбами по 20 городам СССР, то в последующем эти цифры росли. План “Дропшот” (1949 г.) намечал в качестве целей 100 городов СССР, на которые планировалось сбросить 300 атомных бомб с предполагаемой гибелью 65 млн. человек, а план командования стратегических ВВС (1954 г.) рассчитывал уже на 750 ядерных ударов по СССР²¹. А. Верт считает, что США к 1946 г. не имели такого количества бомб, а удар всеми запасами ядерного оружия по СССР повлек бы гибель от 5 до 10 млн. чело-

век²². Ясно, что даже в этом случае разрушения в Советском Союзе были бы огромны. По опубликованным данным, США в 1949 г. располагали 250-280 атомными бомбами, что практически соответствует плану “Дропшот”²³.

Цели внешней политики США по отношению к СССР были сформулированы в меморандумах Совета национальной безопасности: NSC 20/1 “Цель США в отношении России”, NSC 20/4 “Задачи США в отношении России, направленные на обеспечение безопасности США”, NSC 58 “Планы США в отношении стран Восточной Европы” от 1948 г. и NSC 68 от 1950 г. В соответствии с ними планировалась тотальная политическая война, конечной целью которой являлась безоговорочная капитуляция СССР. Промежуточными задачами были: ликвидация сферы влияния СССР в Восточной Европе, отделение от СССР балтийских республик и Украины, для чего надлежало поощрять и инициировать сепаратистские движения в СССР; компрометация советской идеологии, включающая теологизацию американской идеологии в качестве универсального мировоззрения²⁴. Предполагалось, что война закончится поражением СССР, в результате чего страна будет полностью расчленена с установлением власти правительства, беспрекословно подчиняющегося Вашингтону.

Директива NSC 68 была направлена не только на перевооружение американской армии и увеличение военного бюджета, но и на провоцирование фундаментальных изменений в самой природе советского режима²⁵, что и составило психологический компонент стратегии “сдерживания”. Управление психологической стратегии США предусматривало проведение психологических операций в двух направлениях: в направлении мировой общественности и в направлении самого СССР. В первом случае планировалось убедить мировое сообщество в фактах советской агрессии, в том, что именно коммунизм привел к войне и поэтому “свободный мир принял войну в качестве единственной альтернативы советско-коммунистическому рабству”²⁶; получить одобрение любых мер (в том числе и атомной бомбардировки), направленных на достижение победы. Во втором случае планировалась ликвидация поддержки народами СССР существующего режима путем широкой информационно-культурной деятельности на территории Советского Союза. Этой цели были подчи-

нены скрытые политические манипуляции, тайные меры экономической войны (саботаж, диверсия), помощь религиозным группировкам в сопротивлении коммунистическому строю, содействие антиправительственным движениям.

Предполагалось предпринять определенные меры и для того, чтобы ослабить антагонизм советского населения к США во время атомных бомбардировок. Во-первых, убедить население СССР, что Соединенные Штаты воюют ради освобождения советского народа от его террористического правительства. Во-вторых, наносить удары по военным и промышленным целям, а не по населенным центрам²⁷.

Таким образом, военные планы США свидетельствуют, что угроза территориальной целостности и политико-экономической самостоятельности СССР была достаточно реальна. Хотя в некоторых исследованиях утверждается, что ядерный шантаж США был скорее блефом²⁸, думается, что его реальная опасность все же учитывалась руководством СССР (кроме того, ядерное оружие имело и политическое значение). Не вызывает сомнения, что военные планы Соединенных Штатов поступали в СССР по каналам разведки. Принимая во внимание эти данные и собственные геополитические, экономические, политические и иные цели, Советский Союз должен был предпринять ответные меры.

Непосредственно после Второй мировой войны СССР мог противопоставить бывшим союзникам огромную армию, находившуюся в Европе и на Дальнем Востоке, но не обладал ядерным оружием – одним из главных аргументов послевоенного политического противостояния. Таким образом, со второй половины 1940-х гг. действовал новый фактор мобилизации усилий страны: угроза ядерной войны, а следовательно, необходимость создания отечественной атомной бомбы.

Информация о резком ускорении работ по созданию ядерного оружия на Западе поступала к руководству СССР еще в ходе Великой Отечественной войны. Она изучалась лучшими физиками страны: И.В. Курчатовым, И.К. Кикоиным, А.И. Алихановым, прекрасно сознающими всю остроту вопроса. Еще в мае 1942 г. будущий академик Г.Н. Флеров написал знаменитое письмо И.В. Сталину, в котором призывал обратить внимание на возможность создания атомного ору-

жия в фашистской Германии, подчеркивал необходимость начать работы по созданию атомной бомбы в СССР.

Первыми документами, которые заложили основу советского атомного проекта, стали распоряжения Государственного Комитета Обороны СССР от 28 сентября 1942 г. “Об организации работ по урану” и от 11 февраля 1943 г. “О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану”. В соответствии с последним распоряжением в феврале 1943 г. был создан научный центр по урановой проблеме во главе с И.В. Курчатовым, известный как Лаборатория ц 2. Однако в условиях войны развернуть полномасштабные работы по созданию атомного оружия было невозможно. Кроме того, Сталин с недоверием относился к сведениям разведки об американском атомном проекте, считал их дезинформацией и “плодом фантазии физиков”²⁹. К концу войны атомной промышленности как таковой в СССР не существовало, а к работам было привлечено не более 100 научных сотрудников³⁰.

Дальнейшая реализация советского атомного проекта связана с испытанием атомной бомбы США и обострением международных отношений после Второй мировой войны. Многие отечественные и зарубежные исследователи полагают, что бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была психологически направлена не столько против Японии, сколько против СССР³¹. В.В. Алексеев, Б.В. Литвинов, Н.С. Симонов считают, что именно это событие положило начало новому этапу атомного проекта в СССР³².

Постановлением ГКО ц 9887 от 20 августа 1945 г. создавался Специальный комитет (во главе с Л. П. Берией), на который возлагалось руководство всеми работами по использованию атомной энергии, и Первое Главное Управление (ПГУ) для оперативного руководства (во главе с бывшим наркомом боеприпасов Б.Л. Ванниковым)³³.

В состав ПГУ было передано Спецметуправление НКВД (во главе с бывшим заместителем начальника Дальстроя С.Е. Егоровым), занимавшееся разведкой, добычей и переработкой урановой руды, а также Управление специальных институтов НКВД, в которых велась разработка технологии получения плутония, урана и изделий из них³⁴. Позже Спецметуправление наряду с другими организациями вошло в со-

зданное в 1949 г. Второе Главное Управление (руководитель П.Я. Антропов), занимавшееся добычей сырья для атомной индустрии, а Управление специальными институтами – в созданное в 1951 г. Третье Главное Управление (руководитель – бывший первый заместитель министра вооружений В.М. Рябиков), отвечавшее за развитие науки и техники в области создания управляемых ракет, самолетовосителей ядерного оружия и ракет дальнего действия. (По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 апреля 1953 г. на базе Главных Управлений было создано Министерство среднего машиностроения, первым министром которого был назначен В.А. Малышев).

Первые комбинаты атомной отрасли было решено разместить на Урале. На выбор региона повлиял ряд геополитических, экономических, кадровых и производственно-технических факторов. Именно Урал являлся полигоном для отработки стратегии регионального развития, в основе которой лежали идеологические и особенно военно-стратегические императивы³⁵. Наблюдалась устойчивая тенденция укрепления позиций военно-промышленного комплекса Урала, в том числе, отраслей, связанных с реализацией советского атомного проекта. За годы войны на Урале произошел ряд отраслевых изменений, укрепивших основы военно-промышленного комплекса региона и позволявших решать сложные производственно-технические задачи. Значительно увеличился выпуск валовой продукции в топливобывающей отрасли, в электроэнергетике, в черной и цветной металлургии, в химической индустрии. Рост объемов производства происходил главным образом за счет машиностроения, являвшегося адресатом основных инвестиций.³⁶ Военное машиностроение в первую очередь получало электроэнергию, топливо, сырье, материалы.

В годы Великой Отечественной войны на Урал было эвакуировано 730 предприятий из западных районов страны, в результате чего территориальная концентрация индустриального потенциала промышленности превышала общесоюзную в 3 раза³⁷. В этом регионе имелись практически все виды военного производства: сектор уральской промышленности, специализирующийся исключительно на выполнении заказов министерства обороны по сути являлся основным³⁸. Ре-

гион обладал развитой сетью железных дорог и линий электропередач.

За счет эвакуированного населения (общей численностью 2,2 млн. человек³⁹) состав промышленных предприятий укрепился высококвалифицированными кадрами. Многие будущие руководители атомной промышленности в годы войны активно работали на различных предприятиях Урала. Немаловажным фактором была удаленность от западных и южных границ страны, что обеспечивало безопасность и режим секретности.

Специальными постановлениями Совета Министров СССР (от 1 декабря 1945 г., 4 апреля 1946 г., 6 июня 1947 г.) было положено начало строительства заводов ц 813 (Свердловск-44, ныне г. Новоуральск), ц 817 (Челябинск-40, ныне г. Озерск) и ц 814 (Свердловск-45, ныне г. Лесной)⁴⁰. Несколько позже – 25 января 1952 г. началось строительство Приборостроительного завода (Златоуст-36, ныне г. Трехгорный) и 31 июля 1954 г. – НИИ 1011 (Челябинск-70, ныне г. Снежинск). При выборе места строительства учитывали наличие большого количества пресной воды, близость железной дороги, наличие определенного количества промышленных и жилых зданий, сравнительную близость к областным центрам – Челябинску и Свердловску⁴¹.

По политическим соображениям и необходимости охраны государственной тайны строительство закрытых городов проходило в условиях строгой секретности, силами заключенных, спецпереселенцев, военных строителей и отчасти вольнонаемных. Головной организацией по строительству объектов атомной промышленности в 1946–1953 гг. было Главное управление лагерей промышленного строительства НКВД (Главпромстрой) во главе с А.Н.Комаровским⁴². Начальники строительства одновременно являлись и начальниками лагерей при этих строительствах. С целью предотвращения разглашения сведений всех занятых в строительстве переводили на другие объекты НКВД–МВД. На наиболее крупных стройках ПГУ одновременно находилось по 10–12 лагерных отделений, при этом общая численность заключенных была сравнительно невелика. Так, на строительстве комбината ц 817 (будущий “Маяк”) находилось 8,4 тыс. заключенных, комбината ц 813 (будущий УЭХК) – 6,7 тыс. человек (дан-

ные на май 1947 г.)⁴³. В начальный период строительства заключенные составляли от 20 до 40% строителей, при этом они практически не работали на промплощадках, не допускались на секретные объекты. Как справедливо подчеркивают многие исследователи, неправомерно считать, что объекты атомной промышленности возводились преимущественно силами заключенных⁴⁴.

Большое значение на стройках ПГУ имели военно-строительные батальоны: в 1946 г. в строительстве завода ц 813 принимало участие 5,9 тыс. человек, а в 1949 г. – 11,8 тыс. человек; в строительстве завода ц 817 – 8,7 и 18,5 тыс. человек соответственно⁴⁵. Военные строители хорошо приспособлялись к сложнейшим бытовым условиям, понимали необходимость строжайшей дисциплины и ответственности при выполнении производственных задач. Именно они одними из первых осваивали стройплощадки закрытых городов.

Правительством была поставлена труднейшая задача – за 18 месяцев построить производственные мощности для получения плутония и урана. Эта задача была решена в рамках экономики мобилизационного типа. В.В. Алексеев и Б.В. Литвинов справедливо рассматривают феномен мобилизационной экономики как стратегию выживания и сохранения национальной независимости в условиях ядерного противостояния двух держав (в широком смысле) и как серию конкретных мероприятий экономического и социально-политического характера (в узком смысле)⁴⁶.

Создаваемая отрасль имела определенные характерные черты. В частности, специализированную производственную базу, иными словами, комплекс предприятий, способных, независимо от уровня технико-экономического развития соответствующих отраслей промышленности, производить предметы вооружения и боевой техники на уровне мировых стандартов.

В управлении экономикой и социальными процессами атомной промышленности применялись методы военного времени. Так, строительство и разработка технологических схем и оборудования проходили параллельно, что зачастую порождало коррекцию производственных оперативных задач. При этом изыскивались материальные и финансовые

ресурсы для их выполнения в намеченные сроки. Совет Министров СССР специальными постановлениями обеспечивал первоочередное снабжение секретных объектов. Так, например, постановление Совета Министров СССР от 4 января 1956 г. ц 5-Зсс. обязывало министерства и ведомства: “а) принимать от Минсредмаша заказы на изготовление специального оборудования, изделий и приборов в объеме согласно положению...; б) обеспечить первоочередное выделение планируемых материально-технических ресурсов для специальных работ в полной потребности за счет общих ресурсов, подлежащих распределению в планируемый период, предусматривая их в планах отдельной строкой “специальные работы”...раздельно по основной деятельности и капитальному строительству; в) производить изготовление, поставку и перевозку материально-технических ресурсов для обеспечения специальных работ вне всякой очереди и независимо от общего уровня выполнения планов производства, поставки и отгрузки для других потребителей и нужд народного хозяйства...”⁴⁷

На предприятия атомной отрасли распространялось приоритетное бюджетное финансирование (причем акцент делался на высокие технологии и характеристики оборудования в большей степени, чем на расходы).

Исследователи Р.Б. Котельников и В.А. Тумбаков, основываясь на опубликованных данных, указывают, что к 1953 г. СССР затратил на реализацию атомного проекта 28 млрд руб., что составило 4% к сумме национального дохода страны⁴⁸. Н.С. Симонов, используя архивные данные, подсчитал, что расходы по созданию ядерного оружия за 1947-1949 гг. составили более 14,5 млрд руб., за 1951-1955 гг. – более 64,8 млрд руб.⁴⁹ Несмотря на то, что в 1945–1947 гг. в СССР наблюдался экономический спад, росла инфляция, сокращались запасы продовольствия, сырья и стратегических материалов, в послевоенные годы на реализацию атомного проекта ежегодно расходовалось от 1,2 до 3% национального дохода страны⁵⁰. Академик В.В. Алексеев уверен, что данные Н.С. Симонова не соответствуют полным затратам и не учитывают весь объем работ⁵¹. Несмотря на то, что в исторической литературе отсутствуют полные данные о затратах Советского Союза на создание ядерного оружия, ясно, что интенсивность

и напряженность работ отечественной атомной промышленности была гораздо большей, чем в США.

Секретные заводы и города имели определенные льготы и преимущества в различных сферах, но одновременно к ним предъявлялись жесткие требования в отношении режима секретности и качества продукции. Работу закрытых предприятий постоянно проверяли различные отраслевые и правительственные комиссии, результаты производственной деятельности отслеживались с помощью месячных, квартальных, годовых отчетов. При решении различного рода вопросов (кадровых, технических, технологических, производственных и иных) имело место обязательное согласование с центральными руководящими органами отрасли.

При комплектовании кадрового состава действовал принцип обязательной трудовой повинности: вербовка на работу в секретной зоне предполагала обязательное согласие, в случае отказа могли быть приняты определенные меры, например, изымали паспорт, угрожали исключением из партии или ВЛКСМ. На работников предприятий атомной промышленности распространялись Постановление СНК СССР от 1502 от 21 августа 1940 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г.⁵², что позволяло укрепить дисциплину. Характерной особенностью предприятий ВПК было наличие резерва в них на все руководящие должности⁵³.

В целом реализации атомного проекта был придан размах мероприятия общегосударственной важности. В создании уральских комбинатов принимали участие все отрасли народного хозяйства СССР, было привлечено более 20 крупнейших научных коллективов страны⁵⁴.

При наличии преимуществ у Уральского региона были и определенные трудности: строительство проходило в неблагоприятных условиях резко континентального климата, при отсутствии опыта и материально-технической базы, необходимых для атомной отрасли, неустроенности быта, постоянных физических и эмоциональных перегрузках работников, связанных с задачей выполнения различных видов работ в максимально сжатые сроки.

Несмотря на сложности, в 1947–1949 гг. было осуществлено сооружение первых очередей комбинатов № 813, № 817, завода № 814 (будущий “Электрохимприбор”) с объектами

вспомогательного производства, а также введена в эксплуатацию первая очередь объектов социально-бытового и социально-культурного назначения.

Таким образом, с одной стороны, сложившаяся после Второй мировой войны историческая ситуация, характеризующаяся обострением международных отношений, началом “холодной войны”, создавала существенную угрозу экономической и политической самостоятельности СССР, а с другой – собственные цели и идеологические установки Советского Союза содействовали активизации советского атомного проекта (что повлекло строительство секретных предприятий) и обусловили особенности отечественной атомной отрасли.

Социально-демографический состав населения ЗАТО

Будущие жители и первые специалисты ЗАТО стали прибывать на строительство уже в 1946 г. Приказ ПГУ № 0355 от 26 ноября 1946 г. “Об установлении номенклатуры начальника ПГУ при Совмине СССР” стал главным документом кадровой политики атомной промышленности⁵⁵. Он предусматривал массовую мобилизацию кадров для основных объектов атомных производств. Работники отбирались в химической, металлургической, машиностроительной и других отраслях промышленности через партийные органы (в том числе Свердловской, Челябинской, Московской, Ленинградской, Куйбышевской и иных областей) совместно с ПГУ.

На основании анализа листов по учету кадров⁵⁶ можно выделить следующие методы трудовой мобилизации на ядерные предприятия. Во-первых, путевка ПГУ или направление, выдаваемое обкомом партии, вузом. Во-вторых, перевод (касался наиболее квалифицированных работников оборонных и иных предприятий, как правило членов ВКП(б)). В-третьих, личное заявление (характерно исключительно для жителей близлежащих населенных пунктов).

Как показало исследование населения г. Лесного, по первому способу в город попадало 51,5%, по второму 31,6%, по третьему – 16,9%. При этом существовали индивидуальные направления на объект и так называемые организационные наборы. Первые распространялись, как правило, на ученых,

ведущих инженерно-технических и прочих специалистов. Вторые охватывали в большей степени работников с проф-техническим и средним специальным образованием. По наборам в город прибыло 52,8% жителей.

Исследование выявило различные мотивы поселения в закрытом городе. Мотивом перспективы быстрого получения жилья руководствовались 71,8% переехавших в 1950-е годы, 83,3% переехавших в 1960-е годы. Мотивом высокой заработной платы – 65,6% переехавших в 1950-е годы, 87,5% переехавших в 1960-е годы. Мотивом хорошего снабжения – 70,3% переехавших в 1950-е годы, 83,3% переехавших в 1960-е годы. На возможность получить интересную работу указали 36,1% переселенцев 1950-х годов, 26,2% переселенцев 1960-х годов.

Отбор людей проводился по анкетным данным без предварительного собеседования. “Мы не выбирали себе работу, все делали за нас, никакого согласия у нас не спрашивали”, – вспоминают первые жители закрытых городов⁵⁷.

Действия кадровых служб были нацелены на поиск наиболее квалифицированных и талантливых кадров. Следует подчеркнуть, что на начальных этапах отдел кадров завода оформлял не только работников оборонного предприятия, но и других учреждений города.

Анкета для ведущих работников (преимущественно ученых), кроме прочего, содержала графы о научной карьере (должности, звания, сроки достижения определенных результатов в научной деятельности, наличие научно-технической базы); материальном обеспечении (оклад, нормы снабжения: карточки, пайки, жилплощадь и коммунальные удобства); сведения о подписке на отечественные и иностранные газеты и журналы; размер наличного гардероба (количество костюмов, пальто, обуви и т.п.)⁵⁸.

В отношении остального контингента отслеживались социальное происхождение, семейное положение (с указанием количества иждивенцев), политическая благонадежность (принадлежность к КПСС или ВЛКСМ), профессиональные показатели и личные моральные качества (изучались по характеристикам профсоюзных, комсомольских и партийных органов). Судимые, бывшие в годы Великой Отечественной войны в плену и на оккупационных территориях, проживавшие и

имевшие родственников за границей, в пограничных районах и прибалтийских республиках не подлежали оформлению на объект⁵⁹.

При оргнаборах в училищах, институтах и университетах анкеты заполнялись за год – полгода до окончания, причем о назначении анкет ничего не сообщалось. Все данные проверялись органами безопасности, а окончательные списки будущих работников утверждались в ЦК партии и ПГУ. Для дальнейшего распределения отобранных специалистов, как правило, отправляли в Москву. Там располагались филиалы отдела кадров, бухгалтерия и некоторые другие службы секретных заводов. Вновь прибывшим выдавали специальное направление ПГУ на имя одного из руководителей среднего уровня оборонного предприятия и предупреждали о необходимости сохранения в тайне места расположения будущей работы, ее содержания и руководства. Кроме различных документов, необходимых при оформлении на работу, заполнялась подписка о неразглашении государственной тайны, которая в последующем подтверждалась каждые 10 лет.

Прежде чем отбыть к конечному пункту назначения, многие молодые специалисты проходили стажировку в НИИ-9 (г. Москва), в научно-исследовательском институте при Ленинградском государственном университете, на металлургических заводах Подмосковья.

В результате жесткого отбора за первый год на завод ц 817 было зачислено 110 работников, а на завод ц 813 – 152, в том числе 44 рабочих, 41 служащий и 64 инженерно-технических работника⁶⁰.

Найм на работу производился и силами работников заводов. Так, начальник отдела кадров завода ц 814 выезжал в командировки, где совместно с представителем отдела кадров главка занимался зачислением на работу⁶¹. На заводе ц 817 формировались специальные бригады из инженерно-технических работников, которые выезжали за молодыми специалистами в Куйбышев, Казань, Иркутск, Челябинск. Только в результате первой командировки в феврале 1947 г. на завод ц 817 прибыло 775 выпускников школ ФЗО⁶². Все поступившие на завод подлежали оформлению на работу в течение трех дней. В случае задержки им выплачивалась заработная плата за дни задержки за счет виновных лиц⁶³. В

г. Снежинск в 1960-е гг. за счет вербовки в городах Челябинской и Свердловской областей комплектовалось 42% рабочих кадров, 41% – за счет демобилизованных и учащихся города⁶⁴.

Отбор кадров сопровождался определенными трудностями. Министр Среднего машиностроения Е.П. Славский вспоминал: “Трудно было привлекать к нам выдающихся ученых, инженеров – все страшно боялись, особенно ученые, они попадали как бы в изоляцию”⁶⁵.

Другой проблемой было нежелание руководителей различных производств “отдавать” лучшие кадры. В.А. Черепанов, работавший в конце 1940-х гг. в кадровой службе УЭХК, так вспоминает эту ситуацию: “В командировке по отбору кадров было разрешено разговаривать только с первыми секретарями обкомов. Первый секретарь собирал всех директоров заводов и давал указание отдавать тех людей, которых отберет представитель секретного завода.

На одном из предприятий я случайно узнал через бывшего сослуживца, что от директора завода поступило распоряжение “отдать только то, что не нужно”. В результате, после двух дней работы был отобран только один человек. Пришлось обращаться в Москву к А.П. Александрову. Директор завода получил строгий выговор, кадры были отобраны: из заводской многотиражки были выписаны имена передовиков среди которых и проходил отбор. Такая картина наблюдалась и на других местах. Никому не хотелось отдавать лучшие кадры”⁶⁶.

Итогом специфической кадровой политики, обусловленной условиями секретности и важностью производственной задачи, явился особый социальный состав населения ЗАТО.

В исследуемый период в г. Лесном мужчины составляли 61% от всего взрослого работающего населения, женщины – 39%, в г. Озерске – 48% и 52% соответственно. Средний возраст взрослого населения, приезжавшего в первое десятилетие существования закрытых городов составлял 25,7 лет, во второе десятилетие – 27 лет. Причем, более старшей по возрасту была группа инженерно-технических работников – 29 лет.

Возрастная структура г. Лесного на рубеже 1950-1960-х гг. показана в таблице 1.

Таблица 1

Возрастная структура населения г. Лесного
(рубезж 1950–1960-х гг.), % *

Возрастная категория	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961г.	1962 г.
До 18 лет	35,3	36,2	37,6	38,3	38,2	38,4
18-29 лет	31,5	31,2	30,4	30,2	30,2	30,3
30-39 лет	17,9	17,7	17,3	17,1	17,1	17,2
40-49 лет	7,0	7,1	7,0	6,8	9,6	9,7
50 и более	7,9	7,8	7,7	7,6	7,6	7,7

* Составлено по: Государственный архив (далее: ГА) г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. Т. 2. Л. 75-78, Д. 687. Л. 1-2.

Из данных таблицы 1 видна тенденция на увеличение возрастной категории до 18 лет, что связано с высокой рождаемостью, характерной для закрытых городов в данный период. Остальные возрастные категории находятся примерно на одном уровне на протяжении всего временного отрезка, при этом наибольший процент населения приходится на группу 18-39 лет. В этой же возрастной категории находилось большинство населения и в других закрытых городах⁶⁷. Это подтверждает данные о достаточно молодом возрасте проживающих в ЗАТО в 1950-1960-е гг.

От общего числа работающих ИТР составляли 21%, служащие – 38%, рабочие – 41%. В группе ИТР в г. Лесном преобладали мужчины (64,2%), в г. Озерске – женщины (63,3%). Завод ц 817, с преобладанием химического производства, требовал большего количества химиков техников-технологов. Эта группа специалистов, как правило, с высшим образованием была представлена в первые послевоенные годы в основном женщинами (именно они могли получать образование в годы войны). Видимо, этот фактор обусловил больший процент работающих женщин в г. Озерске. Среди служащих в закрытых городах большинство были женщины, в среднем около 56%.

Высшее образование имели в среднем 61% ИТР и 19% служащих, среднее специальное – 36% и 52% соответственно. При этом среди начальников и заместителей цехов, а также инженеров количество получивших высшее образование доходило в среднем до 92%, тогда как среди начальников

смен, отделов и мастеров – до 31%⁶⁸. Наибольший процент получивших высшее образование был среди ИТР г. Озерска и Снежинска.

Среди ИТР, получивших специальность до 1950 г., преобладали работники со средним специальным образованием, после 1950 г. – с высшим. Причиной являлась послевоенная ситуация в стране в области образования. В частности, с конца 1940-х гг. резко возросли расходы на научные исследования и образование, быстро увеличивалось количество высших учебных заведений. В 1950–1960-е гг. они продолжали расти очень высокими темпами. Увеличивалось количество студентов высших учебных заведений: они составляли от 0,69% всего населения СССР в 1950 г. до 1,67% в 1965 г.⁶⁹

Распределение инженерно-технических работников комбината ЭХП по году получения специальности показывает таблица 2.

Таблица 2

Распределение ИТР комбината ЭХП
по году получения специальности, %*

* Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. С. 3.

Как видно из таблицы 2 наибольший процент инженерно-технических работников, получивших высшее образование, приходится именно на вторую половину 1940-х – 1960-е гг.

Из числа рабочих начальное профессиональное и среднее специальное образование имели 35%. В целом, 25% населения закрытого города имело высшее образование, 38% – среднее специальное. Таким образом, практически каждый второй работающий человек в закрытом городе получил профессиональное образование.

В период комплектования закрытых городов в силу идеологических соображений отслеживалось социальное происхождение жителей. Здесь данные распределяются следующим образом: рабочие – 45%, крестьяне – 36%, служащие – 18%, мещане, духовенство, дворяне – 0,75%. Естественно, что в условиях существовавшего социально-политического строя предпочтение отдавалось трем первым категориям. По национальному составу жители закрытых городов принадлежали в основном к славянским (83%) и местным уральским национальностям (татары, удмурты, башкиры и пр.).

Хотя важным признаком считалось членство в КПСС или ВЛКСМ, доля беспартийных (58%) превышала долю коммунистов и комсомольцев (42%). Однако внутри социально-профессиональных групп среди ИТР членов КПСС/ВЛКСМ было 61%, служащих – 39%, рабочих – 28%. При этом, большее количество членов КПСС среди ИТР находилось в возрастной категории свыше 40 лет, что видно из таблицы 3.

Таблица 3

Распределение ИТР – членов КПСС по возрасту
(комбинат ЭХП), % *

Возрастная группа	24-28 лет	29-34 года	35-39 лет	40-49 лет	50 лет и выше
% от кол-ва ИТР внутри группы	28,6	37	37	57,8	55,6

* Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. С. 2.

Поскольку многие из инженерно-технических работников занимали руководящие посты на секретных заводах, непосредственно соприкасались с тем, что составляло государственную тайну, партийная принадлежность была необходимым атрибутом. Так, например, среди начальников цехов, отделов и руководителей групп комбината ЭХП 85% являлись членами КПСС⁷⁰.

Как показало социологическое исследование, в город в основном приезжали люди, не имевшие семьи (53%). В конце 1940-х гг. незамужних женщин приезжало больше, чем холостых мужчин – 61,3% и 38,7% соответственно, что объясняется уменьшением численности мужского населения стра-

ны в результате потерь в Великой Отечественной войне. Соотношение изменяется к 1960-м гг.: 48% незамужних женщин и 52% холостых мужчин. В целом, следует отметить, что в ЗАТО старались поддерживать пропорциональное количество одиноких мужчин и женщин, чтобы создать благоприятную обстановку для брачно-семейных отношений.

Среди семейных пар 42% на момент приезда в город не имели детей. 52% семей были полными (брачная пара с детьми) и лишь 6% – неполными (мать с детьми). Одиноким матерей было нерационально привлекать к работе, поскольку значительную часть их времени занимал уход за детьми. Семью имели 58% инженерно-технических работников, 67% служащих и 46% рабочих.

В г. Лесном на 1000 жителей в 1950-е гг. заключалось 13,7 браков, при этом средний возраст вступления в брак составлял 25,6 лет (в 1960-е гг. – уже 22,8 лет)⁷¹. Характерной особенностью браков в период до середины 1950-х гг. являлся тот факт, что в каждом четвертом браке мужчина был на 3-6 лет моложе женщины. Это закономерно в связи с непропорциональной демографической структурой, сформировавшейся в результате Второй мировой войны. Уровень разводов был сравнительно невысок и составлял в первое десятилетие в г. Лесном 16,1% от заключенных браков, в последующем этот показатель возрастал, что соответствовало общесоюзным и региональным тенденциям.

Как известно, модернизация сопровождается процессами урбанизации, а, следовательно, и формированием городского образа жизни. Последнему сопутствуют определенные изменения в демографической структуре населения. Так, в 1940-е – 1950-е гг. происходит трансформация форм демографического поведения семьи, вследствие чего снижается средний размер семьи и среднее число детей на семью. Данные процессы характерны и для закрытых городов Урала. В исследуемый период в ЗАТО доля семей, имеющих одного ребенка, составляла 42%, двух детей – 34%, трех – 14,4%, более – 9,6%. При этом средний размер детей на семью в закрытых городах составлял 1,9.

Сравнительно большее число детей было характерно для семей рабочих: 2,4 в г. Лесном; 2,5 в г. Озерске (в то время как для семей ИТР – 1,5 и 1,8). Разница в показателях объяс-

няется тем, что в семьях инженерно-технических работников в силу более высокого уровня образования, отдаления от ценностей традиционного общества, быстрее завершается переход от традиционной многодетной семьи к малодетной урбанизированной. Так, среди семей ИТР преобладали семьи с одним и двумя детьми (58,7% и 34,9% соответственно); процент семей, имевших 3 и более детей составлял 6,4%. В отношении семей служащих данные распределяются следующим образом: одного ребенка имели 46%, двух – 38% и более – 16%. Для семей рабочих в большей степени характерна многодетность: доля семей, имеющих трех и более детей составляла 42%. Таким образом, наибольший размер семьи характерен для рабочих семей (4,5 человек), наименьший – для ИТР (3,6). В целом средний размер семьи в закрытом городе составлял 4,1 человек. Это несколько выше средних данных по Уралу – 3,7 человек⁷², что связано с более высоким уровнем рождаемости (см. табл. 4) и низкими показателями детской смертности (в 2 раза ниже среднесоюзных⁷³).

В отношении динамики рождаемости и смертности в закрытых городах изучаемый период можно разделить на две части: до начала 1960-х гг. и после. Особенности демографических процессов ЗАТО представлены в нижеследующих таблицах.

Таблица 4

Динамика рождаемости населения закрытых городов
(на 1000 населения), ‰

Годы	Новоуральск	Лесной	Озерск	Урал	СССР
1950-1954	39,8	47,5	50,4	30,9	26,4
1954-1959	26,6	28,9	29,8	25,5	25,3
1960-1964	20,7	22,4	24,5	21,5	22,4
1965-1969	16,1	16,5	16,9	15,3	16,6

Таблица 5

Динамика смертности населения закрытых городов
(на 1000 населения), ‰

Годы	Новоуральск	Лесной	Озерск	Урал	СССР
1950-1954	3,6	2,4	6,3	10,2	9,4
1954-1959	3,8	2,7	3,7	7,5	7,7
1960-1964	3,7	2,8	3,2	7,1	7,2
1965-1969	3,9	2,9	3,7	7,6	7,6

Таблица 6

**Динамика естественного прироста и жизненности
населения закрытых городов***

Годы наблюдения	Естественный прирост (на 1000 населения в год)			Показатели жизненности ¹		
	Озёрск	Лесной	СССР	Озёрск	Лесной	СССР
1950-1954	44,1	46,2	15,0	8,0	8,4	2,8
1954-1959	26,1	27,6	17,6	8,0	7,9	3,3
1960-1964	21,3	23,3	15,2	7,6	7,6	3,1
1965-1969	13,2	14,0	10,0	4,6	5,5	2,3

¹ Показатели жизненности населения отражают соотношение числа родившихся к числу умерших.

*Подсчитано по: ГА г. Лесного. Ф.1. Оп. 1. Д. 18. Л. 5, 28, 43, Т. 1. Л. 4-5, 12, 21, 43, Т. 2. Л. 75-77; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 28. Л. 56, Оп. 73. Д. 1200. Л. 58; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 7-8; Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Екатеринбург, 1993. С. 11; Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Медико-демографическая ситуация в г. Лесном // Актуальные вопросы практической медицины. Вып. 6. Лесной, 1999. С. 20; Толстиков В.С. Указ. соч. С. 252, 255, 266.

Как видно из таблиц 4, 5 и 6 в период с 1950 по 1959 гг. регистрировалась высокая рождаемость, низкий уровень смертности и высокий естественный прирост населения. Данные процессы были обусловлены послевоенной демографической ситуацией, направленной на компенсацию человеческих потерь, а также местными особенностями: большой частотой браков, молодым средним возрастом населения, сравнительно ранним возрастом вступления в брак.

В 1956–1957 гг. в стране происходит снижение уровня смертности до минимума (7,0%), после чего общие показатели смертности начинают расти⁷⁴. В закрытых городах при незначительном росте уровень смертности оставался низок (в среднем 3,6%). Так, в г. Озерске и Новоуральске он был ниже общесоюзных показателей в 1,5-2 раза, в г. Лесном – в 3 раза. Причиной этого являются указанные социально-демографические особенности ЗАТО, а также благополучные социально-гигиенические условия, доступность и высокий уровень медицинского обслуживания населения. Например,

в г. Новоуральске в конце 1950-х – начале 1960-х гг. обеспеченность врачебным составом на 10 тыс. населения составляла 56 человек, в то время как по РСФСР – 19, по СССР – 18, то есть в 3 раза меньше⁷⁵. Аналогичным было состояние и в г. Озерске⁷⁶. В этот же период в г. Лесном врачебные должности были укомплектованы на 92-100%, процент охвата работников основного производства медицинскими осмотрами составлял 95-97%⁷⁷. Среди причин смертности первое место занимали сердечно-сосудистые заболевания, второе – онкологические, третье – травмы (при этом производственные травмы составляли от 23,4% до 40% их общего числа)⁷⁸.

Период с начала 1960-х гг. характеризуется некоторым снижением рождаемости, на фоне которого наблюдается понижение естественного прироста населения, и стабильно низким уровнем смертности. Снижение рождаемости в закрытых городах в данный период происходит в соответствии с аналогичными процессами в регионе и в стране в целом (в 1965 – 1967 гг.). Это влияние так называемого инверсионного следа войны: снижение рождаемости в середине 1960-х гг. было обусловлено низкой рождаемостью в годы войны. Постепенный рост рождаемости наблюдался после 1968 г., поскольку именно тогда в репродуктивный период вошло более многочисленное поколение женщин послевоенных лет рождения. Так, в среднем в период с 1960 по 1969 гг. в г. Лесном уровень рождаемости составлял 19,4‰, в г. Озерске – 20,7‰ (по Уралу 18,4‰), уровень смертности – 2,8‰ и 3,4‰ соответственно (по Уралу 7,4‰)⁷⁹. Иными словами, несмотря на отраженное в таблицах 4 и 6 понижение рождаемости и естественного прироста населения, в закрытых городах данные показатели превышали региональные и союзные.

Показатель жизненности населения (отношение числа родившихся к числу умерших) считается высоким при численном значении 1,8-2⁸⁰. Данные таблицы 6 позволяют сделать вывод, что в закрытых городах на протяжении всего изучаемого периода показатель жизненности населения был очень высок: в среднем 7,0 в г. Озерске и 7,3 в г. Лесном. Это является косвенным подтверждением более высокого качества жизни. Об этом же свидетельствует средняя продол-

жительность жизни населения: в г. Озерске в 1958-1969 гг. она составляла 72,1, в г. Лесном – 72,6, в то время как по СССР – 69,2, иными словами на 3 года меньше⁸¹.

Итак, в основном в закрытые города приезжали молодые люди, не имевшие семьи, русские, по социальному происхождению принадлежащие к категориям рабочих, крестьян или служащих, в большинстве не состоявшие в КПСС/ВЛКСМ, получившие среднее профессиональное или высшее образование, отличающиеся более высокими профессиональными и личностными качествами.

Социально-профессиональная структура закрытых городов отличалась значительными показателями наличия высшего и среднего профессионального образования у населения, а также достаточно большим процентом группы инженерно-технических работников. В середине 1950-х гг. на 100 рабочих в среднем приходилось 29,2 ИТР, что превышало общероссийские показатели в 2 раза⁸².

Жителей закрытых городов данного периода условно можно разделить на несколько групп в соответствии со временем получения образования. Первая группа – это люди, имевшие довоенное образование, богатый производственный опыт, приобретенный в результате активного участия в индустриализации страны, создании военно-промышленного комплекса. Они либо воевали в годы Великой Отечественной войны, либо работали в тылу на промышленных предприятиях. Вторая группа представлена в основном женщинами, получившими образование в годы войны. Третья группа объединяла специалистов, подготовленных специально для атомной отрасли в 1950-е гг. Поскольку отбор был направлен на поиск наиболее талантливых кадров, в ЗАТО концентрировались высококвалифицированные специалисты.

Годы рождения приезжавших в закрытый город в первое десятилетие в среднем приходились на 1910-1935 гг., во второе десятилетие – на 1935-1945 гг. Наибольшее количество жителей находилось в возрастной категории от 18 до 39 лет. Благоприятный средний возраст населения закладывал перспективу иметь хорошие человеческие ресурсы. Искусственное поддержание пропорционального количества взрослых холостых мужчин и незамужних женщин положительно влияло на развитие брачно-семейных отношений.

Отличительной особенностью семей закрытых городов являлись сравнительно больший средний размер и среднее количество детей на семью. При этом отмечается разница в показателях семей рабочих и инженерно-технических работников. Для первых характерна многодетность, а, следовательно, и больший размер семьи.

Хотя тенденции процессов рождаемости/смертности и браков/разводов соответствовали аналогичным общесоюзным и региональным процессам, имелись и специфические черты: высокий уровень рождаемости и естественного прироста населения, низкий уровень смертности, большая частота браков и меньшая – разводов. Характерной особенностью также была большая средняя продолжительность жизни в сравнении с показателями по СССР.

Таким образом, в результате искусственного формирования населения в закрытых городах создавалась благоприятная социально-демографическая ситуация, по различным критериям превышающая социально-демографические условия, характерные для Урала и СССР в целом.

Факторы формирования менталитета населения закрытых городов

Характеристики исторической ситуации задают развитию личности определенное направление, формируя её социально-психологические свойства. В процессе активного взаимодействия личности с обществом происходит присвоение общественного опыта, ценностей, норм, стереотипов поведения, социальных установок, закладывающих основы исторического своеобразия личности. Для раскрытия исторического своеобразия личности служит категория поколения как историко-психологического феномена. Исследователи определяют поколение как возрастную группу людей, формирование характера которой происходит под влиянием определенных исторических событий и условий, что обуславливает сходство некоторых личностных характеристик⁸³.

В изучаемый период население закрытых городов в основном формировалось поколением, родившимся до и во время Второй мировой войны. Таким образом, историческое свое-

образии личности данного поколения определяется тем, что ее развитие приходится на эпоху сталинизма, политико-идеологические характеристики которой задавали определенный комплекс личностных свойств.

Кроме того, в исследуемый период наша страна находилась отчасти на этапе раннеиндустриальной модернизации (сталинская модернизация 1930 – 1940-х гг.) и, в большей мере, на этапе позднеиндустриальной модернизации (1950 – 1960-е гг.). Поскольку модернизационные процессы развиваются в течение десятилетий на протяжении жизни нескольких поколений, они являются важной составляющей формирования менталитета людей. На менталитет российских граждан оказывали влияние следующие специфические национальные черты модернизационного перехода: решающая роль внешних факторов модернизации; “догоняющий” характер и сжатые сроки; большая, чем в западной цивилизации, роль государства в организации процессов модернизации; концентрация на развитии тех отраслей экономики и сфер жизни, которые имели в глазах центра приоритетное значение (в первую очередь, в плане укрепления обороноспособности страны).

Более высокий уровень развития капиталистических стран обуславливал догоняющую модель экономического развития СССР. Данный внешнеэкономический фактор играл доминирующую роль в формировании мобилизационного типа экономики Советского Союза⁸⁴. В этой ситуации все усилия были направлены на создание мощного военно-производственного комплекса, иначе говоря, в действие запускалась имперская модель модернизации⁸⁵.

Проведение форсированной индустриализации сопровождалось определенными идеологическими установками, прочно закреплявшимися в менталитете населения СССР. Так, советское общество подлежало принципиально положительной характеристике. Как справедливо пишет Х. Гюнтер, пространства по ту сторону советских границ отличали, как правило, негативные свойства⁸⁶. Более того, внешнее пространство выступало постоянной угрожающей силой по отношению к советскому государству. Необходимость ускоренного развития страны объяснялась опасностью извне: социалистическая страна – это “осажденная крепость” в окружении

капиталистического мира. Отсюда важное место в системе сталинской идеологии занимала категория войны: в рамках ее угрозы проходила жизнь любого поколения. Военные представления внедрялись в менталитет гражданского человека. По мнению современных исследователей российских модернизационных процессов, наличие врага является архитипом культуры русского традиционного общества⁸⁷.

Создание мощной промышленности (связанной в первую очередь с производством вооружения) имело приоритетное значение, что отодвигало развитие остальных сфер общественной жизни на второй план. В этом отношении важной являлась установка на приоритет государственных, общественных целей и интересов. Жизнь человека той эпохи проходила под лозунгами строительства социализма, коммунизма, понимаемых как высшие ценности общества. Отсюда формировалась установка на аскетизм ради достижения глобальных государственных задач, складывался мотив жертвенности ради будущих побед социализма.

Как подчеркивает украинский исследователь Г.Г. Почепцов, день завтрашний рисовался положительными красками⁸⁸. Иными словами, советский человек жил ради будущего. Здесь важное значение имеет риторика побед: вся жизнь проходила в рамках движения к личной или коллективной победе. Страницы газет были заполнены репортажами с фабрик, которые будут давать продукцию, с мест строек заводов, которые будут построены. Широко пропагандировались победы на государственном уровне: коммунизм – высшая форма организации общества, самый прогрессивный и передовой строй. Практически по всем показателям СССР был “впереди планеты всей”.

Для поколения сталинской эпохи характерна искренняя вера в социальный порядок, идеализация целей развития советского общества и путей их достижения. Риторика побед формировала чувство оптимизма, позволяющего трактовать любые негативные события как исключения из правил. Социалистический идеал братства людей труда был привлекателен и порождал массовый энтузиазм, огромный потенциал народной энергии. На основе единства идей и настроений в обществе появлялось ощущение непреодолимой силы и устойчивое чувство ответственности.

Успехи страны на этапах ранне- и позднеиндустриальной модернизации сопровождались трансформацией менталитета населения: в массовое сознание внедрялись ценности экономического развития, индустриального производства; складывались новые, рациональные по своей природе модели поведения людей; появлялась готовность адаптироваться к изменениям; развивался мотивационный комплекс, ориентированный на персональные достижения; формировались самостоятельность, вера в прогресс и технические возможности, расширялся круг знаний, изобретательный научный поиск.

Индустриализм в советской культуре обладал значительной силой воздействия. Он формировал ценностное отношение к тем или иным сторонам действительности, выстраивал модели поведения граждан, был средством достижения новой жизни. Лозунг сталинских времен “Техника решает все!” сохранял свою директивность в менталитете советских людей следующих поколений⁸⁹.

Одним из следствий этатристической модернизации СССР являлась личная зависимость человека от государства и связанных с ним массовых организаций (партии, профсоюзов, комсомола и пр.). Таким образом, для советского государства была характерна политика так называемого государственного патернализма, т. е. системы строгой субординации социальных групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на заботу и защищенность со стороны вышестоящих⁹⁰. В сознание людей внедрялся патерналистский комплекс, согласно которому их существование было связано с заботами Вождя, партии, государства. Авторитетным признавалось только то, что исходило от главы партии или было освящено его мнением. Собственные взгляды и оценки должны были быть лишь производными, порождая единомыслие и унификацию в обществе.

Поскольку государство являлось единственным и монопольным собственником всех средств производства и ресурсов, постольку все население так или иначе находилось на государственной службе. Естественно, что в этих условиях государство брало на себя обязанность заботиться о благосостоянии граждан и само устанавливало необходимый уровень потребностей населения⁹¹. Отсюда, основной моделью

жизни советских граждан была модель долженствования: всеми институтами социализации подчеркивалось, что человек должен быть за все благодарен партии и правительству. В качестве благодарности он был обязан хорошо трудиться, исполнять общественные обязанности и т.п. Общественно-полезный характер труда рассматривался как самоценность, трудовой образ жизни пропагандировался как норма человеческого бытия, как первейшая гражданская обязанность. Собственно человеческая деятельность трактовалась как трудовая функция, а все остальные свойства были вторичны⁹².

Как ценность принимался коллективный образ жизни и работы. Только в коллективе коммунистического типа советский человек мог проявить свою индивидуальность и самодетельность. Коллектив был объявлен высшей целью развития общества, поскольку именно в коллективе советский гражданин не должен был ощущать разлада между общественными нормами и личными желаниями и потребностями. Даже область досуга не рассматривалась как сугубо личная сфера: общество имело право на моральное осуждение людей, ведущих “праздный или духовно ограниченный образ жизни”⁹³.

Итак, идеологическая модель и система воспитания советского общества ставили человека в фиксированные поведенческие рамки, нарушение которых подлежало наказанию. Неосознанное ощущение подавленности порождало скрытый страх. Такая ситуация, с одной стороны, способствовала созданию атмосферы сверхбдительности, доносительства, поскольку любое отклонение от постулируемых норм было признаком внутреннего врага социалистической системы. С другой стороны, цементируя общество, она облегчала действия власти и реализацию принципа унитарности в обществе. Идея совместного противостояния внутренним и внешним врагам обеспечивала иллюзию единства народа и вождя.

Великая Отечественная война, приходившаяся на время юности (наиболее сенситивный период становления мировоззрения) оказала значительное влияние на психологию поколения, формировавшего население закрытых городов Урала в первое десятилетие их существования.

Великая Отечественная война обусловила определенную направленность личности, для которой характерны: патрио-

тизм, высокая трудовая мотивация и личная ответственность, неприязнительность в быту, установка на преодоление трудностей, на работу в неблагоприятных условиях.

Ярким примером формирования установок и мотивов в военные и первые послевоенные годы служат воспоминания ветерана ПО “Маяк” Л.П. Сохиной, тогда студентки Воронежского государственного университета.

В ходе фашистской оккупации был уничтожен главный корпус университета, библиотека, оборудование кафедр, общежития. Несмотря на огромный урон уже в 1943 г. все факультеты возобновили работу. Занятия проходили в совершенно не отапливаемых помещениях: замерзали чернила, студенты не снимали пальто и телогрейки. Не хватало писчей бумаги, учебников, мебели в аудиториях (некоторым студентам приходилось сидеть на ящиках из-под снарядов), не было приборов для проведения лабораторных работ. Ежедневно, после лекций все студенты и преподаватели выходили на работы по восстановлению университета: расчищали завалы, прокладывали дороги к аудиториям, выбирали уцелевшие кирпичи, которые затем использовались при строительстве общежитий. “Все пять лет мы учились и строили. Никто не унывал. Все были настроены на учебу, не обращали внимания на скудность бытия в разрушенном полуголодном городе... Университет привил нам коллективизм, умение весело работать в трудных условиях без нытья и стонов”⁹⁴. Таким образом, трудности военного быта, тяжелейшая работа не только не подавляли людей, но и способствовали раскрытию их способностей, проявлению инициативности и самостоятельности.

Победа над Германией создала в Советском Союзе атмосферу национального единства и морального подъема, стимулировала чувства собственного достоинства, гордости за страну и ее народ. Не без помощи официальной пропаганды была сформирована вера в “вождя и учителя, организатора и вдохновителя всех побед”. С одной стороны, именно с существующим социально-политическим строем связывалась победа в Великой Отечественной войне, а с другой, появилась возможность некоторого критического взгляда на отечественные порядки (в результате сравнения с информацией о жизни на Западе).

В менталитете советского человека возникли новые черты: активная действенная позиция, самостоятельность⁹⁵. В какой-то мере исчез страх перед властью. Преобладающим послевоенным настроением являлось ожидание некоторой либерализации режима и развития контактов с Западом, надежды на обновление и улучшение жизни, на расширение свобод и прав граждан. Социальный оптимизм порождал желание как можно быстрее преодолеть последствия войны, не жалея на это ни сил, ни времени, ни здоровья. При этом население ожидало роспуска колхозов, отмены законодательства военного времени, особенно в трудовой сфере, упразднения карточной системы и военного налога, экономической свободы и даже изменений в Конституции страны.

Главным гарантом осуществления этих надежд в народном сознании выступал И.В. Сталин. Все непопулярные правительственные меры (например, отсрочка отмены карточной системы, повышение пайковых цен) объяснялись либо неведением Сталина, либо оправдывались как неизбежное зло, которое надо пережить (“если решение принял товарищ Сталин, значит, другого пути не было”)⁹⁶. При этом звучали критические высказывания в адрес правительства, коммунистов, недовольство вызывали новые государственные займы, продовольственная помощь зарубежным странам и некоторые другие мероприятия.

Как отмечает большинство исследователей послевоенных настроений⁹⁷, именно в рамках разворачивающейся “холодной войны” власти имели возможность пресечь критические настроения и отодвинуть послевоенные ожидания населения на неопределенный срок. Кроме того, новый мобилизационный фактор (необходимость создания атомной бомбы) обеспечивал дальнейшее функционирование сталинской системы модернизации: возникнув в результате догоняющего развития, в чрезвычайных обстоятельствах она могла действовать только в условиях чрезвычайщины⁹⁸.

Менталитет советского гражданина в силу вышеперечисленных особенностей был готов к восприятию военной угрозы. Militarистские настроения были достаточно широко распространены в обществе. Советские граждане интересовались, будут ли увеличены государственные границы СССР на западе, присоединены Германия, Польша и Югославия, Южный

Сахалин, Маньчжурия с Порт-Артуром и Корея⁹⁹. Кроме того, в сознании людей ощущение военной опасности было тесно связано с пережитым во время недавно закончившейся войны. Так, после упомянутой публикации речи У. Черчилля и интервью И.В. Сталина во многих районах Советского Союза распространились слухи о скором начале новой мировой войны. С этого момента подготовкой к войне народ объяснял самые различные постановления и кампании правительства¹⁰⁰. Официальная пропаганда не только не препятствовала возникновению подобных слухов, но и поддерживала установку на преодоление временных трудностей, требуя новых жертв во имя сохранения мира.

С целью формирования соответствующего общественного мнения партийно-государственным руководством была развернута антизападная и антиамериканская идеологическая пропаганда во всесоюзном масштабе.

Прежде всего проводилась общая линия на усиление классовой идеологической войны. Внутреннего врага олицетворяли космополиты – интеллигенты, преклонявшиеся перед западной культурой и “непонимающие сущности советского патриотизма”. В августе–сентябре 1946 г. была принята известная серия идеологических постановлений, критиковавшая творческих работников за “низкопоклонство перед заграничной культурой”. Они оказали большое влияние на ужесточение всей пропаганды и усиление идеологической борьбы. С развитием конфронтации с Западом на первый план выдвигается образ внешнего врага – первоначально “капиталистический Запад”. Противопоставление всего советского всему буржуазному проводится в “Плане мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма”, принятым Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в апреле 1947 г.

Наиболее вредным и опасным “пережитком капитализма” в “Плане...” признается чувство низкопоклонства перед “современной буржуазной культурой”. В целях воспитания советского патриотизма партийные организации, работники печати, науки и культуры были обязаны показывать “величие нашей социалистической Родины”, “превосходство социалистического строя над буржуазным”, “прогрессивность советского народа” как самого передового и творческого,

разъяснять “ всемирно- историческое ” значение русской и советской науки, литературы, живописи.

Раскрывать “эксплуататорскую сущность и паразитизм капиталистического общества”, “лживый характер буржуазных свобод”, разоблачать “идейное убожество буржуазной культуры, ее гнилость”, вскрывать “духовное обнищание, растление нравов и моральную деградацию людей буржуазного мира”¹⁰¹. Идеи советского патриотизма и критика буржуазного общества предписывалось проводить через газеты “Культура и жизнь”, “Правда”, “Известия”, “Большевик” и пр. Постановлением определялся круг тем, на которые должны были быть опубликованы статьи, проведены лекции и изданы массовые брошюры (например, “Советское государство – самое демократическое государство в мире”, “Ленинизм – высшее достижение русской и мировой культуры”, “Экономический и политический гнет в капиталистических странах” и т.д., всего более 30 тем). “План...” также предусматривал появление соответствующих художественных произведений, кинофильмов (в том числе и документальных), научных докладов и программ лекционных курсов для вузов, учебников и хрестоматий для средних школ.

Главным внешним врагом СССР становится “американский империализм”. Основные усилия антиамериканской пропаганды были направлены на искажение недавнего прошлого. Ставилась задача упрочить в массовом сознании положения исторической справки “Фальсификаторы истории” (1948 г.): ответственность за войну делили с фашистской Германией западные страны, подлинным инициатором Второй мировой войны объявлялись США¹⁰².

Типичным идеологическим документом этого времени явился развернутый “План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время (апрель 1949 г.)”. Государственным издательствам предписывалось в срок от одного до четырех месяцев издать книги и брошюры антиамериканского содержания. Так, Госполитиздат должен был выпустить книги, рассчитанные на массового читателя на темы “Экспансия американского империализма и план Маршалла,” “Геополитика на службе американского империализма,” “Интервенция США в Советской России в 1918-1920

гг.". Издательство "Искусство" должно было подготовить и издать сборник материалов для эстрадного исполнения, включающий произведения об Америке М. Горького, В. Маяковского и других писателей. Издательство иностранной литературы было поставлено перед необходимостью увеличить выпуск книг "прогрессивных зарубежных авторов, направленных против американского империализма".

Средства массовой информации обязывались систематически печатать статьи, памфлеты, очерки разоблачающего характера. В основу антиамериканской пропаганды по линии печати, радио и Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний были положены следующие темы: "Американские империалисты – душители свободы и независимости народов", "Монополии вскармливают фашизм на американской почве", "Басни о "процветании" Америки и реальная действительность," "Проповедь аморализма и звериной психологии в США" и др.¹⁰³ Подобных тем перечислялось около сорока.

Союз советских писателей должен был силами ведущих драматургов (К. Симонов, Н. Вирт) создать новые пьесы на антиамериканские темы. Комитет по делам искусств при совете Министров СССР был обязан увеличить количество театральных постановок соответствующего содержания (как в московских, так и в периферийных театрах), обеспечить репертуар для эстрадного исполнения, "разоблачающий политику, культуру, быт и нравы империалистической Америки".

В результате антиамериканская пропаганда заполнила все художественно-информационное пространство СССР: радио, телевидение, газеты и журналы, кинотеатры, библиотеки, книжные магазины, театры. (Указание создать цикл программ антиамериканского содержания дало даже Главное управление цирков). Количество материалов на соответствующие темы в советских СМИ скачкообразно возросло в 2-4 раза¹⁰⁴.

Начатая в рамках "холодной войны" кампания борьбы с космополитизмом и западным (особенно американским) империализмом активировала образы врага и войны. Произошла унификация терминологии, обозначавшей внутренних и внешних врагов ("космополиты", "американские шпионы", "агенты империализма") и описывавшей действительность за пре-

делами СССР (“агрессоры”, “американский империализм”, “империалистические воинствующие маньяки” и пр.). Свои-
ственные советскому менталитету милитаристские представ-
ления породили ощущение угрозы новой войны, что умело
использовалось руководством страны: послевоенная ритори-
ка жертвенности была связана не только с необходимостью
преодоления послевоенной разрухи, но и с обузданием аме-
риканских агрессоров.

Антиамериканская линия в пропаганде находила опреде-
ленное понимание и поддержку советской общественности.
Так, большой популярностью пользовались романы Н. Ше-
пилова “Поджигатели” (1949 г.) и “Заговорщики” (1951 г.),
кинофильмы “Русский вопрос ” (1948 г.), “Секретная мис-
сия” (1951 г.). Многочисленные публикации намеченных книг
и статей вызывали положительный отклик советских граж-
дан. При этом следует учитывать, что в официальной печати
большинство таких материалов-откликов готовилось отделом
пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) с целью поднять их на
уровень глобальных обобщений¹⁰⁵. Однако, тоталитарное со-
знание, характерное для населения Советского Союза, фор-
мируется от массового к индивидуальному, и важную роль
здесь играет пропаганда, отражение идеологии в средствах
массовой информации. Учитывая идеологическую жесткость
информационного пространства и опираясь на закономерность
тоталитарного общества, сформулированную Г.Г. Почепцо-
вым (вербальное пространство важнее невербального¹⁰⁶), мож-
но утверждать, что советские граждане, не имевшие иного
источника информации, реагировали достаточно искренне.
Иными словами, именно особо организованное вербальное
пространство (в данном случае соответствующие статьи, кни-
ги, доклады, радиопередачи, театральные постановки, кино-
фильмы и т. п.) явилось одной из важных составляющих,
формирующих менталитет советского человека после Вели-
кой Отечественной войны.

В результате в менталитете укоренялся образ американс-
кой культуры, США в целом, как враждебных духовной жиз-
ни СССР, социалистическим идеалам. Эти представления
поддерживались и в 1950-1960-е гг. Например, в 1958 г. в
издательстве АН СССР вышла книга Е. Модржинской “Кос-
мополитизм – империалистическая идеология порабощения

наций”. В июне 1960 г. ЦК партии принял специальное постановление “О повышении бдительности советского народа”. Оно обязывало все партийные организации систематически заниматься данным вопросом. Тем самым подкреплялась установка на враждебность окружающего мира, формировались представления о необходимости воспитывать ненависть к врагу и разоблачать его агентов повсеместно. Видимо, подобные установки и представления дают основание некоторым исследователям называть психологию рассматриваемого поколения психологией “окруженной крепости”¹⁰⁷.

Наиболее ярким воплощением перечисленных выше установок, представлений, ценностных ориентаций, социальных норм можно считать менталитет и поведение жителей ЗАТО, поскольку, как справедливо заметили академики В.В. Алексеев и Б.В. Литвинов¹⁰⁸, весь уклад жизни в закрытом городе олицетворял тоталитарный строй. Именно вышеперечисленные составляющие советского менталитета обеспечили безоговорочное принятие жителями закрытых городов многочисленных трудностей, характерных для жизни и работы в ЗАТО в начальный период.

Немаловажным фактором формирования менталитета населения этих городов являлся режим секретности, необходимость сохранения государственной тайны. Требования секретности сопровождали становление закрытых городов на различных этапах, начиная со строительства. Даже свободные строители не имели информации о месте работы, названии объекта, его назначении. При этом они были предупреждены о необходимости сохранять в секрете все, что видят и делают. “Сейчас никак не могу сообщить, где я работаю. Если я вам напишу, где нахожусь и чем занимаюсь, – объясняет один из военнослужащих, – то придется надолго “задержаться” в Сибири”¹⁰⁹.

Однако, несмотря на предупреждения и угрозу личной свободе в письмах к родным сообщались некоторые сведения. Так, военный строитель г. Новоуральска писал своему брату: “В этой зоне столько заводов, что даже счету их не знаю, а что они выпускают – никто не знает... Весь город охраняется, как на границе”¹¹⁰. “Работаем на строительстве, – пишет другой военнослужащий, – нас охраняют чекисты, словно мы не солдаты, а заключенные. Неда-

леко от нас находится завод, я еще такой не видел, даже на картинке”.

Неосведомленность в условиях секретности приводила к распространению различных слухов: “здесь более 50 заводов,” “этот город очень большой, но в случае войны здесь будет озеро в течение двух часов, то есть как будто ничего не было”. “Мы недалеко от китайской границы, – сообщает родственникам молодой солдат, – и здесь много собрано интересного и заводы. Мы не знаем, как называется этот город и никак не можем узнать. Хотя они и называют его Свердловском, но это не правда, потому что ... это маленький город и находится в горах”¹¹¹.

Специалистам, направленным на работу в закрытый город, также не сообщался ни пункт истинного назначения, ни основная цель работы. Например, при направлении из Москвы будущие работники завода ЭХП знали только номер поезда и вагона, название конечной станции. Поскольку все были предупреждены о сохранении в тайне места направления, многие боялись даже произносить название конечной станции. Группа выпускников Московского института химического машиностроения, направленная в г. Новоуральск, в целях секретности в разговорах между собой называли станцию Верх-Нейвинск “Сингапуром”¹¹².

Любое неосторожно сказанное слово вызывало подозрение. Ветеран УЭХК А.П. Борисевич вспоминает такую ситуацию. Прибыв на станцию Верх-Нейвинск и погрузившись в кузов грузовика, ее подруга Нина услышала к себе обращение незнакомого пассажира: “Ну что, Нина Павловна, со всем приданным к нам пожаловали?” Знание незнакомцем имени и отчества удивило и испугало. Первой мыслью, которая посетила обеих девушек, была: “Откуда все известно?! Провал”¹¹³. Оказалось, что все личные данные были написаны на чемодане девушки.

Атмосфера секретности порождала обостренные реакции на те или иные обстоятельства, вызывала различные ощущения у будущих жителей закрытых городов. Ветераны называют такие чувства, как любопытство, удивление, напряженность, растерянность, удрученность, подавленность, ощущение “таинственности и даже страха”, “ужасные впечатления”. У некоторых появлялась мысль, что их арестовали и везут в

лагерь для заключенных. Тем не менее, многие вспоминают, что все происходившее воспринималось как должное: “Дети военного времени, мы привыкли к всевозможным мобилизациям, безоговорочно верили, что так надо”¹¹⁴.

Приезжавших на работу в г. Озерск встречал огромный плакат с надписью, предупреждающей об опасности разглашения государственной тайны¹¹⁵. Молодых специалистов завода “Маяк” первоначально селили в общежитии г. Кыштыма (оформление допуска в специальную зону должно было проходить в течение трех суток¹¹⁶). Среди проживающих в общежитии распространялись противоречивые слухи. Одни утверждали, что жить предстоит в красивейшем уголке Урала – Русской Швейцарии. Другие – что жить придется за колючей проволокой, работать на заводе, который находится под землей¹¹⁷. Говорили также, что все, кто попал за колючую проволоку, назад не вернутся. Среди первых жителей г. Лесного бытовала уверенность: в течение пяти лет “нас никуда не выпустят”¹¹⁸. Действительно, до середины 1950-х гг. уехать из города по собственному желанию, пригласить родственников было практически невозможно. Попытка четырех работников завода в июле 1949 г. выйти из спецзоны г. Озерска, в нарушение установленного порядка, была наказана сроками лишения свободы от 5 до 8 лет в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. “Об ответственности за разглашение государственной тайны и утрату документов, составляющих государственную тайну”¹¹⁹. И этот пример далеко не единственный.

За соблюдением установленного режима тщательно следила режимная служба, подчинявшаяся только Л.П. Берии. Ее глава (именовавшийся “уполномоченный правительства”) контролировал въезд и выезд из города, назначение на работу, распоряжения должностных лиц. (Эта должность была отменена в 1953 г.).

На закрытые города распространялось “Положение об охране и режиме пропусков”, по которому территория должна была быть обнесена забором 2,5-3 м с несколькими нитями колючей проволоки сверху, а также устанавливался строго ограниченный круг лиц, имеющих право посещать объект. Категорически запрещалось присутствие людей, не работающих на заводе или строительстве, не имеющих к ним отно-

шения по роду службы¹²⁰. Опасным считалось присутствие посторонних не только в непосредственной близости от закрытого города, но и на подступах к нему. Например, на станции Выя (в 15 км от г. Лесного) у всех пассажиров проверяли прописку, если человек не был прописан в г. Лесном или в г. Нижняя Тура, его высаживали и отправляли обратно без объяснений. Подобным образом поступали с пассажирами, едущими в сторону г. Новоуральска (проверка проходила на железнодорожном вокзале г. Свердловска).

На начальных этапах развития закрытых городов требования секретности обуславливали указание приезжать в закрытый город без семьи¹²¹. При этом сообщать родным о содержании и месте работы было запрещено. (Некоторые мужчины, использовали это положение в личных целях: в течение нескольких лет запрещая женам приезжать в город, заключали повторные браки. Таким образом, в ЗАТО имели распространение факты двоеженства)¹²².

При оформлении на работу заполнялась подписка о неразглашении государственной тайны. Ею категорически запрещалось сообщать кому бы то ни было сведения о месте расположения завода, его руководстве, выпускаемой продукции, оборудовании, мощностях; запрещалось говорить о заводе с лицами, не имевшими к нему производственного отношения. Подписка содержала предупреждение о возможности привлечения к уголовной ответственности в случае ее нарушения согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. (Указ предусматривал наказание в виде лишения свободы сроком от 4 до 15 лет за разглашение сведений, составляющих государственную тайну¹²³).

Принимались определенные меры для контроля за перемещениями жителей закрытых городов. Так, в 1950 г. в г. Озерске отдел кадров изымал паспорта у всех работающих и взрослых членов их семей¹²⁴. Взамен выдавалось спецудостоверение. Подобные мероприятия были проведены и в других городах.

Для организации и осуществления пропускного режима в закрытых городах были созданы военные комендатуры и бюро пропусков. Каждый житель имел либо постоянный, либо временный пропуск. Выезд из города разрешался только работникам объекта, проживающим в прилегающих к городу на-

селенных пунктах и жителям города по служебной необходимости. Предусматривался также выезд при некоторых исключительных обстоятельствах (например, смерть или тяжёлая болезнь близкого родственника). При этом в каждом подобном случае требовалось получить разрешение у руководства режимной службы. О возврате в режимную зону работники обязаны были докладывать в письменной форме, указывая фамилии тех людей, с которыми они общались в частном порядке, находясь за пределами закрытого города.

Срок пребывания за городом строго контролировался. В начальный период существования ЗАТО вне секретной зоны находиться без особого разрешения или командировочного удостоверения разрешалось только до определённого времени: например, в г. Лесном до 24 часов, в г. Снежинске – до 21 часа (с ноября по март) или до 23 часов (с апреля по октябрь). Разрешение выйти за спецзону, выдаваемое отделом режима, можно было взять только один раз в неделю. (Показательно, что ветераны закрытых городов называют такое разрешение “увольнительной”). Если не было “особой увольнительной”, дающей право на пребывание за пределами города после установленного времени, и человек задерживался по каким-либо причинам, изымался пропуск в город сроком до трех месяцев. За утерю постоянного пропуска объявляли строгий выговор, либо лишали премии, либо запрещали выход из города в течение 2-3 месяцев¹²⁵.

В целях поддержания соответствующего режима секретности частная жизнь горожан, их настроение подлежали тотальному контролю: силами так называемого первого отдела (КГБ) прослушивались телефонные разговоры, отслеживались темы и содержание бесед в неформальной обстановке, просматривалась личная корреспонденция¹²⁶. По результатам проверок принимались соответствующие меры: увольнение с предприятия как “утратившего доверие”, выселение из города, “профилактические беседы” с представителями органов безопасности¹²⁷. Последние проводились в случае незначительных проступков, например, критика выпускаемой заводом продукции, предназначенной для уничтожения¹²⁸. Подобные беседы, как правило, заканчивались письмом с благодарностью, адресованным работникам первого отдела: “Спасибо за помощь! Сердечное спасибо! Отны-

не я буду стоять на правильном пути и никуда не сверну с него больше”¹²⁹.

Разглашение места расположения завода, выпускаемой продукции, утеря документов, составляющих государственную тайну, наказывались в уголовном порядке. Постановлениями Совета Министров СССР от 1 марта 1948 г. ц 535-204сс и ПГУ при Совете Министров СССР от 28 мая 1948 г. был установлен специальный перечень сведений, составляющих государственную или военную тайну¹³⁰.

Например, за утерю схемы расположения кабелей связи одного из корпусов завода УЭХК полагалось наказание в виде 8 лет лишения свободы¹³¹. Подобное наказание грозило и за сообщение в письме сведений о заводе. Показательным в этом плане является дело техника УЭХК (1950 г.). “Строим секретный завод под землей, – писал он сыну, – делаем мы бомбы, называемые атомными, ... все военное оружие. ...Это военный секрет, поэтому никого не отпускают и сюда не пускают”¹³². Обвиняемому сообщалось, что письмо дошло до адресата, было утеряно и затем доставлено в районное отделение МГБ. В доказательство предъявлялась “перепроводительная справка” из РО МГБ БАССР. Однако, из справки, представленной во 2 отдел следственного управления КГБ при Совете Министров СССР, следует, что письмо было изъято из почтового отделения сотрудниками УМГБ по Свердловской области “оперативным путем”. В целях сокрытия от обвиняемого этого оперативного мероприятия и придания письму силы доказательства сотрудниками УМГБ была изготовлена фиктивная перепроводительная справка¹³³. Не зная этого факта, специальный суд приговорил обвиняемого к 8 годам лишения свободы. В результате исследования, проводимого 2 отделом следственного управления КГБ при Совете Министров СССР, приговор был отменен. Экспертная комиссия постановила, что письмо не содержит секретных сведений, так как не указана дислокация завода, а данные о выпускаемой продукции не соответствуют действительности¹³⁴.

Если был известен факт изъятия письма работниками КГБ, и разглашения секретной информации не произошло, следовало наказание в административном порядке. Например, фрезеровщик цеха ц 30 комбината ЭХП в письме к другу отправил две фотографии видов города “с соответствующей

расшифровкой на обороте”. Письмо было передано в органы КГБ, как объяснено, по причине того, что оно “работниками почты было испорчено при обработке”¹³⁵. Виновный был наказан дирекцией завода.

В целом, опасной считалась любая информация, имеющая даже косвенное отношение к закрытому городу. Так, в справке, составленной представителем первого отдела г. Лесного, сообщалось, что учащимся 2 “А” класса школы № 61 было дано домашнее задание по русскому языку (упражнение № 48) по которому требовалось указать ближайшие населенные пункты и реку, протекающую в окружении города. Работник КГБ настаивал, что работы могут явиться источником разглашения места положения города, учитывая, что они могут попасть в руки посторонних лиц, не имеющих отношения к объекту¹³⁶.

Идеологическая работа первого отдела была направлена на то, чтобы не допустить “ослабления бдительности и мобилизационной готовности населения”. Большое значение придавалось оборонно-массовой работе среди жителей закрытых городов: подготовке к противохимической и противоядерной защите (например, в г. Трехгорный в 1960-е гг. подобной учебой было охвачено более 80% населения¹³⁷). Подчеркивалось, что нет оснований для самоуспокоения и благодушия, предупреждалось о недопустимости “непозволительной болтливости”¹³⁸. В частности, до сведения партийных и руководящих работников, населения постоянно доводились факты, свидетельствующие о проявлении подозрительных интересов к вооружению и охране города. На одной из городских партийных конференций г. Новоуральска сообщалось о появлении в 1959-1960 гг. в районе города “агентуры иностранных разведывательных органов”, при этом представитель КГБ не исключал, что ей удалось собрать какую-либо информацию¹³⁹. Внимание жителей закрытых городов обращалось на необходимость контролировать свои эмоции и настроения, поскольку иностранные разведки интересуются этим, собирают “различные фантастические случаи и используют”. Например, сообщалось, что американские радиостанции обращаются к советским гражданам с просьбой уведомлять их по определенным адресам о случаях лучевой болезни и предлагают медицинские консультации¹⁴⁰.

В работе по предотвращению проникновения агентуры иностранных разведок первый отдел опирался и на поддержку населения. “Когда каждый из нас будет за другим следить, – наставлял представитель первого отдела г. Трехгорный, – мы наведем порядок”¹⁴¹. Если гражданин, живущий в закрытом городе, за его пределами слышал высказывания об объекте, он прерывал рассказчика и предупреждал об опасности подобных разговоров¹⁴². О появлении подозрительных лиц любой житель закрытого города мог сообщить специальному дежурному по отделу КГБ¹⁴³. Из числа работников основного производства, жителей города представители первого отдела вербовали осведомителей, которые следили за разговорами не только в городе, но и вне его (например, в поездках в командировки, в отпуск).

Кроме режима секретности на формирование менталитета населения закрытых городов влиял фактор работы свободных граждан с заключенными. Ветераны вспоминают об определенном ожесточении в отношениях между заключенными и вольнонаемными, часто такое “соседство” угрожало здоровью или даже жизни. “Заключенные ... пользовались случаем снять с нас что-либо из теплых вещей, – вспоминает ветеран г. Лесного П.М. Постников. – Они наставляли на горло нож и приказывали раздеваться. Так, с двух наших ребят были сняты новые валенки, взамен их старых”¹⁴⁴. В присутствии заключенных необходимо было постоянно помнить об опасности: зачастую строительный материал преднамеренно сбрасывался на свободных работников¹⁴⁵. “Они ... создают зону заключения для нас и для наших семей, – констатировал куратор завода ц 814 А.И. Авдюков на первой партийной конференции управления ИТЛ и строительства ц 514 в июле 1949 г. – Весь рабочий день семьи отсиживаются за замком и бдительно следят за тем, чтобы не залезли в дом и не обворовали. А случаи воровства бывают почти ежедневно, некоторых обворовывали по 3–4 раза. В таких условиях жить исключительно тяжело”¹⁴⁶.

В утреннюю смену заводчане ходили на работу рядом со строительными колоннами заключенных. Из колонн часто слышались выкрики: “Мы сюда попали за воровство, бандитизм, а вы за что?”¹⁴⁷ Некоторых это наводило на мысль об отсутствии личной свободы, рождало чувства угнетения и

страха. Известны случаи, когда вольнонаемный состав отказывался работать рядом с заключенными¹⁴⁸.

С другой стороны, контакты с заключенными порождали у первых жителей ЗАТО и другие чувства. Например, удивлял стиль общения в бригадах заключенных. Ветеран комбината ЭХП В.Я. Комаров так описывает свой опыт работы с заключенными: “Бригадир стал обращаться к членам своей бригады таким ласковым голосом, что я просто открыл рот. Например, “Петя, помоги, пожалуйста, Коле. Видишь, ему одному трудно”. Петя вздрогнул и бросился в траншею. Схватив кувалду, начал ею работать. Да как!”¹⁴⁹

Уважение и восхищение вызывали профессиональные навыки и личные качества некоторых заключенных. “Когда мы с мужем получили квартиру, – вспоминает С.А. Щербо, – соседний дом был в лесах. Там всюду шли работы. И днем оттуда часто звучал красивый мужской голос: “Скажите, девушки, подружке вашей ...” И каждый раз мы недоумевали, как обладатель такого необыкновенного голоса мог быть заключенным – просто не укладывалось в голове”¹⁵⁰.

Так или иначе, но проживание по-соседству заставляло примиряться с действительностью. “В лагере был духовой оркестр, – вспоминает ветеран г. Лесного В.Г. Югов, – и летом ... мы устраивали танцы. Они – по ту стороны проволоки, мы – по эту”¹⁵¹. Отдельные горожане поддерживали дружеские отношения с заключенными, переправляя их письма родственникам, снабжая продуктами¹⁵². “Я понимаю, что они заключенные, – возмущалась вольнонаемная женщина-счетовод, но почему им в лагере не дают пить чай?! Я по их просьбе по несколько пачек покупаю и приношу в рабочую зону!”¹⁵³. Известны случаи хранения жителями ЗАТО литературных произведений “антисоветского содержания”, написанных заключенными¹⁵⁴. В результате более тесного общения, некоторые жители закрытых городов задумывались над тем, кто и почему был лишен свободы, действительно ли это было справедливо. Тем не менее, большинство придерживалось распространенного мнения “зря не посадят”, относилось к заключенным с настороженностью, испытывая страх и дискомфорт в их присутствии.

Важными факторами формирования менталитета жителей ЗАТО следует считать условия изоляции от внешнего

мира, производственное назначение закрытых городов, усиленную идеологическую работу с населением, а также изначально заложенную высокую социальную и производственную инфраструктуру. Для полноты анализа мы остановимся на них более подробно в следующем разделе.

Итак, факторами формирования менталитета населения закрытых городов Урала выступали политико-идеологические характеристики и модернизационные процессы эпохи сталинизма, события Великой Отечественной войны, послевоенная ситуация, связанная с эскалацией “холодной войны” (в частности, активная антизападная и антиамериканская пропаганда). Непосредственное влияние оказали атмосфера секретности и особого режима, которые сопровождали создание и развитие системы ЗАТО (тотальный контроль за частной и общественной жизнью граждан, их производственной деятельностью и т. п.), фактор работы с заключенными, идеологическая обработка, особая кадровая политика и материально-бытовые условия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 192.
- 2 Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. М., 1995. С. 330-331.
- 3 Нежинский Л.Н., Челышев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы “холодной войны” // Отечественная история. 1995. № 1. С. 3.
- 4 Егорова Н.И. Европейская безопасность и “угроза” НАТО в оценках сталинского руководства. // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 57.
- 5 Коротунов С. Карфаген должен быть разрушен? // Родина. 1998. № 8. С. 97.
- 4 Источник. 1994. № 3. С. 114-144.
- 6 Ваден Берге И. Историческое недоразумение? “Холодная война”. 1917-1990. М., 1996. С. 270; Gaddis J. Russia, the Soviet Union, and the United States: an interpretive history. N.Y., 1978. P. 177; Hosking G. A history of the Soviet Union. L., 1990. P. 317; Werth A. Russia: The post-war years. N.Y., 1971. P. 56.
- 7 Paterson T. Soviet-American confrontation: postwar reconstruction and the origins of the Cold war. Baltimore and London, 1975. P. 102.
- 8 Аксютин Ю. Почему Сталин дальнейшему сотрудничеству с союзниками после победы предпочел конфронтацию с ними? // Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. С. 58.
- 9 Зубкова Е. Земля слухами полнилась ... // Родина. 1998. № 8. С. 7-8; Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 1940-х гг.: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2-х т. Т.2. Апогей и крах сталинизма / Под. общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1997. С. 91-92; Пихоя Р.Г. О

внутриполитической борьбе в советском руководстве 1945-1955 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 6. С.5; "Холодная война" была выгодна Сталину? С.3.

10 Aronsen L., Kitchen M. The origins of the Cold war in comparative perspective. 1941-1948. L., 1988. P. 37; Gaddis J. Op. cit. P.173; Herring G. Aid to Russia, 1941-1946: strategy, diplomacy, the origins of the cold war. N.Y., 1973. P. 240; Paterson T. Op. cit. P.10; "Холодная война" была выгодна Сталину? С.3.

11 Первые письма с "холодной войны" // Международная жизнь. 1990. № 11. С. 140-148.

12 Aronsen L., Kitchen M. Op. cit. P. 41; Gaddis J. Op. cit. P. 183; Stephenson A. Op. cit. P. 45.

13 Батюк В., Ефстафьев Д. Первые заморозки советско-американских отношений. 1945-1950. М., 1995. С. 41; История внешней политики СССР. Т. 2. 1945-1985 гг. М., 1986. С. 110-112; История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987 гг. Т. 2. 1945-1970 гг. М., 1987. С. 115-166; Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и "холодная война" // Отечественная история. 1993. № 6. С. 65; Секистов В.А. Кто нагнетал военную опасность // Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 25; СССР и "холодная война" / Под ред. В. С. Лельчука, Е. И. Пивовара. М., 1995. С. 24; Языкова А.А. Восточная Европа в политике СССР и США (1944-1945) // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 75; Aronsen L., Kitchen M. Op. cit. P. 43; Dukes P. The emergency of the super-power: A short comparative history of the USA and USSR. N.Y., 1970. P.124; Gaddis J. Op. cit. P. 184-185; Paterson T. Op. cit. P.25; Stephenson A. Op. cit. P. 47.

14 Пихоя Р.Г. СССР: история власти. 1945-1991. М., 1998. С. 30.

15 Печатнов В.О. "Стрельба холостыми" "Стрельба холостыми": советская пропаганда на Запад в начале холодной войны (1945-1947) // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 113; Егорова Н.И. Иранский кризис 1944-1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 62.

16 Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С.8.

17 Интервью тов. И.В. Сталина с корреспондентом "Правды" относительно речи г-на Черчилля // Источник. 1998. № 1. С. 101.

18 Ваден Берген И. Указ. соч. С. 118.

19 Быстрова И.В. Военно-экономическая политика СССР: от "демили-таризации" к гонке вооружений // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. С. 176.

20 Советские возможности в разработке и производстве некоторых типов оружия и оборудования // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 68-69.

21 Секистов В.А. Указ. соч. С.23.

22 Werth A. Op. cit. P. 64.

23 Ваден Берге И. Указ. соч. С. 109; Котельников Р.Б., Тумбаков В.А. Атомный проект СССР Атомный проект СССР – древо целей, ресурсы, усилия, результат (1945-1950 гг.) // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 2. М., 1999. С. 328.

24 Крейтор Н. Геополитика "холодной войны" // Наш современник. 1998. № 5. С. 220-221.

25 Gaddis J. Op. cit. P. 199.

26 Макарычев А.С. Из истории "холодной войны": психологическая стратегия // США. Экономика. Политика. Идеология. 1997. № 6. С. 75.

27 Возможная психологическая реакция на воздушное нападение США против СССР // Родина. 1998. № 8. С.66.

28 Быстрова И.В. Указ. соч. С.180; Героический подвиг Клауса Фукса // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 22-29; Судоплатов П.А. Спецоперации ... С. 158.

29 Быстрова И.В. Указ. соч. С. 179.

30 Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Тайны "сороковки". Екатеринбург, 1995. С. 36.

31 Борисов А.Ю. Так начиналась “холодная война”. М., 1983. С. 35; Ваден Берге И. Указ. соч. С. 77; Коротунов С. Указ. соч. С. 97; Новоселов В.Н. Создание атомной промышленности на Урале. Челябинск, 1999. С. 21; Секистов В. А. Указ. соч. С. 21; Aronsen L, Kitchen M. Op. cit. P. 37; Gaddis J. Op. cit. P. 172; Werth A. Op. cit. P. 119.

32 Алексеев В.В. Атомный комплекс в контексте истории России. Екатеринбург, 1999. С. 23; Литвинов Б.В. Ядерный потенциал России: роль и значение для истории XX века // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Сборник докладов. Екатеринбург, 2000. С. 51; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. М., 1996. С. 215.

33 Постановление ГКО СССР ц 9887 // Военно-исторический журнал. 1995. ц 4. С. 65-67.

34 Кокурин А., Петров Н. НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры. (1944-1945 гг.) // Свободная мысль. 1997. ц 8. С. 97.

35 Опыт российских модернизаций. XVIII–XIX вв. М., 2000. С. 145.

36 Антуфьев А.А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992. С. 223-224.

37 Личман Б.В. Региональная индустрия в СССР. Екатеринбург, 1992. С. 7.

38 Опыт российских модернизаций. XVIII–XIX вв. С. 174.

39 Дементьев В.П. Экономика Урала в годы Великой отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 91.

40 Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее: ЦДООСО). Ф. 5459. Оп. 15. Д. 11. Л. 145; Группа фондов научно-технической документации производственного объединения “Маяк” (далее: ГФ НТД ПОМ) Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

41 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 11. Л.1 46.

42 Кокурин А., Петров Н. МГБ: структура, функции, кадры (1945-1953) // Свободная мысль. ц 12. С. 104.

43 Новоселов В.Н. Указ. соч. С. 93.

44 Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен мобилизационной экономики // Наука и общество: история советского атомного проекта (1940-1950 гг.). Вып. 1. М., 1997. С. 297; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Укрощение Урана. Екатеринбург, 1999. С. 31-32; Землин П.С., Гашев И.И. Десант полковника Быстрова. Озерск, 1999. С. 17.

45 Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Указ. соч. С. 297; Артемов Е.Т., Бедель А.Э. Указ. соч. С. 32.

46 Алексеев В.В. Указ. соч. С. 27; Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Указ. соч. С. 292.

47 Симонов Н.С. Указ. соч. С. 281.

48 Котельников Р.Б., Тумбаков В.А. Указ. соч. С. 328-329.

49 Симонов Н.С. Указ. соч. С. 242, 244.

50 Там же. С. 330.

51 Алексеев В.В. Указ. соч. С. 26.

52 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 136.

53 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 59.

54 Круглов А.К. Кто участвовал в организации советского атомного проекта // Наука и общество: история советского атомного проекта. С. 65.

55 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 22-23.

56 Группа фондов научно-технической документации комбината “Электромприбор” (далее: ГФ НТД ЭХП). Ф. 1. Оп. 1-лд. Д. 852 “а” -“е”, Д. 1843, 2490, 3296, 3865, 4501, 5133, 5852, 6702, 7400; ГФ НТД ПОМ. Ф.1. Оп.1“лс”. Д. 2, Ф. 1. Оп. 1 “лк”. Д. 1-2, 5-8.

57 Фонды музея истории ПО “Маяк”. Румянцев Г.И. Воспоминания о работе на заводе 20. Озерск, 1996. С. 2.

58 Основные сведения для обследования ведущих работников // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. ц 2. С. 121.

- 59 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 97; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 6. Л. 26-30.
- 60 ГФ НТД ПОМ. Ф. 7. Оп. 1 "лс". Д. 1. Л. 12; Артемов Е.Т., Беделъ А.Э. Указ. соч. С. 255.
- 61 Лесной: история закрытого города. С. 29.
- 62 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 5, Д. 2. Л. 34; Ф. 1. Оп. 3. Д. 2. Л. 76.
- 63 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 "лс". Д. 1. Л. 272.
- 64 Объединенный государственный архив Челябинской области (далее: ОГАЧО). Ф. 2845. Оп. 7. Д. 2. Л. 93.
- 65 Славский Е.П. Когда страна стояла на плечах ядерных титанов // Военно-исторический журнал. 1993. ч 9. С. 19.
- 66 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Черепанов В.А. В те первые дни / Созидание (дела и люди). Сборник. УЭХК. Свердловск-44, 1989. С. 149.
- 67 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 27, Оп. 2. Д. 442. Л. 67, Оп. 4. Д. 1. Л. 24; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 50; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23.
- Л. 10, Д. 43. Л. 7; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
- 68 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 5. Л. 12, Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 53.
- 69 Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. С. 129.
- 70 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 147. Л. 71.
- 71 Архив городского отдела ЗАГС г. Лесного. Книга регистрации актов гражданского состояния, 1949-1953 гг., ч 1-312; 1953-1969 гг., ч 328-521.
- 72 Население Урала. XX век. История демографического развития. Екатеринбург, 1996. С. 55.
- 73 ГА г. Лесного. Ф.1. Оп. 1. Д. 133. Л. 40; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 73. Д. 1200. Л. 58; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 62, Д. 130. Л. 7.
- 74 Население Урала. XX век. С. 13.
- 75 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 73. Д. 1200. Л. 55.
- 76 ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 6-7.
- 77 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 42, Д. 147. Л. 39; ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 27, 35.
- 78 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 61; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 4; Оп. 73. Д. 1200. Л. 58; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 567. Л. 5-6.
- 79 Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Указ. соч. С. 20; Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Указ. соч. С.11; Новоселов В.С. Указ. соч. С. 252, 255.
- 80 Толстиков В.С. Указ. соч. С. 267.
- 81 Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Указ. соч. С. 22; Толстиков В.С. Указ. соч. С. 261.
- 82 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 147. Л. 14.
- 83 Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. СПб., 1997. С. 92.
- 84 Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. С. 162-163.
- 85 Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 90.
- 86 Гюнтер Х. "Сталинские соколы" (Анализ мифа 30-х гг.) // Вопросы литературы. 1991. ч 11-12. С. 136.
- 87 Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. II. С. 42-43; Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 90.
- 88 Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек. Киев, 1994. С. 23.
- 89 Лейбович О.Л. Современный цикл отечественной модернизации: культурные компоненты // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург, 1998. С. 129.
- 90 Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1995. С. 210.
- 91 Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. С. 199.
- 92 Ольшанский В.Д. Социальная психология "винтиков" // Вопросы философии. 1989. ч 8. С. 95.
- 93 Толстых В.И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. М., 1976. С. 134.

- 94 Фонды музея истории ПО “Маяк”. Сохина Л.П. Мои воспоминания о работе на химическом комбинате “Маяк”. Челябинск-65, 1993. С. 7-8, 10.
- 95 Форсова Н.К. Влияние Великой отечественной войны на менталитет советского человека // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2000. С. 299.
- 96 Зубкова Е.Ю. Сталин и общественное мнение в СССР. 1945-1953. С. 160.
- 97 Аксютин Ю. Почему Сталин дальнейшему сотрудничеству ... С. 58, 60; Бордюгов Г.А. Подвиг и обманутые надежды // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки Советского государства / Сост. В.А. Козлов. М., 1991. С. 282; Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С. 162, 168; Пихоя Р.Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве. 1945-1955 гг. С. 5.
- 98 Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 128.
- 99 Аксютин Ю. Указ. соч. С. 59- 60.
- 100 Зубкова Е.Ю. Земля слухом наполнилась... С. 8.
- 101 План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма (апрель 1947 г.) // История. 1996. ц 3. С. 10-11.
- 102 Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества ... С. 67.
- 103 План мероприятий по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время (апрель 1949 г.). // История. 1996. ц 3. С. 12.
- 104 Фатеев А Как создавался образ врага: у истоков холодной войны / История. 1996. ц3. С. 9.
- 105 Наджафов Д.Г. Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны. С. 138.
- 106 Почепцов Г.Г. Указ. соч. С. 32.
- 107 Зубкова Е.Ю. Указ. соч. С 162; Аксютин Ю. Указ. соч. С. 59.
- 108 Алексеев В.В., Литвинов Б.В. Советский атомный проект как феномен ... С. 298.
- 109 ЦДОСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 115.
- 110 Там же. Л. 113.
- 111 Там же. Л. 114, 115.
- 112 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Шейнина А.В. Это было недавно, это было давно // Созидание (дела и люди). УЭХК. Свердловск-44, 1989. С. 169.
- 113 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Борисевич Н.П. Я довольна своей судьбой // Созидание (дела и люди). С. 135.
- 114 Фонды музея истории ПО “Маяк”. Румянцев Г.И. Воспоминания о работе на заводе. 1996. С. 2.
- 115 Фонды музея истории ПО “Маяк”. Тымонюк А.Н. Вот, что я помню. 1995. С. 2.
- 116 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 “лс”. Д. 1. Л. 272.
- 117 Фонды музея истории ПО “Маяк.” Сохина Л.П. Указ. соч. С. 25.
- 118 Федоровский С. Жизнь, что прожил не напрасно // Вестник. ц 39. 15 сент., 2000 г. С. 14.
- 119 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 . Д. 5. Л. 105.
- 120 ЦДОСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 39.
- 121 Там же. Д. 190. Л. 136.
- 122 Государственный архив административных органов Свердловской области (далее: ГААОСО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 15562. Л. 2; ЦДОСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 137.
- 123 ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 29.
- 124 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 . Д. 9. Л. 47.
- 125 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 “лс”. Д. 1. Л. 95; Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 7, 13.
- 126 ЦДОСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 52, 70, 76, 97, Д. 115. Л. 25; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 98; Оп. 7. Д. 1. Л. 88.
- 127 ГФ НТД ЭХП. Ф. 1. Оп. 1-лд. Д. 852 “в”. Л. 391; ЦДОСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 116.

- 128 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 191. Л. 108.
- 129 Там же. Д. 8. Л. 70.
- 130 ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 60.
- 131 Там же. Д. 30091. Л. 101.
- 132 Там же. Д. 31234. Л. 34.
- 133 Там же. Л. 59.
- 134 Там же. Л. 60.
- 135 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.
- 136 Там же.
- 137 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 442. Л. 16.
- 138 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 31; Ф. 1597. Оп. 2. Д. 442. Л. 12;
- ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 56; Д. 8. Л. 33; Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л.
- 95, 96.
- 139 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 97.
- 140 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 99; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1.
- Л. 108.
- 141 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 317. Л. 17.
- 142 Там же. Д. 137. Л. 130.
- 143 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 86; Д. 81. Л. 77.
- 144 Кузнецов В.Н. Атомный проект за колючей проволокой. Екатеринбург, 2004. С. 169.
- 145 Фонды музея истории ПО "Маяк". Рыбакова О.С. Воспоминания. Челябинск-65, 1973. С. 13; Лесной: история закрытого города. С. 33, 36.
- 146 Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 159.
- 147 Там же. С. 128.
- 148 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 3. Л. 42.
- 149 Лесной: история закрытого города. С. 55.
- 150 Там же. С. 220.
- 151 Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 157.
- 152 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 189. Л. 15-16, 18.
- 153 Кузнецов В.Н. Указ. соч. С. 161.
- 154 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 28. Л. 21.

ГЛАВА II ОСОБЕННОСТИ МЕНТАЛИТЕТА НАСЕЛЕНИЯ ЗАКРЫТЫХ ГОРОДОВ УРАЛА

Общественный и домашний быт жителей ЗАТО

Ценностные ориентации, социальные установки и модели поведения складываются на основе выработки определенного отношения какой-либо общности людей к социальным явлениям. В закрытых городах такое отношение создавалось специфическими условиями жизни.

В первые годы существования осознание необыкновенности закрытого города формировалось под воздействием описанной выше атмосферы секретности и самого факта закрытости города. Контент-анализ протоколов городских партийных конференций городов Лесной и Новоуральск показал, что именно категория “условия режима и секретности” занимает первое место по количеству упоминаний среди общественных показателей. Это естественно, поскольку от выполнения этих условий зависела реализация главной задачи, ради которой создавались закрытые города. Реализация принципа секретности была настолько успешной, что в первое время жизни в городе большинство (53% от общего числа респондентов ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного) не знало, какого рода продукция выпускалась на основном предприятии. Среди них работники комбината составляют 29%. Больше количество неосведомленных приходится на тех, кто приехал в конце 1940-х гг. – 73%. В то время даже молодые ученые (не говоря уже о рабочих) не представляли основной цели своей работы, хотя понимали, что работа будет связана с радиоактивными веществами. По воспоминаниям ветерана ПО “Маяк” Л.П. Сохиной, только через год после приезда в город стало ясно, что работа “в какой-то степени связана с созданием ядерного оружия”.¹ В 1960-е гг. уже 59% от общего числа респондентов располагало информацией о производимой продукции, что связано с освоением технологии и с некоторым ослаблением режима секретности.

Наиболее частой реакцией на указанные условия было восприятие ситуации как должной. Люди верили, что только в таких условиях возможно осуществление той задачи, которая

была поставлена правительством. “Да, была железная дисциплина, построенная в том числе и на страхе, – вспоминает один из ветеранов г. Озерска, – убежден, что это было правильно”².

Показательно, что среди приехавших в г. Лесной в 1940-е гг. большинство (78%) указало, что закрытость города приносила неудобства в жизнь. Респондентами названы такие сложности, как невозможность приезда родственников (66%), сложности с выездом из города, в том числе и за границу (25% и 8% соответственно), отсутствие свободы действий (9%). При этом, большинство из опрошенных (79%) указало, что не ощущало давления органов КГБ. Причина, видимо, заключается в том, что факт контроля за частной жизнью граждан тщательно скрывался, если что-либо и было известно населению, то это воспринималось как должное. 12% от общего числа опрошенных считало для себя возможным сотрудничать с КГБ, 24% затруднились с ответом. Показательно, что работники комбината выражали большую готовность к сотрудничеству – 12%, в то время как работники других учреждений – только 7%.

Для психологической атмосферы закрытого города в первые годы была характерна напряженность, боязнь сказать “что-то лишнее”. Даже ведение личных дневников считалось опасным³. Атмосфера секретности формировала особый стиль общения. Если горожане слышали разговоры о чем-то неизвестном, непонятном, как правило, не спрашивали, о чем идет речь. Каждый знал, что существуют определенные темы, информация о которых строго ограничена и их знание дозволено не всем.

Некоторые вспоминают тяжелое моральное угнетение тех лет. Например, в г. Озерске была распространена грустная шутка о том, что над воротами города незримо висит плакат с изречением: “Оставь надежду всяк сюда входящий”⁴. Один из инженеров-физиков ПО “Маяк”, тяготясь жизнью в Озерске, делился в то время с друзьями: “Вот если бы разрешили уйти отсюда на Большую землю, то ушел бы в грязном костюме и ботинках, не взяв ничего, без копейки денег, побирался бы в пути, пока не дошел бы до своего родного Ленинграда”⁵.

Характерным является и название, которым население закрытых городов именовало территорию, не входившую в огороженную зону, – “Большая земля”.

По мере развития закрытых городов, с ослаблением режима, у жителей появляется возможность ездить в отпуск, приглашать родственников на постоянное и временное проживание. В результате отношение к жизни в городе становится более положительным. Многие, из уехавших по каким-либо причинам, настойчиво добивались разрешения на въезд, соглашаясь при этом на любую работу.

Среди живших в г. Лесном в 1960-е гг. уже большинство (71%) тех, кто не усматривал в закрытости города каких-либо неудобств. Хотя оставались и определенные ограничения: например, приглашать разрешалось только самых близких родственников (родителей и детей); право привести братьев и сестер имели только лица, проработавшие в городе не менее 10 лет, положительно зарекомендовавшие себя в производстве и в быту. Устанавливался и интервал между заездами – один раз в три года. Нарушителям режимных требований, трудовой дисциплины и общественного порядка в разрешениях на ввоз родственников, как правило, отказывалось.

В целом, режимные ограничения не вызывали устойчивых негативных реакций. Жители видели в закрытости свои плюсы: лучшее качество жизни, невозможность влияния извне, низкий уровень преступности.

Действительно, состоянию общественного порядка в закрытом городе придавалось большое значение (именно данная категория занимает второе место по количеству упоминаний среди общественных интересов). Большинство преступлений (более 77%) составляли мелкие кражи личного имущества, хулиганства (до 90-100% из них – на почве алкогольного опьянения) и хищения социалистической собственности⁶. При этом, например, в г. Лесной на 420 человек населения 28 являлись нарушителями общественного порядка и только 1 – совершал уголовное преступление⁷. Более того, систематические и “злостные” нарушители общественного порядка (неработающие, пьянствующие, ведущие аморальный образ жизни) по решению спецсуда выселялись из закрытого города⁸. В конце 1950-х – 1960-е гг. раскрываемость составляла в среднем 88-94% от общего числа зарегистрированных преступлений, нераскрытых особо опасных преступлений не было. Такие виды преступлений, как убийства, причинения тяжких телесных повреждений, изнасилования, угон

транспортных средств с целью хищения, вымогательства, хищения государственных средств в особо крупных размерах были редкостью для закрытого города. Таким образом, состояние общественного порядка компенсировало режимные ограничения.

Партийными и руководящими органами постоянно подчеркивалась исключительность закрытого города. “Мы живем здесь как на другой планете, – говорилось на партийной конференции г. Трехгорном, – нас законы и постановления общесоюзные не касаются”⁹. И местные партийные руководители, и представители областных партийных организаций и Министерства среднего машиностроения подчеркивали, что закрытый город “дорого обходится стране”, государство “где-то не добавляет, чтобы лучше снабжать объект”, а потому снабжению города могут позавидовать все другие города области¹⁰.

Действительно, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. бюджет, например, г. Лесного превышал бюджет 18 районов Свердловской области¹¹. Приоритетное финансирование создавало благоприятные условия для благоустройства закрытых городов. К этому вопросу городские власти относились с повышенным вниманием (по количеству упоминаний среди общественных интересов категория “благоустройство” делит второе место с категорией “общественный порядок”). В 1950-е – 1960-е гг. в закрытых городах на благоустройство расходовалось от 15 до 39% расходной части бюджета¹². В результате в 1960-е гг. улицы закрытых городов были практически полностью заасфальтированы и освещены, были проведены мероприятия по озеленению (ежегодно высаживалось от 300 до 850 тыс. цветов, на одного жителя приходилось от 10 до 15 м² зеленых насаждений), благоустроены внутриквартальные территории и налажена их уборка. Закрытые города внешне производили очень благоприятное впечатление, за что, по-видимому, и назывались местными жителями “городами-курортами”. “Нашего города нет на карте, – говорилось на одном из партийных заседаний г. Озерска, – но многие могут позавидовать тем условиям, которые есть у нас”¹³.

Внимание жителей обращалось на то, что закрытый город – это город особого типа, и не каждый желающий может проживать в таком городе¹⁴. Акцент делался на то, что, бла-

годаря особому вниманию партии и правительства, созданы лучшие условия, чем в любом обычном городе. А именно: прекрасная материально-техническая база завода, хорошие культурно-бытовые условия жизни, квалифицированные кадры – грамотные, образованные, “отборные” люди¹⁵. Внимание заострялось на том, что население пользуется определенными материальными преимуществами, в результате чего доходы горожан значительно превышают доходы трудящихся на обычном предприятии.

В результате особого положения и постоянных противопоставлений обычным городам формировался высокий социальный статус закрытого города, а у его жителей появлялось устойчивое чувство собственной значимости, избранности.

При этом следует подчеркнуть, что социальный статус закрытого города был высок изначально. Ярким примером может служить тот факт, что с самого начала строительства закрытый город назывался первыми жителями “соцгородом”,¹⁶ даже в то время, когда условия были худшими, чем в близлежащих мелких населенных пунктах. Официально статус города был присвоен Указами Президиума Верховного Совета РСФСР: в 1954 г. – Новоуральску, Лесному и Озерску, в 1956 г. – Трехгорному, в 1957 г. – Снежинску¹⁷. Было санкционировано образование городского Совета депутатов трудящихся и городского комитета партии, что имело для населения гораздо большее значение, чем присвоение городского статуса.

Престижный социальный статус ЗАТО влиял на отношение к территории, находящейся за пределами закрытого города. В частности, к близлежащим населенным пунктам население закрытого города относилось с высокомерием и некоторым пренебрежением.

Среди личностных показателей в распределении потребностей и интересов первое место по количеству упоминаний занимает категория “жилье”, второе – “товарообеспечение.”

Действительно, в первые годы существования ЗАТО социальная инфраструктура отсутствовала: не хватало жилья, объектов культурно-бытового назначения.

Так, 50% респондентов ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного, приехавших в 1940-е гг.,

указали, что они испытывали трудности с жильем, 46% отрицают, что в закрытом городе было легче получить отдельное жилье.

Исследование выявило, что в конце 1940-х гг. 66% опрошенных сразу после приезда в город получили комнату в общежитии, 21% – комнату в коммунальной квартире, 9% – отдельную квартиру, 4% снимали жилье в частном секторе.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. от общего количества семей, получивших комнату или квартиру, большинство – 62% – проживало в однокомнатных квартирах, где на каждого жильца приходилось 5,35 м². Были случаи, когда семья из 7-9 человек получала комнату в 17–26 м² ¹⁸. Наибольшее количество жилой площади приходилось на проживающих в трехкомнатных квартирах – 7,5 м², однако в них проживало только 11% семей ¹⁹.

Поскольку поток специалистов был велик, приезжавшие селились в зданиях бывших пионерских лагерей, наскоро переделанных под общежития, в бараках. Так, проверкой общежитий г. Озерска (1949 г.) было установлено, что в комнатах наблюдается большая скученность проживающих, вследствие неравномерного их расселения. В семейных общежитиях в одной комнате проживало до 9-10 человек взрослых и столько же детей. ²⁰ Подобная ситуация была и в общежитии г. Лесного: в комнатах стояло по 16 кроватей (а жить могло до 59 человек), вода отпускалась по норме, отопление отсутствовало.

“Общежитие плохое, - писал родным ремесленник 26 цеха комбината ЭХП – кругом клопы, мыши, крысы, да тараканы, аж нам становится жутко” ²¹. В общежитиях г. Новоуральска приезжавших селили в коридорах и под лестницами ²².

В несколько лучших условиях находились ученые. В г. Озерске, например, в так называемом “финском домике” каждый ученый имел отдельную небольшую комнату, обставленную скромной мебелью, гостиная была общей ²³. В г. Лесном для “представителей науки” существовала отдельная столовая на 10-15 мест с повышенными стандартами обеспечения и обслуживания, которая была недоступна для посещения основной массы горожан ²⁴.

На хозяйственные нужды приезжавшим выдавались ссуды. В г. Озерске, например, их сумма составляла 700 руб. на

каждого человека. Если работник приобретал предметы стоимостью более 700 руб., дирекция завода выделяла дополнительные денежные средства²⁵. Кроме того, первые жители получали некоторые предметы домашнего обихода, постельные принадлежности, посуду. В течение одного месяца после приезда в закрытый город сохранялась среднемесячная заработная плата по прежнему месту работы²⁶. За руководством и ведущими инженерно-техническими специалистами оставались квартиры по прежнему месту жительства (иногда сроком до 3-4 – 10 лет, что вызывало недовольство основной массы населения)²⁷.

50% среди приехавших в конце 1940-х гг. в г. Лесной воспринимали неразвитость сети учреждений службы быта как острую проблему. В 1949 г., например, там работала единственная торговая палатка, в которой продавались и продукты, и одежда. “Острейшим дефицитом”, по воспоминаниям первых жителей, были кирзовые сапоги, валенки, шубы²⁸. Баня, расположенная в здании бывшей конюшни, находилась в соседнем поселке. В г. Озерске баня работала один раз в неделю, в результате чего ею могли воспользоваться только 25% населения, проживающего в общежитиях²⁹.

Более чем скромные жилищные условия воспринимались по-разному. Одних это угнетало, поскольку они не представляли, что “ютиться придется в сенцах деревенских халуп”³⁰. “Живем, как в Москве, – саркастически замечали первые жители г. Лесного, – дома пониже, а асфальт пожире”³¹. Другие были рады уже тому, что быстро получили комнату в общежитии, карточки на продовольственные и промышленные товары. “Счастливым приобретением” считались алюминиевая кастрюля, оцинкованный таз, кирзовые сапоги³². Установка на преодоление трудностей, сложившаяся в годы Великой Отечественной войны, обеспечивала непритязательность в быту в первые годы существования закрытых городов. Этот факт подтверждает то, что только половина опрошенных, приехавших в г. Лесной в конце 1940-х гг., расценивает материально-бытовые условия как проблемные, а 20% совсем отрицают наличие каких-либо трудностей.

На завершающих стадиях индустриального перехода задача повышения жизненного уровня населения всей страны

неуклонно выдвигалась действительностью. В 1950-е – 1960-е гг. было увеличено производство предметов потребления, продуктов питания. Быстрыми темпами велось жилищное строительство, переведенное на промышленную основу. И если в стране в целом и Уральском регионе в частности “строительный бум” начался только с середины 1950-х гг.³³, то в закрытых городах к этому периоду уже был создан значительный жилищный фонд, построены магазины, кинотеатры, бассейны, сданы в эксплуатацию детские учреждения, театры. “...Город стал просто неузнаваем, – комментирует произошедшие изменения ветеран г. Озерска Л.П. Сохина, – И жители, и администрация города думали о создании уюта и больших удобств для отдыха людей”³⁴.

Например, в г. Новоуральске к этому времени было построено 324 каменных и рубленых дома от 1 до 5 этажей, более 300 сборных финских домов, 95 объектов просвещения, здравоохранения, культуры и торговли. Среди них музыкально-драматический театр, двухзальный кинотеатр, благоустроенный больничный городок, Дом культуры, летний театр с садом, 7 школ, 8 детских садов и столько же детских яслей, стадион с павильоном, Дом быта и Дом отдыха³⁵.

По стандартизированным проектам возводились блочные, а затем и крупнопанельные дома, отличавшиеся упрощенной планировкой. Расширялась водопроводная и канализационная сеть, масштабы газификации и теплофикации. Поскольку произошел качественный и количественный скачок в жилищном строительстве, изменились жилищные условия горожан ЗАТО.

Среди приехавших в г. Лесной в 1950-е гг. большинство получало комнату в коммунальной квартире (40%) или в общежитии (38%), несколько увеличилось количество семей, получавших отдельную квартиру (14%). Большинство квартир были двух- и трехкомнатные (93%), в них, как правило, проживало 2-3 семьи. При этом число квартир, в которых проживала одна семья, было невелико. Так, в г. Новоуральске они составляли немногим более 35% от общего жилищного фонда³⁶.

Улучшились условия жизни в общежитиях. Нормой проживания было 2-4 человека в комнате, неблагоприятным уже

считалось, если количество доходило до 6 человек³⁷. Жилые комнаты имели необходимый инвентарь (шифоньер, стол, стулья, зеркало, тумбочки и т. п.), комнаты отдыха были оборудованы мягкой мебелью, настольными играми и пр.³⁸. Появляется немалое количество случаев, когда в молодежных общежитиях люди (как правило, одинокие мужчины) проживали по 5-8 лет, не желая переселяться в квартиры. Их полностью устраивала жизнь в общежитии, наличие “полной обеспеченности и всяческих удобств”. При этом многие имели собственные автомашины, откладывали “солидные суммы” на сберегательные книжки³⁹.

Возросла продажа населению товаров культурно-бытового назначения. Среди продуктов широкого потребления наибольшим спросом пользовались радиоприемники, швейные и стиральные машины, телевизоры, холодильники, мотоциклы и автомашины (“Москвич”, “Победа”)⁴⁰. Несмотря на то, что автомобили занимают последнее место в распределении потребительских приоритетов, все это говорит о достаточно высокой покупательной способности жителей закрытых городов.

Улучшения в культурно-бытовой сфере изменяли отношение горожан к условиям жизни в закрытом городе. 54% из приехавших в г. Лесной в 1950-е гг. считает, что в закрытом городе было легче получить отдельное жилье, 90% уверены, что снабжение товарами было гораздо лучшим, чем в других городах. Уменьшается количество горожан, оценивающих жилищные условия и бытовое обслуживание как проблемные (41% и 22% соответственно).

С середины 1950-х гг. был взят курс на обеспечение каждой семьи отдельной квартирой.⁴¹ При этом жилая площадь двухкомнатной квартиры должна была составлять в среднем 37 м², трехкомнатной – 50 м²⁴². Сократились сроки строительства жилых домов: с 1,5 – 2 лет до 7-10 месяцев⁴³.

Среди приехавших в г. Лесной в 1960-е гг. уже 28% сразу получало отдельную квартиру. Соответственно уменьшилось количество людей, получавших комнату в коммунальной квартире (37%) или в общежитии (32%). Сократилось время ожидания получения отдельной квартиры. Например, в г. Озерске считалось недопустимым, если молодежь ожидала очереди на квартиру в течение года⁴⁴. В г. Лес-

ной возмущение вызывало четырехмесячное ожидание квартиры⁴⁵.

Во второй половине 1960-х гг. 62-70% семей проживало в отдельных благоустроенных квартирах⁴⁶. В г. Лесной, например, благоустроенные дома составляли 98% всей застройки⁴⁷. Доля домов, оборудованных центральным отоплением, водопроводом, канализацией, газом в закрытых городах была в 1,5-2 раза выше, чем в целом по Уралу⁴⁸. Даже через 12 лет региональные показатели не смогли достичь уровня обеспеченности жилищного фонда г. Озерска отоплением, водопроводом и канализацией, существовавшего в 1958 г.

В среднем на одного человека приходилось 8 м² (для сравнения – в Свердловске – 6 м²), что опережало общесоюзные показатели жилищного обеспечения на 8-10 лет⁴⁹. Кроме того, предусматривалось довести обеспеченность жилой площадью до 12 м² на одного человека⁵⁰.

По обеспечению детскими дошкольными учреждениями, школами и другими учебными заведениями (в том числе филиалами политехнических вузов), спортивными комплексами, учреждениями культуры, здравоохранения, торговли, общественного питания и бытового обслуживания закрытые города опережали общероссийские стандарты того времени на 8-9 лет⁵¹.

Возросло потребление следующих товаров: телефонов, мебели, мотоциклов и автомашин – в 2 раза, стиральных машин – в 2,5 раза, телевизоров – в 10 раз, холодильников – почти в 20 раз⁵². Население только трех закрытых городов (Лесной, Новоуральск, Озерск) в 1960–1965 гг. покупало 1-2% производимых в СССР легковых автомашин и 0,5-0,7% телевизоров, холодильников, стиральных машин⁵³.

В г. Новоуральске, например, было сосредоточено более 7% от общего количества легковых автомашин, находящихся в личном использовании в Свердловской области⁵⁴. Кроме того, город занимал первое место в области по насыщенности радиоприемниками и телевизорами⁵⁵. В г. Озерске на 100 жителей приходилось 15 телефонов, тогда как в Челябинске – только 1,8 телефона.⁵⁶ Уровень обеспеченности населения г. Озерска промышленными товарами отражен в таблице 7.

Таблица 7

Обеспеченность населения промышленными товарами,
на 1000 человек*

Промышленные товары	Озерск, 1960 г.	РСФСР, 1970 г.
Телевизоры	70	156
Холодильники	100	92
Стиральные машины	270	158
Пылесосы	70	37

* Составлено по: Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. С. 197; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.1. Л. 10.

Из данных таблицы 7 видно, что по большинству показателей обеспеченности промышленными товарами РСФСР не достигла уровня Озерска даже в 1970 г.

Наибольшим спросом среди продуктов питания в ЗАТО в конце 1960-х гг. пользовались мясо и птица, хлеб и хлебобулочные изделия, свежие овощи и фрукты (особенно яблоки, груши, виноград, апельсины и арбузы), алкогольные напитки (особенно виноградные и плодовоягодные вина, водка) и кондитерские изделия⁵⁷.

Объем коммунально-бытовых услуг на душу населения составлял в г. Трехгорном 21,96 руб., в г. Озерске – 17,3 руб., в г. Новоуральске – 22,82 руб., в г. Лесном – 19,20 руб., что превышало всероссийские показатели в среднем на 28%⁵⁸.

Таким образом, уровень бытовой обеспеченности в закрытых городах был достаточно высок, что осознавалось их жителями. Так, от общего числа опрошенных в г. Лесной 79% считают, что в закрытом городе было легче получить квартиру, 94% – что снабжение товарами и продуктами было значительно лучше, чем в других городах. “Нам казалось, что мы живем уже при коммунизме, – вспоминает ветеран г. Снежинска Л.В. Жондецкая, – В магазинах было все – от крабов до черной икры”⁵⁹.

Население использовало эти преимущества в своих интересах. Так, в закрытых городах была распространена перепродажа продуктов питания и товаров широкого потребления за пределами города. Например, в г. Озерске работники отдела рабочего снабжения в 1960-е гг. были озабочены тем, что из города в больших количествах уходят мясо, птица, виноводочные изделия. “У нас достаточно этих товаров, – рассуждали представители ОРСа, – но при такой большой

утечке их может не хватить”⁶⁰. Перепродажа товаров приносила ощутимую материальную выгоду: например, новую автомашину “Москвич” за пределами закрытого города можно было продать на 2,5-3 тыс. руб. дороже⁶¹.

Городские власти следили за тем, чтобы товары не уходили из города, нарушители наказывались в уголовном порядке как спекулянты⁶².

Третье место в иерархии потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов после категорий “жилье” и “товарообеспечение” занимает категория “досуг.” В условиях закрытости города, ограниченности в возможности передвижения, а также в условиях достаточно большой психологической нагрузки, вызванной напряженным графиком работы, естественно, что область досуга, отдыха была одной из главных потребностей населения ЗАТО.

Наибольшую проблему отсутствие досуговых учреждений вызывало в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Так, среди приехавших в г. Лесной в конце 1940-х гг. более 22% отметили, что столкнулись с проблемой неразвитости учреждений досуга (среди приехавших в 1960-е гг. – таких только 8%). Одним из наиболее доступных способов проведения свободного времени в данный период было посещение кинотеатра и танцевальных площадок (их посещали 100% и 50% из приехавших в конце 1940-х гг. соответственно); проведение времени на близлежащих озерах и в лесных массивах. Интересно, что до огораживания г. Новоуральска в отдельную зону, некоторые жители нелегально “лесными тропами” выходили из города, чтобы съездить в театры Свердловска⁶³.

Посещение кинотеатра оставалось самым популярным времяпровождением на протяжении всего изучаемого периода: 89% от общего числа опрошенных указали, что предпочитали посвящать свое свободное время просмотру кинофильмов.

Среди демонстрируемых в кинотеатрах картин в конце 1940-х гг. преобладали трофейные, позже – советские кинофильмы (они составляли до 75% кинопроката). По обеспеченности кинокартинами закрытые города в конце 1950-х – 1960-е гг. стояли наряду с областными кинотеатрами⁶⁴, но опережали их по посещаемости почти в 2 раза⁶⁵. При этом желающих попасть в кино было во много раз больше, чем могли пропустить демонстрационные залы. В г. Лесной, на-

пример, была распространена спекуляция билетами, и в обычном порядке их было очень сложно купить⁶⁶.

При том, что некоторые закрытые города имели свои профессиональные театры, они пользовались меньшей популярностью, чем посещение кино или выезд в областные театры⁶⁷. Так, например, в г. Озерске в конце 1950-х – начале 1960-х гг. средняя посещаемость театра им. Горького составляла 148 тыс. в год, театра кукол – 51 тыс. в год, а кинотеатров – 1400 тыс⁶⁸. При этом репертуары театров были достаточно разнообразны. По предписанию местного руководства акцент необходимо было делать на “нужные в идейно-политическом отношении спектакли, освещающие труд и жизнь советского народа”⁶⁹. Так, например, спектакль “Божественная комедия” не соответствовал задачам воспитания трудящихся⁷⁰. А постановка театра кукол г. Новоуральска “Не проходите мимо”, где в сатирической форме “бичуются нарушители общественного порядка, ведущие праздный образ жизни” получила одобрение властей и шла длительное время⁷¹. У зрителей же неизменным успехом пользовались пьесы “Вольный ветер,” “Свадьба в Малиновке,” “Трембита,” “Свадьба с приданным” и т. п.⁷²

Большую популярность имели занятия спортом. Этому виду досуга отдали предпочтение около 51% от общего числа опрошенных. “Почти все жители города делились на спортсменов и болельщиков”, – вспоминает один из ветеранов г. Лесного⁷³. Первые спортплощадки и стадионы созданы методом общественных строек. Наибольшее распространение получили футбол, волейбол, теннис, городки, зимой – хоккей, лыжные и конькобежные соревнования. Желающих сыграть в ту или иную игру было настолько много, что приходилось отстоять в очереди, прежде, чем принять участие в спортивном состязании⁷⁴.

Всеобщую любовь завоевал футбол: на игры болельщики приходили семьями, собираясь у стадиона за час до начала, чтобы обсудить шансы команд. Стадион заполнялся, как правило, полностью (в г. Новоуральске, например, это около 4 тыс. человек)⁷⁵. В г. Лесном забитые голы нередко сопровождались выстрелами из охотничьих ружей⁷⁶.

Начиная с 1950-х гг., в закрытых городах появляется достаточно большое количество библиотек. Кроме центральной городской библиотеки, как правило, были детские, заводские, профсоюзные. Например, в г. Озерске в 1956 г. только профсоюзных

библиотек насчитывалось 11, количество читателей в них превышало 16 тыс. человек⁷⁷. Ретроспективное социологическое исследование населения г. Лесной показало, что в 1950-1960-е гг. в среднем 49% жителей посещало библиотеки, иными словами это было достаточно распространенным способом проведения свободного времени. В г. Трехгорный каждый третий житель являлся читателем библиотеки⁷⁸. Читательские интересы были различны: работники завода и строительства больше увлекались научно-технической литературой, работники других учреждений – художественной и детской⁷⁹.

Вид литературы, наиболее интересующий, например, руководящих инженерно-технических работников комбината ЭХП, и среднее время, затраченное на ознакомление с этой литературой в течение недели, показывает таблица 8.

Таблица 8

Распределение ИТР по видам интересующей информации*

Вид литературы	Среднее время 1 ИТР (чел/час)	Количество ИТР, %	Форма ознакомления			
			Систематически	Стараюсь ознакомиться	От случая к случаю	Не имею возможности
			% от общего количества ИТР			
Общественно-политическая	5,2	90,8	68,8	18,3	3,7	0,45
Техническая	4	86,7	30,7	47,7	8,3	1,4
По специальности	4,1	83,9	42,7	33,9	7,3	1,4
Современный советский роман	4,1	76,6	16,5	23	37,2	1,8
Научно-популярная	2,3	63,3	17	18,3	28	3,2
Фантастическая и детективная	2	54,6	6,4	11	37,2	7,3
Историческая	1,6	42,7	1,8	14,7	26,1	5,1
Современный зарубежный роман	2,2	39	2,7	8,3	28	11,9

* Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 8.

НОВОУРАЛЬСК

---

*Посадка лип на центральной
площади. Середина 60-х гг.*

*Центральный стадион.
50-е гг.*

Шахматная партия. 1953 г.

Открытие ресторана Урал.

Городской пляж.

Детские ясли. 1958 г.

Детский сад. 1959 г.

Первое мая. 1964 г.

Кафетерий в специализированном магазине «Снежинка». 1964 г.

СНЕЖИНСК

Субботник на строительстве кинотеатра. 1957 г.

Город строится.

Молодежь жилпоселка ц2.

У кинотеатра «Космос». 1 мая 1962 г.

На катке.

Горожане на отдыхе.

ЛЕСНОЙ

Демонстрация. 7 ноября 1948 г.

Первая партия автомобилей «Победа». 1955 г.

Субботник у новостройки. 1957 г.

Закладка сквера им. Гагарина.

Спортивные состязания.

Школьники 50-х.

*Первые пешеходы
прогулочного моста через
городской пруд. 1957 г.*

Первые детские качели. Лесопарковая зона. 1962 г.

Народные гуляния. Площадь у ДК «Современник». 1957 г.

На городском проспекте. 1958 г.

Естественно, что большинство ИТР (90,8%) в исследовании, проводившемся в 1960-е гг., указало, что интересуется общественно-политической литературой, причем тратит на это 5,2 чел/час, – от этого факта могла зависеть их дальнейшая карьера. Значительный интерес ИТР проявляли к технической и специальной литературе (причем последняя изучалась более систематически и углубленно), а также к современному советскому роману (хотя он и читался “от случая к случаю”). Меньше всего научно-технические работники интересовались современным зарубежным романом.

При этом в возрасте до 28 лет 100% ИТР указали, что интересуются общественно-политической литературой со средними затратами времени на 1 ИТР 6,6 чел/час. В возрасте 50 лет и выше уже меньшее количество ИТР (88,9%) посвящало свое свободное время чтению данного вида литературы и затрачивало меньше времени – 4,2 чел/час. Та же тенденция прослеживается и в отношении технической и специальной литературы, современного советского романа⁸⁰. Таким образом, интерес к чтению различных видов литературы снижался с достижением пятидесятилетнего возраста. Кроме того, прослеживается невысокий интерес к гуманитарной литературе, с которой руководящие инженерно-технические работники в основном знакомились “от случая к случаю”.

В целом, население активно интересовалось книжными новинками, выписывало газеты и журналы. Наибольшим спросом пользовались “Известия,” “Комсомольская правда,” “Труд,” “Спорт,” “Знание-сила,” “Правда,” “Работница”⁸¹. При этом в 1960-е гг. на 1000 населения в среднем выписывалось 1400 газет и журналов⁸². По соображениям секретности местной городской газеты закрытые города не имели вплоть до 1990-х гг. Но были общегородские стенные газеты: например, в г. Озерске она носила название “Крокодил идет по городу” и освещала работу администрации; в г. Новоуральске два раза в месяц выходила газета “За коммунистический труд и быт”⁸³.

Следующим по популярности способом проведения досуга идет посещение танцевальных площадок: им отдало предпочтение 47% респондентов от общего числа опрошенных. При этом, танцевальные площадки в большей степени посещали женщины: среди них 88% указало на данный способ

проведения досуга, тогда как среди мужчин – только 23%. Танцы устраивались как в общежитиях, так и в клубах и Домах культуры. Городские власти, партийное руководство неодобрительно относились к танцевальным вечерам, считая “танцульки” “несерьезным занятием, не дающим молодежи ничего хорошего”⁸⁴. Действительно, были случаи, когда танцы, особенно в общежитиях сопровождались выпивкой и драками⁸⁵. Однако, молодежь танцевать любила, предпочтение отдавалось таким танцам, как вальс, фокстрот, танго, краковяк.

Значительное количество зрителей привлекали самодеятельные концерты, организуемые в общежитиях, а несколько позже – в клубах и Домах культуры. От общего числа опрошенных в городской самодеятельности принимало участие 36% населения. Концерты самодеятельных артистов были настолько популярны, что всегда проходили при переполненных залах. Репетиции в самодеятельных коллективах могли начинаться в 22 часа и заканчиваться в 5 часов утра, а с 8 утра начинался рабочий день⁸⁶. Однако, такой напряженный график не останавливал участников. При этом были и такие, кто участвовал в самодеятельности ради вознаграждения, призов. Например, в г. Трехгорном был случай, когда часть участников отказалась посещать кружки клуба после того, как не был организован обещанный ранее банкет после выступления⁸⁷.

Немногим более 2% от общего числа опрошенных предпочитали посвящать свое свободное время туризму, охоте, рыбной ловле. Охота, в частности, была одним из любимых видов отдыха у руководства завода и города. Ею, например, очень увлекался Е.П. Славский⁸⁸.

После расширения возможностей отдыха за пределами закрытого города (примерно в середине 1950-х гг.) этот вид проведения досуга становится очень популярным. Так, например, в г. Новоуральске пассажиропоток в дом отдыха, находящийся за пределами города, за 5 лет (с 1958 по 1963 гг.) возрос на 156%⁸⁹. В предвыходные и выходные дни продажа билетов на транспорт, позволяющий выехать из города, увеличивалась в 1,5-3 раза. Горожане предпочитали благоустроенным городским паркам отдых в загородных лесных массивах, поездки в областные цирки, музеи, театры⁹⁰. Отпуск также стремились проводить вне города. Таким образом, вы-

езд за пределы закрытого города можно считать своеобразным способом психологической разгрузки от жизни в изолированных, строго регламентированных условиях.

Другим способом снятия психологического напряжения, видимо, следует считать потребление алкогольных напитков. Жители закрытых городов потребляли в 1,5 раза больше спиртных напитков, чем жители области. Если в конце 1950-х гг. потребление на душу населения вина и водки составляло около 13 л., то в конце 1960-х гг. – более 15 л.⁹¹. Наиболее “пьющей” категорией населения были мужчины в возрасте 27-50 лет, не имеющие восьмилетнего образования, рабочие неосновных цехов завода и стройподразделений, со средним стажем работы 15 лет⁹².

Как правило, спиртные напитки потребляли (по убывающей): дома, в гостях, в пивной, в столовой, в магазине, на улице (у магазина, в сквере), в ресторане. Наиболее употребляемым алкогольным напитком была водка, затем пиво и вино. Среди причин на первом месте было “без особого повода”, на втором – в связи с получением заработной платы, на третьем – отмечание какого-либо праздника⁹³. Потребление алкоголя особенно увеличивалось в дни выдачи зарплат, в предвыходные и выходные дни. Естественно, у пьянства были и другие причины, например, доступность алкогольных напитков: в исследуемый период их продавали в кафе, барах, киосках, столовых, буфетах. Кроме того, некоторые цеха заводов получали спирт на производственные цели, иногда без определенных норм, что создавало благоприятные условия для его хищения и распития на рабочем месте. В результате, отдельные рабочие проходили через проходную “с красными лицами, некоторых несли на руках в беспомощном состоянии”⁹⁴.

Причиной пьянства могли послужить и “несбывшиеся надежды.” Как правило, это явление было характерно для молодых рабочих, ремесленников, живущих в общежитии. Их не устраивала заработная плата, условия проживания, однообразная работа, невозможность уехать⁹⁵. Чувство крайней неудовлетворенности было порождено разницей с тем, что им обещали при вербовке: “здесь через год чертом будешь, – писал молодой ремесленник, – ребята ругаются и все проклинают. Этот вербовщик всех обманул”⁹⁶. “От такой жизни толкового ничего не получится, – записал в своем

дневнике восемнадцатилетний рабочий строительства, – Здесь не только министром не станешь, а будешь пахать всю жизнь до пенсии”⁹⁷. Таким образом, данная при вербовке установка на очень высокие жизненные стандарты и возможности становилась причиной крайнего разочарования жизнью в закрытом городе. Выход из состояния подавленности и неудовлетворенности молодые рабочие находили в потреблении алкоголя. Однако, следует отметить, что они составляли очень малую часть населения.

В целом, в отношении проблемы потребления алкоголя, необходимо подчеркнуть, что его размеры не были столь угрожающими, как может показаться на первый взгляд. Так, в г. Лесном в конце 1950-х гг. ежегодно в нетрезвом виде задерживалось в среднем 1,4 % от всего населения, а больные алкоголизмом составляли 0,2%⁹⁸. Существовало практически 100% отслеживание данного вопроса и повышенное внимание к нему в связи с жизнью в режимном городе.

Бюджет свободного времени был различен. Например, для большинства работников комбината ЭХП в 1960-е гг. он составлял от 1 до 3 часов в день, без учета выходных. Среди тех, кто располагал свободным временем свыше 3 часов, большинство составляли инженерно-технические работники – члены КПСС⁹⁹. В целом, ретроспективное социологическое исследование населения г. Лесного показало, что от общего числа опрошенных большинство (74%) считают, что у них оставалось достаточно свободного времени для занятия собой и своей семьей. Характерно, что количество людей, удовлетворенных бюджетом своего свободного времени, возрастает от 1940-х к 1960-м гг.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. большая часть населения проводила свободное время с коллегами по работе – 55% (поскольку в данный период большинство из приезжающих в закрытый город не имело семьи). В 1950-е и в 1960-е гг. предпочтение отдавалось отдыху с семьей (в среднем 61%) и с друзьями (в среднем 49%). При этом, среди женщин большинство выбрали отдых с семьей, а среди мужчин – отдых с друзьями (62% и 60% соответственно). 30% респондентов проводили свободное время с коллегами по работе. Следует подчеркнуть, что на протяжении всего изучаемого периода отдых с коллегами был более характерен для работников

комбината, чем для работающих на других предприятиях города (20% против 10%). Таким образом, работникам завода более присущи единение, некая корпоративность.

Четвертое место в распределении потребностей, интересов и ценностей жителей закрытых городов занимает категория “образование”. “Рвение нашей молодежи к повышению своего общеобразовательного уровня велико, – говорилось на одной из городских партийных конференций г. Лесного. – Не всем желающим удастся поступить в учебные заведения, так как не хватает мест из-за большого конкурса”¹⁰⁰.

Стремление к получению образования вызвано несколькими причинами. Во-первых, поколение, формировавшее население ЗАТО в исследуемый период, не смогло должным образом получить образование в связи с условиями, вызванными Второй мировой войной. Во-вторых, новизна решаемой проблемы заставляла пополнять и расширять знания. “Все было новое и неизвестное. Приходилось обучаться и тут же работать, – вспоминают ветераны комбината ЭХП”¹⁰¹. Организация общественного труда с преобладанием малообразованных, низкоквалифицированных работников становилась все менее пригодной в период перехода к научно-индустриальной стадии модернизации. В-третьих, учиться и быть студентом являлось престижным. В-четвертых, в декабре 1956 г. был принят Закон о перестройке системы народного образования, по которому было введено всеобщее восьмилетнее образование. В связи с этим в закрытых городах была широко развернута кампания по получению восьмилетнего образования всеми рабочими моложе 30 лет. Таким образом, в силу вышеуказанных причин более 43% от общего числа респондентов г. Лесного предпочитали отдавать свободное время образованию.

Городские власти с повышенным вниманием относились к данному вопросу. Об этом свидетельствует и тот факт, что на народное образование отводилась одна из самых крупных статей городского бюджета. Так, с 1955 по 1965 гг. в г. Новоуральске на народное образование ежегодно расходовалось в среднем 56% расходной статьи бюджета, в г. Лесном – 54%, в г. Озерске – 51%¹⁰².

Большее внимание в системе образования закрытых городов уделялось естественно-научным предметам, выполнению

практических и лабораторных работ по соответствующим тематикам. Именно работники завода составляли 85% учащихся, занимающихся на различных формах обучения¹⁰³.

Наиболее распространенной была общеобразовательная учеба в школах рабочей молодежи: ежегодно там обучалось до 1500 человек, выпускалось 160-180 человек¹⁰⁴. Таким образом, ученики ШРМ составляли от 31 до 42% от общего количества учащихся¹⁰⁵.

Если в середине 1950-х гг. школ рабочей молодежи не хватало, они не могли вместить всех желающих (учащиеся сидели за партой по четыре человека, иногда боком к доске), то через 10 лет отмечалось, что “ШРМ у нас более чем достаточно”.¹⁰⁶

В результате обучения в ШРМ сокращалось количество рабочих в возрасте до 35 лет, не имеющих восьмилетнего образования. Например, в г. Новоуральске в 1960-е гг. количество таких рабочих ежегодно сокращалось на 14%¹⁰⁷. Более того, большинство получивших восьмилетнее образование продолжало учебу, оканчивая 9-10 классы и техникумы. Так, в г. Трехгорный во второй половине 1960-х гг. эта группа учащихся составляла 78%¹⁰⁸.

Достаточно распространены были курсы сети технического образования, в том числе и курсы по повышению квалификации. В г. Новоуральске, например, проходящие учебу по повышению квалификации ежегодно составляли примерно 34% от общего числа учащихся (в том числе 28% рабочих и 6% ИТР)¹⁰⁹.

Немного меньшее количество людей обучалось в техникумах и институтах закрытых городов: от 22 до 27% от общего числа обучающихся¹¹⁰.

Обучение, как правило, проходило без отрыва от производства, и чем выше был его уровень, тем больше была нагрузка. Предъявлялись достаточно высокие требования к качеству знаний. Например, успеваемость студентов МИФИ г. Лесного в 84-89% считалась низкой¹¹¹.

Получающие среднее специальное и высшее образование были более настойчивы в достижении конечной цели. Так, если отсев в школах рабочей молодежи в конце 1950-х – 1960-е гг. составлял в среднем 37%, то в институтах и техникумах – только 10%¹¹². При этом, основные причины пре-

кращения учебы следующие: невозможность совмещать ее с работой, повышенная трудность предметов, значительное отставание в освоении учебного материала в результате болезни, семейные обстоятельства (эта причина касалась главным образом женщин, вышедших замуж). По неуважительным причинам (например, нежелание) оставляли учебу до 30-40% учащихся ШРМ и только 2% студентов техникумов и институтов¹¹³.

В целом, уровень образования в закрытых городах был достаточно высок, что позволяло готовить собственных высококвалифицированных научных специалистов. Так, за 15 лет существования аспирантуры в г. Новоуральске в конце 1960-х гг. было подготовлено 77 кандидатов и 9 докторов наук, что составляет 2% от всего взрослого населения, занимавшегося различными формами обучения с конца 1940-х гг.¹¹⁴. Такой же процент обучающихся в аспирантуре был в г. Снежинске¹¹⁵.

Занимаясь самообразованием, население закрытых городов активно посещало различные лектории: научно-технических, естественно-научных, медицинских знаний и т.п. Количество лекций могло колебаться от 10 до 70 в месяц, а количество слушателей – от 600 до 800 человек¹¹⁶. Темы лекций были разнообразны: “О сохранности социалистической собственности,” “О пережитках капитализма в сознании людей,” “О трудовом законодательстве,” “Применение атомной энергии в народном хозяйстве,” “Приоритет нашей Родины в важнейших научно-технических открытиях” и пр.¹¹⁷ Кроме образовательной функции многие лекции были подчинены идеолого-воспитательным целям: напоминали жителям закрытых городов о сложности международной обстановки, о важности выполняемой ими работы. Например, в г. Озерске в 1965 г. лекции о международном положении и на военно-политические темы составляли 59%, а лекции о науке, технике, литературе и искусстве – только 9%¹¹⁸. При этом, сами жители отмечали, что в условиях закрытости города подобные лекции были необходимы и воспринимались с большим интересом¹¹⁹.

На пятом месте по количеству упоминаний среди потребностей и интересов жителей закрытых городов стоит категория “заработная плата.” Тот факт, что заработная плата на-

селения ЗАТО была, как правило, более высокой, чем в других городах, обусловил расположение данной категории на пятом месте, что является показателем удовлетворенности ею в основной массе населения.

Более высокая заработная плата в закрытых городах закладывалась для привлечения различного рода специалистов для работы в сложных, изолированных условиях, и служила, таким образом, одним из стимулов для согласия на работу в ЗАТО. С этой же целью руководство завода и города шло на установление персональных окладов (выше утвержденной по штатному расписанию ставки)¹²⁰. Установление тарифных ставок, приближающихся к ставкам по заработной плате на каком-либо обычном производстве, считалось недопустимым¹²¹. В целом, на работников системы ЗАТО согласно приказу ПГУ ц 235с от 25 августа 1947 г. распространялась двадцатипроцентная надбавка к действующим тарифным ставкам и получаемым окладам¹²². Кроме этого, существовала надбавка за работу с секретными документами (15% от заработной платы), отдельно оплачивались сверхурочные работы (которых на стадии становления закрытых городов было достаточно много), высоки были премии (например, у ИТР – до 60% от заработной платы). Поскольку до середины 1950-х гг. выехать из города в отпуск было очень сложно (а в г. Озерске – практически невозможно), население получало материальное вознаграждение: отпускные оплачивались в полуторократном размере.

В результате, заработная плата жителя закрытого города на рубеже 1950-х – 1960-х гг. была выше заработной платы в обычных городах и колебалась от 265–450 руб. у уборщиц до 2-2,5 тыс. руб. и более у ИТР¹²³. Однако, внутри города существовала значительная разница между зарплатой работников завода и других учреждений города. Например, заработная плата строителей по сравнению с заводчанами была меньше в среднем в 1,5 раза¹²⁴. Недовольство по поводу сравнительно низкой заработной платы, как правило, выражали молодые рабочие строительства в период 1950-х гг. При этом, формы протеста были различны: потребление алкоголя, “мелкая забастовка” (отказ от выхода на работу от 3 до 6 дней), отказ от комсомольского билета¹²⁵. В ответ на жалобы городские власти зачастую отвечали: “Не нравятся наши порядки

– уезжайте”. Некоторых “забастовщиков” выселяли из города без выходного пособия¹²⁶.

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. в стране было проведено упорядочение заработной платы: был повышен ее минимальный размер, сократилась разница в оплате труда представителей различных профессий. В результате в закрытых городах во второй половине 1960-х гг. проявление резкого недовольства зарплатой не наблюдается, материальная обеспеченность различных групп населения была на достаточно высоком уровне. В г. Новоуральске, например, в 1960-е гг. сумма личных вкладов в сберкассах увеличилась более, чем в 2 раза¹²⁷.

Доходная часть семейного бюджета большинства населения ЗАТО состояла исключительно из заработной платы. В г. Трехгорный во второй половине 1960-х гг. на одного жителя в год в среднем приходилась 1000 руб., в месяц – 83 руб. При этом 83% доходов расходовалось на приобретение различных товаров, 8% – на оплату жилья, коммунальных и бытовых услуг, 9% – на оплату зрелищных мероприятий, отпуска и т.п.¹²⁸

Одной из наиболее высокооплачиваемых групп населения оставались ИТР. Средний доход на одного члена семьи инженерно-технического работника комбината ЭХП в конце 1960-х гг. колебался от 103 руб. в месяц (в семьях начальников цехов) до 114 руб. (в семьях начальников отделов). Однако, при дифференцированном рассмотрении оказывается, что большая часть ИТР (48,1%) имеет доход на одного члена семьи от 76 до 100 руб. в месяц. При этом, достаточно велика (39,9%) группа инженерно-технических работников, в семьях которых среднемесячный доход на одного члена семьи составлял 101-200 рублей и более¹²⁹. Именно высокая заработная плата работников завода позволяла им на протяжении всего изучаемого периода обеспечивать и неработающую жену (в закрытых городах было достаточно много домохозяек и они, как правило, были женами заводчан).

Сами жители закрытых городов осознавали, что их заработная плата выгодно отличается от оплаты труда в других городах: в индивидуальном восприятии разница представлялась в 2 раза! От общего количества отвечавших на вопросы ретроспективного социологического исследования населения г. Лесной 82% отметили преимущества оплаты труда

в закрытом городе перед обычными городами, 11% затруднились ответить. Наибольший процент отметивших преимущества оплаты труда – среди приехавших в г. Лесной в 1960-е гг. (95%). Показательно, что работники комбината в большей степени ощущали разницу между заработной платой в закрытом городе и в других городах, чем работающие в других учреждениях, что связано с более низкой заработной платой последних.

Категория “здоровье” занимает последнее место в распределении личностных интересов и ценностей. Как уже было указано, медицинское обслуживание в закрытых городах находилось на высоком уровне: обеспеченность врачебным составом на 10 тыс. населения была в 3 раза выше общесоюзных показателей, количество развернутых коек – в 2 раза, существовала практически стопроцентная укомплектованность врачами. Все это позволяло обеспечить полноту учета заболеваемости, которая в закрытых городах была ниже на 14 случаев на каждые 100 жителей.

В середине 1950-х гг. население получило возможность выезжать в санатории и дома отдыха. Для лечения больных, прежде всего профессиональных, Министерству среднего машиностроения был передан санаторий “Черноморье” в г. Сочи. Например, в г. Снежинске в конце 1950-х г. путевки в санатории и на курорты составляли 52% от общего количества, в дома отдыха – 38%, в спецсанатории – 3%. Более 20% путевок были льготными: полностью бесплатными, с оплатой проезда на курорт в обе стороны¹³⁰. Подобная ситуация характерна и для других закрытых городов¹³¹.

В отношении здоровья население закрытых городов подвергалось повышенному риску, поскольку основное производство было связано с работой с радиоактивными веществами. В результате чрезмерной секретности и строгого режима население не имело достоверной информации о воздействии на здоровье, что порождало различные слухи и даже панические настроения.

Например, в конце 1940-х гг. в г. Новоуральске женщины организовали митинг у здания заводоуправления, жалуюсь на то, что жилой поселок находится в зоне радиоактивного излучения. “Отправьте нас домой, – требовали они, – мы не хотим, чтобы наши мужья потеряли мужскую силу, не хотим

здесь жить и работать”¹³². Делегации женщин предложили пройтись по строящимся цехам, где они не увидели специального оборудования (оно еще не было установлено) и убедились, что слухи о радиации “выдумка и провокация,” что мужья просто устают, работая по 10-12 часов. Инцидент, таким образом, был исчерпан.

Однако, подобные слухи имели хождение и в 1950-е и в 1960-е гг. “Здесь большая заряженность, люди обречены на медленную смерть от лейкозов, – рассуждал один из жителей г. Новоуральска в 1960 г., – я и сам уже ощущаю головноекружение.” “Город опасен тем, – делилась переживаниями жительница того же города, – что люди в нем болеют лучшей болезнью. Надо куда-то бежать”¹³³. Такие же высказывания были зафиксированы в г. Лесном, г. Снежинске¹³⁴.

Властям подобные настроения представлялись опасными. С целью их прекращения и предотвращения готовились специальные тезисы, подбирались группы людей, которые должны были разъяснять населению, что в городе “нет ничего страшного”, нет “условий для заболевания такими профессиональными болезнями”¹³⁵.

Отдельно следует сказать о г. Озерске, где среднегодовые дозы облучения персонала химкомбината “Маяк” были особенно высоки в период 1948-1954 гг.: 15-150 бэр – для мужчин и 8-50 бэр – для женщин. С середины 1950-х гг. профессиональная облучаемость работающих существенно снижается и в 1960-е гг. уже не превышает предельно допустимых уровней: 1,2–7,5 бэр – для мужчин и 0,5-2,5 бэр – для женщин¹³⁶.

Большой урон здоровью населения нанесла радиационная авария 1957 г., которая, кроме того, имела и психологические последствия. Вопрос об аварии широко обсуждался на бытовом уровне (на улице, в магазинах, на рынке и т.п.), порождая всевозможные слухи и панику. Горожане продавали верхнюю одежду и обувь, боясь, что они подверглись загрязнению радиоактивными веществами. Люди сотнями подавали заявления на увольнение с основного предприятия. Предлогом мог служить низкий заработок, невозможность продолжать работу по состоянию здоровья (для подтверждения собирались различные справки); некоторые открыто говорили о повышенном радиационном фоне.¹³⁷ Многие стара-

лись отправить детей подальше от города, добивались разрешения на выезд. “Прямо за горло берут – отпускайте”, – описывал ситуацию один из работников ГК КПСС¹³⁸. Некоторые пытались убежать, не добившись разрешения покинуть город.

Интересно, что панике в большей степени были подвержены люди, не связанные с основным производством (например, кладовщики) или совсем не работающие на химкомбинате. Например, в ГК КПСС пришел работник городского суда и попросил отпустить его из города: “Я уже 10 лет здесь работаю и “набрался”, – мотивировал он¹³⁹.

Руководство завода и города находилось в некоторой растерянности, не решив, каким образом следует нормализовать ситуацию. Предлагалось “давать паникерам по зубам”, “с позором изгонять таких трусов из города” или, наоборот, “приказать жить здесь”, напомнив об особом доверии партии и правительства; преодолеть “массобоязнь” и провести разъяснительные работы среди населения, не вдаваясь в технические подробности¹⁴⁰.

Усилиями местных специалистов, ученых Минсредмаша, Минздрава СССР и других ведомств последствия аварии были ликвидированы достаточно эффективно, что помогло восстановить нормальную жизнедеятельность в г. Озерске. По-видимому, это повлияло на решение тех людей, которые, поддавшись панике, уехали из города. Многие из них пытались вернуться, писали письма в городской комитет партии, отдел режима: “я сгруппил, верните обратно”¹⁴¹.

В целом, в отношении воздействия ядерных объектов на здоровье населения, учеными установлено, что при малых дозах облучения не происходит каких-либо неблагоприятных изменений, особенно если этому сопутствуют хорошие социально-экономические, бытовые и медицинские условия (что, как мы видим, наличествовало в закрытых городах). Более того, у работников атомных объектов наблюдается повышение жизненной активности, улучшение состояния здоровья, увеличение половой потенции, снижение раковых заболеваний, увеличение средней продолжительности жизни¹⁴².

Вследствие более высоких жизненных стандартов, осознания исключительности города, его горожан и выполняемой ими задачи, у населения закрытых городов формировался

завышенный уровень притязаний. Сложилось представление о том, что, поскольку Партией и Правительством закрытому городу созданы “все преимущества перед другими городами Советского Союза”, это дает право предъявлять повышенные требования к различным учреждениям и службам города¹⁴³. Например, на заседании городского совета г. Лесного было отмечено, что “в наших условиях врачам работать легче, чем в других городах, поэтому и наше население желает, чтобы врачи были более внимательны, имели бы меньше ошибок”¹⁴⁴.

Часто граждане обращались в различные организации с просьбами построить в каждом квартале бассейн, цирк, обеспечить вертолетное сообщение с областным центром и т. п. По многочисленным просьбам горожан в одном из закрытых городов было решено специально приобрести голубей для города¹⁴⁵.

С ростом благосостояния возросли потребности и покупательский спрос, население все больше предъявляло требований к расширению ассортимента, улучшению качества товаров и культуры торговли. “Население нашего города стало предъявлять такие большие требования, – жаловались торговые работники г. Озерска, – что мы не в состоянии их удовлетворить”¹⁴⁶. Так, местные покупатели требовали, в основном, только импортные товары повышенного качества, импортную одежду и обувь. Уровень заработной платы позволял хорошо одеваться всем слоям общества. Сами жители считали, что в 1960-е гг. по одежде уже невозможно было отличить “работника умственного труда от работника физического труда”¹⁴⁷. При этом отечественная одежда и одежда местного пошива спросом не пользовались¹⁴⁸. Например, в г. Лесном с целью поднятия престижа пошивочной мастерской предполагалось набирать мастеров только в Москве, поскольку уровень провинциальных мастеров был недостаточно хорош для закрытого города¹⁴⁹.

Материальные условия позволяли многим жителям закрытых городов иметь автомашины¹⁵⁰. Такая ситуация оказывала сильное впечатление на приезжающих. Например, девушка, приехавшая в г. Лесной в начале 1960-х гг., прожив в нем месяц и увидев, что многие имеют машины, написала письмо на имя Н.С. Хрущева с просьбой выдать в Госбанке деньги на покупку автомашины¹⁵¹. Были случаи, ког-

да люди были недовольны тем, что, работая на основном предприятии, не смогли за 1 год приобрести “Волгу”, иначе говоря это считалось слишком большим сроком для покупки машины¹⁵².

Несмотря на лучшую, чем в других городах страны обеспеченность жильем, многие из имевших хорошую жилплощадь, требовали немедленного ее улучшения. Появилось достаточно большое количество случаев, когда отдельное жилье менялось по причине низких потолков, удаленности от рабочего места и т. п. Так, жители г. Новоуральска были возмущены случаем обмена отдельной квартиры на равноценную только потому, что она находилась на 700 м ближе к месту работы ее владельца¹⁵³.

Завышенный уровень притязаний проявлялся и в отношении заработной платы. Так, например, если для молодого специалиста с профтехническим образованием в конце 1950-х гг. заработная плата в 90-110 рублей означала “золотые горы” (за пределами города)¹⁵⁴, то уже для работающих в городе заработная плата в 180 рублей считалась недостаточной, и были случаи, когда люди отказывались работать под предлогом низкой заработной платы¹⁵⁵. В г. Лесном, например, в этот же период (рубеж 1950-х–1960-х гг.) женщина отказалась от устройства на работу, поскольку предлагаемая ей заработная плата в 540 рублей показалась ей недостаточно высокой¹⁵⁶. Как отмечал представитель ревизионной комиссии, разбиравшей жалобы и письма трудящихся, этот пример не является “из ряда вон выходящим, есть случаи гораздо хуже”¹⁵⁷.

Официально стремление к приобретению дорогих вещей и забота о собственном материальном благополучии назывались “вещизмом”, “рвачеством” и “проявлением буржуазной идеологии и морали.” Утверждалось, что “за модными заграничными кофточками и сапожками, за гарнитурами и автомашинами некоторые работники прекращают видеть жизнь, покрываются обывательской пылью”¹⁵⁸. “Условия нашего города, – констатировал глава администрации г. Лесного в 1960 г., – избаловали всех жителей, мы воспитываем из них “барчуков”¹⁵⁹. Однако население относилось к явлению “материального накопительства” положительно. “Зачем же тогда все продают в магазинах, если мы не должны это поку-

пать?” – недоумевал один из жителей г. Лесного¹⁶⁰. Завышенный уровень притязаний органично вписывался в сферу материальных потребностей и интересов населения закрытого города.

Осознание исключительности закрытого города и важности задачи, возложенной на него, а также наличие возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей влияли на социальную стратификацию жителей ЗАТО.

Считалось, что все организации и учреждения закрытого города имеют второстепенное, подчиненное положение (так как город построен в связи со строительством завода) и призваны обслуживать трудящихся комбината, чья работа рассматривалась как более значимая. “Убери завтра завод и остальным здесь делать будет нечего”, – таково было распространенное мнение. В результате существовало противопоставление: основное производство – город, заводчане – горожане. Это проявлялось, например, в снабжении. Так, отдел снабжения комбината ЭХП зачастую расходовал те средства, которые выделялись на городское хозяйство. “Только за 1 квартал 1960 г., – возмущался глава горкомхоза г. Лесного, – за нас получили несколько автомобилей, все выделенное для городской гостиницы имущество и израсходовали на свои нужды”¹⁶¹. Характерно, что при этом руководство города не вступало в открытые конфликты с администрацией основного предприятия, предпочитая “не терять отношений.”

Принадлежащие заводу детские учреждения, магазины имели первоочередное снабжение; заводчане обслуживались в магазинах в первую очередь, именно им предоставлялись комфортабельные автобусы для проезда к месту работы, более высокая заработная плата, лучшие жилищные условия. Например, из введенного в конце 1950-х гг. в эксплуатацию нового жилья в г. Озерске 59% было распределено между работниками завода и только 32% – между работниками строительства.¹⁶² При этом, когда речь заходила о плохих жилищных условиях, руководство прежде всего интересовалось тем, кто там живет – “свой” (то есть работники основного предприятия) или строители¹⁶³.

Все это формировало престижный социальный статус работника основного производства и привлекательность работы на заводе. В связи с этим в городские организации часто

обращались граждане с просьбой об устройстве на работу только на завод, только на должности “чистые” и высокооплачиваемые, в основные цеха. Иногда выдвигались категорические требования устроить на работу на завод всех членов семьи. Если руководство предлагало работу на строительстве, в учреждениях и организациях города, то зачастую получало жесткий отказ и обвинение в бюрократизме¹⁶⁴. Люди предпочитали оставаться без работы, чем работать где-либо, кроме основного предприятия. По-видимому, именно данная категория людей в ретроспективном социологическом исследовании населения г. Лесного отметила, что столкнулась с трудностями с устройством на работу в закрытом городе (24%).

Результатом подобного поведения явился тот факт, что к концу 1960-х гг. на основном предприятии сконцентрировалось достаточно большое количество людей, имевших среднее или высшее сельскохозяйственное, медицинское, педагогическое, юридическое и иное образование¹⁶⁵.

Внутри работников градообразующего предприятия также существовало социальное структурирование: работники основных цехов и отделов имели более престижный статус, чем работники вспомогательных; обслуживающий персонал объекта занимал более низшую ступень, чем обе вышеназванные категории. Наиболее престижный статус, как среди работников градообразующего предприятия, так и среди жителей закрытых городов в целом, имела группа инженерно-технических работников. Профессия инженера представлялась вершиной карьеры, способствующей обретению разнообразных материальных благ. Так, инженер приравнялся к богатому человеку из капиталистической страны, поскольку “тоже имеет деньги, машины, мебель”¹⁶⁶. Данная группа также считалась в закрытом городе высшей ступенью интеллектуального и социального развития.

Таким образом, условия жизни в закрытом городе (атмосфера секретности, режимные ограничения, высокое качество жизни) формировали взгляд населения ЗАТО на самих себя, оценку ими своих возможностей и притязаний, вырабатывали определенные ценности, потребности и интересы, социальные установки и стереотипы поведения.

Отношение к работе, ценностные установки и модели поведения на производстве

Осознание выполнения чрезвычайно важного задания государства, имеющего внешнеполитическое и оборонное значение, влияло на отношение к работе всех жителей ЗАТО. Идеологическая пропаганда в закрытом городе постоянно напоминала горожанам о сложностях международной обстановки: “империалисты готовятся к новой войне, непосредственно угрожают нам”, “вражеские элементы, агенты иностранных разведок проявляют повышенное внимание к городу”¹⁶⁷.

В закрытых городах проводились лекции и беседы (в том числе и органами КГБ) о повышении политической бдительности, о необходимости строго соблюдать режим секретности и государственной тайны, о недопустимости “непозволительной болтливости”. Особенно активно подобная работа велась на градообразующем предприятии: регулярно выпускались стенды “Будь бдителен”, содержащие сообщения о нарушениях режима секретности, а также публикации материалов из общесоюзной печати о происках иностранных разведок, о революционной бдительности, о высоком патриотизме и моральном облике советского человека. Соответствующими лекциями, политинформациями в конце 1950 – 1960-х гг. ежегодно охватывалось 8-10 тыс. рабочих, служащих и ИТР градообразующего предприятия.¹⁶⁸

На фоне активной всесоюзной антизападной и антиамериканской пропаганды подобные высказывания, с одной стороны, формировали представления о враждебности окружающего мира, порождали атмосферу тревожности, недоверия ко всему происходящему за пределами закрытого города. Возможно, осознание враждебности “внешнего мира” сплачивало коллектив комбината, жителей города ради выполнения задач, поставленных правительством. А с другой стороны, таким образом подкреплялась установка на необходимость укрепления обороноспособности страны. “Мы видели перед собой главную цель: обеспечить в кратчайшие сроки защиту советского народа [от] агрессивных стремлений американского империализма, – вспоминает настрой горожан ветеран УЭХК Р.Г. Ваганов, – Этот энтузиазм, одержимость какая-то

даже приподнимали нас над жизненными обстоятельствами”¹⁶⁹.

Результаты воздействия подобных установок на население ЗАТО выявило ретроспективное социологическое исследование жителей г. Лесного. Так, оно показало, что 94% считают США главным виновником “холодной войны” и гонки вооружений. При этом в неизбежность ядерной войны верили лишь 26% от общего числа респондентов (эта цифра стабильна как для приехавших в 1940-е гг., так и для приехавших в 1950-е и 1960-е гг.). Большинство респондентов (46%) затруднились ответить на этот вопрос. Большой процент сомневающихся, видимо, связан с тем, что люди надеялись, что отечественное ядерное оружие не позволит западным странам начать войну. В частности, 74% от общего числа опрошенных считают, что ядерное оружие было необходимо СССР именно для сдерживания натиска Запада. 63% оправдывают огромные средства, затраченные Советским Союзом на создание своего ядерного оружия.

Показателем единства мнений среди приезжавших в 1940-е, 1950-е и 1960-е гг. может служить тот факт, что ответы на вышеперечисленные вопросы отличаются лишь на 2-4%. Однако, если сравнивать показатели, характерные для работников комбината и для работающих в других учреждениях города, наблюдаются определенные различия.

Таблица 9

Показатели отношения населения г. Лесного
к ядерной проблеме, %

Категория работников	Работники комбината			Работники др учреждений		
Годы	1940-е	1950-е	1960-е	1940-е	1950-е	1960-е
Одобрят необходимость ядерного оружия для сдерживания Запада	36	41	53	41	28	24
Оправдывают затраты на создание ядерного оружия	27	35	48	32	25	18

Из данных таблицы 9 видно, что, в то время, как среди работников комбината в период от 1940-х до 1960-х гг. процент поддерживающих необходимость ядерного оружия и

ощутимых затрат возрастал, среди работающих в других учреждениях он уменьшался. Следовательно, работникам комбината в большей степени присущи милитаристские настроения. От общего числа представителей данной группы населения – большинство оправдывающих необходимость появления советского ядерного оружия и значительные средства на его создание: 77% и 66% соответственно (тогда как среди работников других учреждений – 70% и 58%).

Жителям закрытых городов навязывалась идея о том, что именно им предстоит выполнить чрезвычайно важную для страны задачу. “Вам известно, на каком ответственном участке нашей промышленности вы работаете, – утверждалось местной пропагандой, – укрепляя наше могущество, сохраняя мир”¹⁷⁰. Напряженный труд также поддерживался моделью долженствования, основной моделью жизни, одобряемой в советском обществе. Интенсивность воздействия модели долженствования на население ЗАТО определялась широко насаждаемым представлением об “особой заботе и особых условиях”, существующих в закрытом городе. Постоянно подчеркивалось, что горожане должны быть благодарны повышенному вниманию и доверию партии и правительства, создавшим исключительно благоприятные условия для жизни и, главное, работы в городе¹⁷¹. При этом подразумевалось, что в качестве благодарности население должно отдать все свои силы, знания и опыт порученной работе.

Таким образом, вследствие идеологического воздействия и под воздействием режима секретности у населения ЗАТО формировалось устойчивое чувство ответственности за работу в закрытом городе, что показывают результаты ретроспективного социологического исследования населения г. Лесного.

В целом, от общего числа респондентов, большинство (57%) ответили, что задумывались о том, что от результатов их труда зависит настоящее и будущее СССР. Показательно, что количество положительно ответивших на данный вопрос постепенно снижается от респондентов, приехавших в 1940-е гг. (60%) до респондентов, приехавших в 1960-е гг. (49%). Причиной, по-видимому, является притупление ощущения новой мировой войны, связанное с устранением монополии США на ядерное оружие.

Характерно, что более задумывались о результатах своего труда работники комбината, чем работающие в других учреждениях города: среди первых эта цифра составляет в среднем 62%, среди последних – только 39%. Таким образом, чувство ответственности в большей степени было присуще работникам комбината. Среди работающих на градообразующих предприятиях ответственность и опасность личной и коллективной ошибки, ее последствий для коллектива и города в большей мере осознавали работники основных производств, ИТР.

В целом, число чувствующих ответственность за свою работу, ее значимость для страны стабильно высоко на протяжении всего исследуемого периода как у работающих на секретном предприятии, так и в других учреждениях. Это является следствием неослабеваемой работы местной пропаганды и осознания высокого социального статуса жителя закрытого города. “Вся обстановка, – вспоминает ветеран УЭХК Н.П. Борисевич, – вызывала чувство гордости и собственной значимости”¹⁷².

Сама работа в закрытом городе (неважно – на атомном предприятии или в городских организациях) многими горожанами воспринималась как социально-политическая ценность. Так, от общего числа респондентов 49% указали, что работа в ЗАТО для них означала служение делу мира, вклад в обороноспособность страны, выполнение заданий партии и правительства. Причем данная ценностная ориентация более характерна для мужчин, чем для женщин: среди мужчин на нее указали 57%, в то время как среди женщин – только 32%.

Показательно, что работники комбината в большей степени относились к своей работе как социально-политической ценности. Однако, с течением времени данная ценностная ориентация снижается как у работников комбината, так и у работников городских служб.

В целом, ориентация на работу как социально-политическую ценность более характерна для приехавших в конце 1940-х гг. (54,1%). Причиной этого является внешнеполитическая ситуация, преподносимая советской пропагандой как чреватая третьей мировой войной с применением ядерного оружия. В подобных условиях силен эмоциональный аспект

социально-политических установок. Психологическую значимость приобретают не только частные и социально-групповые интересы, но и социально-политические ценности, выражающие интеграцию граждан в национально-государственную общность¹⁷³. Люди, только что пережившие Вторую мировую войну, были готовы на любые лишения, чтобы не допустить новой войны, более страшного ее повторения.

В результате уменьшения ощущения угрозы войны в 1960-е гг. данная ориентация у жителей закрытых городов ослабевает: только 34% респондентов указали на социально-политическую ценность работы в ЗАТО. При этом несколько снижается отношение к работе как к материальной ценности: с 50% среди приехавших в 1940-е гг. до 46% среди приехавших в 1960-е гг. Это является следствием улучшения материально-бытовых условий жизни, расширения возможностей удовлетворения соответствующих потребностей и изменения уровня притязаний.

Таким образом, среди мотивов трудовой деятельности выделяются такие как общественная значимость труда, содержание труда и его перспективность, возможность получения материальных благ.

Высокая мотивация к качественному труду на градообразующем предприятии поддерживалась достаточно жесткими условиями трудовой дисциплины и ограничениями, связанными с режимом секретности. Так, действующие на начальном этапе существования предприятий атомной промышленности Постановление СНК СССР от 21 августа 1940 г. и Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г.¹⁷⁴ позволяли увеличить количество рабочего времени, повысить производительность труда и укрепить дисциплину.

В течение рабочего дня практиковались проверки наличия рабочих и служащих на рабочих местах. Каждый работник имел табельный номер, по которому отслеживалось его присутствие. Самовольно оставившие предприятие официально именовались дезертирами и подлежали уголовной ответственности.

Иногда в стремлении контролировать действия работников комбината режимные службы доходили до крайностей. Например, в июне 1949 г. на комбинате “Маяк” была установлена следующая процедура прохождения через санпро-

пускник. Все работники проходили через КПП санпропускника полностью раздетыми, каждого просили открыть рот, ощупывали голову (женщины при этом должны были распустить длинные волосы), осматривали уши, заставляли раздвигать пальцы рук и, наконец, присесть¹⁷⁵. Эта унижительная процедура просуществовала полгода.

В целом, все действия работников завода регламентировались так называемым “вопросником по поведению”. Устанавливался строго определенный круг лиц, имевших право посещать тот или иной цех или отдел предприятия, работать с теми или иными документами, вести записи или чертежи. Режим секретности создавал ограниченность информации, отсутствие представлений о перспективах развития того или иного направления. В связи с этим многие руководители секторов, отделов отмечали, что лишены возможности воздействовать на производственные подразделения и хозяйственные службы. Руководители среднего уровня НИИ-1011, например, считали, что это порождает неуверенность и создает впечатление их беспомощности в глазах подчиненных¹⁷⁶.

Работа с документами, квалифицированными как секретные, велась под строгим наблюдением представителей первого отдела: документы выдавались ими либо под расписку, либо после сдачи городского пропуска; все записи должны были вестись только на спецлистах, которые хранились в первом отделе¹⁷⁷. При этом к работающим с секретными документами могла быть приставлена вооруженная охрана с целью предотвратить ознакомление с данным документом другого лица.

Частые присутствия представителей первого отдела вызывали напряженность, выводили работников из состояния деловой сосредоточенности. “Чем чаще мы ходим в цеха, – говорилось на одном из собраний первого отдела Приборостроительного завода, – тем больше настораживаем исполнителей”¹⁷⁸. Представителей данного ведомства не любили, относились к ним с опаской, но постепенно привыкали к их присутствию, “старались не замечать”¹⁷⁹.

Инструктаж о правилах поведения работающих на секретном производстве повторялся ежегодно¹⁸⁰. С одной стороны, инструкции облегчали деятельность, поскольку трудовые навыки доводились до автоматизма. С другой стороны, с годами

это вело к стереотипизации мышления, затрудняя реакцию на нестандартные (в том числе и аварийные) ситуации. Например, после аварии 1957 г. на комбинате “Маяк” было признано, что привычка действовать по инструкции сыграла отрицательную роль в предотвращении и ликвидации аварии¹⁸¹.

Производственную активность также стимулировала широкая система поощрений и наказаний. Наиболее жесткой система санкций была в первые 5-6 лет существования секретных производств, особенно комбинатов “Маяк”, УЭХК и ЭХП. В случае невыхода или опоздания на работу отдел кадров был обязан оформлять дела в суд в течение 12 часов. При этом задержка в оформлении дел рассматривалась как укрывательство, виновные привлекались к уголовной ответственности¹⁸². Основной мерой наказания за прогул или опоздание являлись исправительно-трудовые работы или тюремное заключение (от нескольких месяцев до нескольких лет) в случае повторного нарушения.

В более поздний период среди санкций использовались (по убывающей): выговоры (в том числе и строгие); отказ в отпуске в летнее время, в квартире, путевках, материальной помощи; лишение процентной надбавки за выслугу лет (сроком до 3 месяцев); перевод на нижеоплачиваемую работу; передача дела на рассмотрение товарищеского суда или специального суда¹⁸³. При этом среди нарушений были распространены прогулы и опоздания (наибольшее количество случаев – в пределах 5 минут), преждевременное прекращение работы (на 15-20 минут), появление на работе в нетрезвом виде, нарушения производственного порядка.

Нарушения трудовой дисциплины были свойственны в большей степени рабочим (от общего числа нарушителей они составляли до 75%), чем служащим и ИТР. Среди всех нарушителей большую часть составляли молодые работники – выпускники ремесленных и технических училищ, имеющие недостаточно высокий уровень образования и не стремящиеся к его повышению. Более половины нарушителей имели стаж работы на закрытых предприятиях в пределах 2-3 лет. Средний возраст нарушителей – 25 лет, четверть из них – комсомольцы¹⁸⁴.

В качестве поощрений в конце 1940-х гг. использовались награждения отрезами хлопчатобумажных, шерстяных или

шелковых тканей (первые предназначались мужчинам на костюмы, вторые – женщинам на платья), демисезонными пальто, модельными туфлями или ботинками¹⁸⁵. Интересно, что все награды расписывались строго по фамилиям, таким образом, руководство завода учитывало нужды конкретного лица.

В 1950-1960-е гг. для поощрения новаторов и передовиков производства были учреждены звания “новатор-стотысячник”, “лучший по профессии”, занесение на Доску и в Книгу Почета, фотографирование у памятного знамени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. При этом руководством секретных предприятий подчеркивалось, что “возрастающее значение моральных стимулов отнюдь не умаляет роли принципа материальной заинтересованности работника в результатах труда”¹⁸⁶. В связи с чем получили распространение такие поощрения, как повышение заработной платы или квалификационных разрядов, премии по итогам выполнения производственных планов и соцсоревнований, первоочередное обеспечение путевками в дома отдыха и санатории, местами в детских дошкольных учреждениях, квартирами¹⁸⁷.

Рабочая атмосфера в психологическом плане отличалась всеобщим энтузиазмом, повышенным эмоциональным фоном, увлеченностью стоящей перед населением задачи. “Дух какой-то особой приподнятости и значительности совершаемого владел каждым, – подчеркивают ветераны, – ... никто не сэкономил свои силы и здоровье”¹⁸⁸. “Все, от руководителей до рядовых работников предприятия, – вспоминает научный руководитель комбината УЭХК Б.В. Жигаловский, – были воодушевлены сознанием необходимости быстрее и наилучшего выполнения каждым своих обязанностей, а в целом, созданием такой нужной для нашей страны техники”¹⁸⁹.

Осознание важности конечной цели формировало готовность каждого члена к ее достижению, являлось исходным пунктом развертывания всех форм внутригрупповой активности. Наиболее ярко данные черты проявлялись в коллективах градообразующих предприятий, в которых внутригрупповая активность разворачивалась в условиях повышенного риска, связанного с технологией производства.

В результате опытно-экспериментального характера предприятий при отработке технологических процессов, пуске новых установок работники зачастую не знали, чем завершится испытание, не исключая при этом и собственную гибель. “В случае чего, судить будет некого”, – так начиналось испытание пуска первой партии продукции на заводе УЭХК в 1949 г.¹⁹⁰ Угроза собственной жизни и свободе для работников атомных производств была менее значима, чем выполняемая ими работа. “Конечно, мы не хотели сушить сухари и садиться за решетку, – вспоминает А.М. Петросьянц, – но больше всего нас волновало ... как мы защитим свою страну от американской атомной бомбы”¹⁹¹. Подобная установка характерна не только для руководителей атомной отрасли, но и для рядовых работников.

И в повседневных, и в экстремальных ситуациях люди прежде всего проявляли заботу о качестве продукции, а не о своем здоровье. К технике безопасности относились достаточно легкомысленно, особенно в первые годы существования атомных комбинатов. (Так, в распределении производственных интересов комбинатов ЭХП и УЭХК в исследуемый период категория “охрана труда и техника безопасности” стоит на последнем месте). Одной из причин служило незнание всех качеств радиоактивных веществ, причем это относится не только к рядовым работникам, но и к ученым и руководителям. Например, ветеран ПО “Маяк” В.И. Шевченко вспоминает случай, когда А. П. Завенягин, находясь в центре реактора в личной одежде и обуви, ел мандарины. На замечание об опасности такого поведения ответил, что ничего с ним не случится¹⁹². Академик И.К. Кикоин, однажды заметив утечку фтористого водорода, закрыл сосуд пальцем, после чего попросил сотрудников установить заглушку. К утру кожа на пальце обуглилась¹⁹³. Это эпизоды говорят о том, что в начальный период многие вопросы не были решены, в том числе и вопросы техники безопасности. Так, в помещениях отсутствовала вентиляция, и работники вынуждены были вдыхать пары ртути; из-за недостатка санпропускников и бытовых помещений многие работали в повседневной одежде и не снимали ее, уходя домой¹⁹⁴. Обедали зачастую на рабочем месте, а, идя в заводской буфет, старались сэкономить время на мытье рук: натирали их мылом, которое за-

держивало альфа-частицы и приборы не фиксировали “загрязненность.”

Однако основной причиной недостаточного внимания к здоровью и технике безопасности была установка на решение производственных задач любой ценой. Так, в цехе ц 12 комбината ЭХП, где велась ручная доводка и хранение деталей, необходимо было поддерживать температуру в пределах 18-20°. Поскольку цех не был оборудован кондиционерами, по всему зданию разливали артезианскую воду и рабочие вынуждены были ходить по ледяным лужам¹⁹⁵.

Случай, рассказанный ветераном ПО “Маяк” Л.П. Сохиной, еще более ярко иллюстрирует вышеуказанную установку. При фильтровании первого оксалатного осадка разорвалась толстостенная колба, и осколки стекла ранили лицо одного из техников. Осадок оксалата плутония попал в рану и был немедленно вымыт водой. Участники этого эпизода были крайне жестко отчитаны начальником цеха за то, что плутоний был смыт вместе с кровью в раковину, а не собран в специальную посуду¹⁹⁶. Таким образом, самочувствие пострадавшего работника было гораздо менее важным, чем содержание работы и качество производимой продукции.

Ощущение причастности к общему и исключительно важному делу лежало в основе стремления всех работников как можно быстрее и качественнее выполнить поставленные задачи, часто в ущерб собственному здоровью. Можно сказать, что поведение работников градообразующих предприятий отличалось готовностью к риску, то есть психологической предрасположенностью к рискованным действиям, сформировавшейся в результате становления качественно нового производства.

Известно, что работа в условиях риска побуждает сотрудников к производственной активности¹⁹⁷. Так, внутригрупповая активность работников комбинатов выражалась в таких стереотипах поведения как готовность к ненормированному рабочему дню, сверхурочным работам, в том числе в выходные и праздничные дни.

Поскольку на этапе становления атомной промышленности не была до конца отработана технология, не решены все научные, технические и организационные задачи, производственные планы секретных предприятий претерпевали час-

тые изменения. (Неслучайно в распределении производственных интересов комбинатов ЭХП и УЭХК на первом месте стоят планирование и качество продукции). Например, только за 9 месяцев 1958 г. план комбината ЭХП изменялся 6 раз¹⁹⁸.

Постоянно форсируемые темпы выпуска продукции, сопровождаемые срывами из-за технологических сложностей, срочные заказы, не обеспеченные ресурсами и документацией, создавали неритмичный и исключительно напряженный график работы. Так, работники ПО “Маяк” в конце 1940-х гг. начинали рабочий день в 9 часов и работали (с небольшим перерывом на обед) до 18 часов, после двухчасового перерыва работа возобновлялась, продолжаясь до 24 часов и позже¹⁹⁹. Подобная практика существовала и на других предприятиях: применялись систематические отмены выходных дней, работа в две смены, удлинение рабочего дня за счет сокращения обеденного перерыва или дополнительных рабочих часов²⁰⁰. Несмотря на то, что Совет Министров СССР фактически запретил продление рабочего дня в государственных учреждениях и на предприятиях страны еще в 1953 г., на секретных объектах возможности ненормированного рабочего дня продолжали широко использоваться. Например, работники комбината ЭХП в июне 1954 г. и в июле 1956 г. в течение нескольких недель ежедневно перерабатывали по 5-8 часов.²⁰¹ Были факты, когда рабочих не выпускали из цехов до выполнения ими дневного задания²⁰².

Практика выдачи заводам непланируемых заданий (так называемых “аварийных заказов”) вела к тому, что ежемесячно от 43% до 53% выпускаемой продукции приходилось на третью декаду месяца²⁰³. При этом аварийные заказы могли составлять более 20% от общего объема работ, предусмотренного планом, и на их выполнение отводились минимальные сроки. В результате ежегодно использовалось до 60 тыс. часов сверхурочных работ²⁰⁴. Как показало ретроспективное социологическое исследование населения г. Лесной большинство работников комбината (92%) принимало участие в сверхурочных работах. Работа сверхурочно, в выходные и праздничные дни вошла в систему на градообразующих предприятиях закрытых городов, применялась даже тогда, когда в ней не было острой необходимости (“на всякий

случай”, как говорили работники Приборостроительного завода г. Трехгорного²⁰⁵).

Как правило, участие в сверхурочных работах было добровольным. Более того, уход с работы сразу после ее окончания считался “признаком дурного тона”, поведением, недостойным того доверия, которое оказывает правительство коллективу секретного производства. Нередки были случаи, когда заводчане круглосуточно находились в цехах от нескольких дней до месяца. “Сутками не выходили из производственных помещений, – вспоминает доктор технических наук профессор Ю.Л. Голин, – Спали на канцелярских столах в служебных кабинетах, положив под голову жесткие стопки книг”²⁰⁶. В результате физического и психологического истощения некоторых госпитализировали.

Таким образом, столь напряженный график работы становился нормой не только для работающих на основном предприятии, но и для их семей. Так, ветеран УЭХК В.А. Черепанов вспоминает, что если он приходил домой раньше 2-3 часов ночи, его жена всерьез интересовалась его здоровьем²⁰⁷. Иными словами, только плохое самочувствие могло служить оправданием для пребывания вне рабочего места.

Кроме неритмичного и напряженного графика работы, становление первых предприятий атомной отрасли сопровождалось сложностями, вызванными недостаточно четко определенными профессиональными функциями. Прежде всего, это влияло на эффективность труда инженеров. Например, основная инженерная деятельность ИТР в общем бюджете рабочего времени заводского коллектива УЭХК в 1960-е гг. составляла 55,7%. 44,3% тратилось на различные виды неосновной деятельности: работа ниже своей квалификации, решение вопросов снабжения, оформление документов и пр.²⁰⁸ Из них от 7 до 15% рабочего времени расходовалось на работу, не предусмотренную должностными инструкциями. Особенно неоптимально использовалось время такой высококвалифицированной категории, как научные работники: неосновная деятельность составляла до 45%. Подобная ситуация существовала и на других комбинатах²⁰⁹. Так, на неопределенные функциональные обязанности в конце 1960-х гг. указывало более 69% руководящего состава ИТР комбината ЭХП. Причем количество руководящих инженерно-технических

работников, отметивших необходимость более четкого определения функциональных обязанностей, увеличивается с возрастом. В возрастной группе от 35 лет и старше это отметили 84%, тогда как в группе от 24 до 34 лет – только 62%²¹⁰.

Исследование выявило зависимость между желанием четких функциональных обязанностей и образованием: данные недостатки из-за отсутствия специальных знаний были более ощутимы для практиков (среди них на это указали 82%, в то время, как среди имеющих высшее образование – 69%).

Работа с качественно новой техникой, характерной для эпохи НТР и позднеиндустриальной стадии модернизации, рождала психологические проблемы. Многие не были готовы к восприятию технических новшеств, таких, например, как дистанционное управление технологическими процессами, автоматизация многих производственных операций, освоение вакуумных установок, новых сплавов и т.п.

Отсутствие знаний, производственного опыта и необходимой информации приводило к тому, что рабочие опытным путем старались установить качества того или иного продукта. Так, молодой токарь завода ЭХП, обнаружив выпадение волос, решил, что причиной является пыль продукта, который обрабатывают рядом с его станком. Чтобы это проверить он стал посыпать пылью различные участки тела²¹¹. “Эксперимент” был прекращен начальником цеха, а разбирательство обстоятельств этого дела велось первым отделом.

С одной стороны, недоверие, незнание технических новинок создавало трудности в их освоении, сопровождаемые неуверенностью, растерянностью и психологическим напряжением работников. “Установка для селеновых электрографических пластин – как снег на голову, – делился впечатлениями работник завода ЭХП, – никто в цехе об этом даже не слышал”²¹². “Что делать? – недоумевали литейщики комбината “Маяк” – Такой сплав мы никогда не изготавливали. Вариться в собственном соку и делать брак или обращаться в вышестоящие органы?”²¹³

С другой стороны, это порождало желание устранить неопределенность, добиться целей, реализовать свой потенциал. Иными словами, стимулировало научный интерес, инициативность и творчество среди работников градообразующего предприятия. “Это было больше похоже на лабораторные

работы, но в то время нам казалось иначе – открытия, колоссальная новизна”, – вспоминают первые работники атомных комбинатов. Освоение или создание новой технологии, не имевшей аналогов на производстве, воспринимались как собственные открытия, определяли ведущую роль научно-технических исследований, осуществлявшихся в тесной связи с их промышленной реализацией. Кроме того, изобретательская и рационализаторская деятельность поддерживалась и материальным стимулом: изобретения, технические усовершенствования и рацпредложения в конце 1940-х – начале 1950-х гг. вознаграждались премией в размере от 200 до 1000 рублей²¹⁴.

На секретных комбинатах в 1950-е – 1960-е гг. ежегодно подавалось до 2-3 тыс. рационализаторских и изобретательских предложений, каждый третий работник цеха являлся рационализатором²¹⁵. При этом, доля внедряемых предложений в 1960-е гг. достигала 95%, тогда как по стране – 66%²¹⁶. Среди рационализаторов в 1950-е гг. инженерно-технические работники составляли до 70%, рабочие – до 30%, в 1960-е гг. рационализаторской и изобретательской деятельностью в большей степени занимались рабочие – 71-75%, в то время как ИТР – только 25-29%²¹⁷. Многие из рационализаторов подавали по 3 и более предложений, и, хотя не все из них внедрялись, они приносили ощутимую экономию. Так, во второй половине 1950-х – 1960-е гг. среднегодовая условная экономия на комбинатах ЭХП и УЭХК от внедрений рацпредложений составляла от 1,5 до 4,5 млн. руб.²¹⁸.

Развитию рационализации способствовали техническая пропаганда: проводились соответствующие лекции и семинары, научно-технические конференции и школы передового опыта, демонстрировались научные фильмы. В г. Новоуральске, например, в 1960 г. при Доме культуры, в некоторых цехах и отделах УЭХК были организованы консультационные пункты для изобретателей и рационализаторов²¹⁹.

Таким образом, рационализаторство и изобретательство становились нормой, стереотипами поведения на секретных предприятиях закрытых городов. Таким образом, для работников градообразующих предприятий характерен преобладающий мотив, то есть стремление решать интересные и сложные задачи ради получения продуктивного результата.

Мобилизации трудовой активности коллективов комбинатов были подчинены широко практикуемые производственные совещания, создававшие у рабочих ощущение причастности к управлению производством; социалистическое соревнование²²⁰.

По инициативе партийно-комсомольских инстанций в стране было развернуто движение за коммунистический труд. На начальной стадии основной организационной единицей являлась рабочая бригада. Позднее признали возможным и личное участие. Так, к середине 1960-х гг. социалистическим соревнованием были охвачены от 40 до 97% работников градообразующих предприятий закрытых городов²²¹. Например, на заводе УЭХК к 1965 г. звание “ударник коммунистического труда” было присвоено 3631 рабочим, служащим и ИТР, 53 участкам, 18 сменам, 128 бригадам²²². На Приборостроительном заводе в середине 1960-х гг. число ударников коммунистического труда ежегодно увеличивалось в 1,3 раза²²³. Характерно, что при присвоении звания учитывались не только производственные показатели, но и достойное поведение в быту и общественных местах.

Несмотря на то, что к организации соцсоревнования иногда подходили достаточно формально, были и явные положительные результаты. Так, итогами борьбы за звание “ударник (коллектив) коммунистического труда” было повышение производительности и качества труда, рост рационализаторских предложений и условной экономии, улучшение общеобразовательной и технической подготовки. Состояние соревновательности давало возможность работникам удовлетворить потребности в одобрении, позитивной оценке со стороны окружающих и в самореализации.

Среди деловых свойств работниками атомных производств приветствовались трудолюбие, добросовестность, дисциплинированность, творческий подход к труду, компетентность. Основная масса коллектива была нетерпима к таким проявлениям как безразличие к делам производства, безынициативность, леность, некомпетентность. “Дуракам на этом производстве делать нечего, – уверена ветеран комбината “Маяк” З. Исаева, – слишком велики от них будут убытки”²²⁴.

Большое значение для взаимоотношений в трудовом коллективе имели уважение к людям, доброжелательность, чест-

ность, собранность, высокий самоконтроль. Так, ретроспективное социологическое исследование населения г. Лесного показало, что работники комбината выделяют такие отношения как доброжелательность (63%), взаимовыручка (48%), уважение (43%), чуткость (32%). Ни один представитель данной группы (в отличие от работающих на других предприятиях города) не отметил такие отрицательные черты, как холодность, натянутость, неуважение. Дружественность, отзывчивость, творческую взаимопомощь, коллективизм упоминают все ветераны градообразующих предприятий закрытых городов при описании производственного психологического климата. “Ощущение, что все мы – одна семья” – одна из наиболее распространенных характеристик отношений в процессе работы.

Чем жестче были условия производственной системы, тем более была значима роль вышеперечисленных свойств. К ним были чувствительны все члены бригады.

Среди взаимоотношений, складывающихся в трудовых коллективах, особое место занимают отношения авторитета, лидерства. Формальное лидерство, естественно, было закреплено за руководителями различных уровней. Подбор и расстановка руководящих кадров производились исходя из деловых и морально-политических качеств при участии партийных, профсоюзных и комсомольских организаций. При этом на этапе становления предприятий атомной промышленности предпочтение отдавалось знанию производственных вопросов, инициативности. Стаж работы не играл решающего значения. Так, в середине 1960-х гг. в г. Снежинске почти все руководители цехов имели стаж не более трех лет²²⁵. Считалось, что молодые кадры “более энергично берутся за работу”.

Прежде всего ценились профессиональные качества работника, возраст не имел значения. “В январе 1949 г., – делится воспоминаниями А.А. Лосева, – ко мне привели группу вновь прибывших на завод. Начальник цеха сказал: “Товарищи, вот Алевтина Александровна, опытный технолог, она вам покажет и расскажет об оборудовании, на котором вам придется работать”. Мне было 19 лет, я работала с августа 1948 г. Начальнику моей смены было 20 лет”²²⁶.

В плане возможностей карьерного роста молодых специалистов на начальных этапах работы секретных объектов по-

казателен пример ветерана УЭКХ М.Н. Нерушина, приехавшего в г. Новоуральск в начале 1950-х гг. Через две недели работы на заводе он попал на производственное совещание, где высказал предложения по предотвращению допущенных ранее ошибок. В результате он немедленно был назначен руководителем по организации работы проблемного участка, а через месяц директор завода предложил ему, молодому, двадцатитрехлетнему специалисту должность начальника цеха²²⁷.

Таким образом, возраст, опыт и стаж работы в начальный период функционирования предприятий атомной промышленности не были необходимыми условиями для продвижения по должностной лестнице.

В 1960-е гг. комплектация руководящих кадров шла в основном за счет внутреннего перемещения, при учете в первую очередь опыта практической работы и специфики предыдущей деятельности. Так, если в середине 1950-х гг. среди руководящего состава ИТР комбината “Электрохимприбор” молодые специалисты со стажем работы до 3 лет составляли около 18%, то в 1960-е гг. – только около 5%²²⁸. В 1960-е гг. подобная практика выдвижения на руководящие должности не устраивала 55,6% ИТР в возрасте до 34 лет и в тоже время удовлетворяла инженерно-технических работников в возрасте старше 50 лет (55,5%).

Из качеств, необходимых каждому руководителю, респонденты социологического исследования комбината ЭХП (конец 1960-х гг.) выделили следующие:

- организаторские способности (81,6%);
- умение контактировать с людьми (75,2%);
- требовательность и принципиальность по отношению к подчиненным (73,4%);
- умение признавать свои ошибки и промахи (72,9%);
- обладание как теоретическими, так и практическими знаниями и навыками по специальности (70,6%);
- высокая оперативность в решении вопросов (66%);
- умение ориентироваться в обстановке, видеть перспективу (63,8%);
- разумно использовать предоставленные административные возможности (49,1%);
- владеть широкими знаниями по ряду технических и гуманитарных дисциплин (28,9%)²²⁹.

Таким образом, большинство опрошенных поставили на первое место группу качеств, относящихся к созданию рабочей обстановки. Действительно, умение создать в коллективе атмосферу “напряженной работы” считалось чрезвычайно важным для руководителя²³⁰. При этом, для подчиненных в руководителях наиболее важны были такие свойства как помощь в работе, заботливость и отзывчивость, объективность и справедливость, выдержанность, техническая грамотность²³¹.

Из недостатков, присущих руководителям, подчиненные прежде всего выделяли нарушение этики взаимных отношений: проявления грубости и пренебрежения, недостаточное знание и слабый учет интересов подчиненных. Для руководителей большее значение имели такие собственные недостатки, как боязнь ответственности (38%), неумение рационально использовать рабочее время (34%), отсутствие умения четко и кратко излагать свои мысли (24%)²³².

Отличительной чертой руководящего состава секретных производств было совпадение формального и неформального статуса лидера. Иначе говоря, за руководством признавалось право принимать решения в значимых для коллектива ситуациях не только на основе данных им официальных полномочий, но и на основе признания, уважения их нравственных качеств, опыта, знаний. Причина подобного социально-психологического эффекта заключается в том, что высшее руководство в начальный период занималось не только вопросами производства, но и проблемами быта, психологического климата и самочувствия работников. По воспоминаниям ветеранов, именно руководству удавалось разрядить обстановку, вселить в людей уверенность, подбодрить в те моменты, когда “от усталости никто не мог не только ходить и думать, но и общаться”.²³³ В подобных ситуациях рядовые работники узнавали личностные (а не только административные) качества начальства. Всеобъемлющая забота о нуждах работающих и высокий профессионализм руководства атомных комбинатов вызывали уважение и доверие.

Высокой степенью референтности обладали директора атомных предприятий: П.Т. Быстров, Е.П. Славский, Б.Г. Музруков (комбинат “Маяк”), А.И. Чурин, А.Л. Кизима, А.И. Савчук (УЭХК), Д.Е. Васильев, А.Я. Мальский (ЭХП, НИИ 1011), а также научные руководители – И.В. Курчатов, И.К. Кико-

ин, Л.А. Арцимович и другие. Их ценности, нормы, стандарты поведения являлись ориентиром для работников, с ними связывалось решение субъективных трудностей, возникающих в процессе деятельности. Одобрение высшего руководства было очень значимо для подчиненных, если какое-либо производственное задание давалось самим директором или научным руководителем, это вызывало повышенное чувство ответственности и гордость за оказанное доверие.

О популярности вышеуказанных лиц свидетельствует тот факт, что их имена являлись символами власти (“хозяин города”, “царь и бог” – так зачастую именовался директор ядерного комбината), присутствовали в местном фольклоре. Так, специальный поезд, который доставлял работников завода ц 813 к рабочему месту назывался “Кизима”; часть застройки рядом с г. Лесной носит название “Васильевские дачи”; первый ресторан г. Лесного “Маяк” был назван по начальным буквам имени А.Я. Мальского; основная улица одного из кварталов г. Лесного называлась жителями “Карпманштрассе”, по фамилии главного инженера; недалеко от г. Трехгорного есть “Корольковская ложбинка (В.П. Корольков – начальник одного из цехов Приборостроительного завода)”; первая игра КВН в НИИ 1011 проходила под девизом “Шембельцм и Забабахнем!” (В.К. Шембель – начальник сектора 10, Е.И. Забабахин – научный руководитель института). Альпинисты г. Снежинска, покорив в 1968 г. безымянную вершину Памира (6100 м над уровнем моря), официально зарегистрировали ее как пик Васильева.

В местном фольклоре отражены и кадровые перестановки. Например, перемещение административного персонала завода ц 813 в 1949 г.:

*Тру-ля-ля, тру-ля-ля –
Снова Чурин у руля!
Компас умный не за страх
У Кикоина в руках.
Снова главный заправил –
Родионов Михаил.
С ними в связке, как плотва,
Вся атомная братва²³⁴.*

Перевод А.Я. Мальского в 1971 г. на новое место работы в Обнинск был воспринят заводчанами с грустью и разочарованием:

*Все так привыкли: имя “Мальский”
Ассоциировать должно
Могучий комбинат уральский,
А не какое-то “Дубно”!*²³⁵

Участие академика И.К. Кикоина в традиционных банкетах, проводившихся после заседаний Ученого Совета УЭХК, отражено в следующей песне:

*А на банкете рядом мы сидели.
Он говорит: “Ты сам-то кто таков?”
Я, говорит, к примеру, академик...
А я, говорю, технолог Петухов.
Хоть я, говорю, не делаю ракеты
И не штурмую Енисей,
Но все же в чем-то, как-то, где-то
Я впереди, говорю, планеты всей!*²³⁶

Проявляемые руководителями секретных производств личностные и организаторские качества создавали их образ как незаурядных личностей и определяли силу их авторитета.

Авторитетные отношения существовали не только по вертикали (руководство – подчиненные), но и по горизонтали, между равными по статусу работниками. По выполняемой роли такие лидеры, как правило, делились на “профессиональных” (“мастер – золотые руки”) и на “социально-эмоциональных” (партийные, комсомольские, профсоюзные лидеры).

Взаимные авторитетные отношения поднимали производственную активность и формировали эмоциональную привлекательность трудовых коллективов. Так, от общего числа респондентов социологического исследования комбината ЭХП (конец 1960-х гг.) 57,5% ответили, что желают остаться на прежнем месте работы и в прежних производственных коллективах; 60% считали свой коллектив и сложившиеся в нем отношения хорошими²³⁷. Из предложенных видов со-

вместной деятельности 45% респондентов остановились на желании совместно трудиться, 23% – на желании выполнять общественную работу, 22% – на желании поддерживать постоянные дружеские отношения и проводить свободное время²³⁸. Благоприятный психологический климат в процессе производственной деятельности обеспечивал сплоченность трудового коллектива и удовлетворенность каждого работника результатами труда.

Таким образом, все вышеперечисленные установки, ценности, стереотипы и нормы поведения создавали необходимую обстановку для решения производственных задач, стоящих перед градообразующими предприятиями закрытых городов.

Общественно-политическая активность населения

Общественно-политическая активность жителей ЗАТО, как и других городов Советского Союза, проявлялась в выборах в местные, областные Советы и в Верховный Совет СССР, в участии в представительных органах власти, в партийных конференциях и собраниях; в деятельности добровольных обществ и массовых социально-политических движений, в различных формах комсомольской и партийной учебы, в формах общественной самодеятельности по месту жительства.

В закрытых городах с конца 1940-х и до середины 1950-х гг. общественно-политическая деятельность направлялась и контролировалась политотделами, одной из главных задач которых было “создание и укрепление всех партийных, комсомольских и профсоюзных организаций”²³⁹. После присвоения закрытым территориям статуса городов эти функции были переданы городским комитетам партии.

В 1950-е гг. партийные организации в закрытых городах ежегодно увеличивались за счет приехавших и вновь принятых в среднем на 21%, комсомольские организации – на 40% (в связи с тем, что население ЗАТО комплектовалось в большей степени молодежью). В партийной организации большинство (в среднем 44%) составляли люди, находившиеся в возрастной группе от 31 до 40 лет. Среди членов и кандидатов в члены КПСС в закрытых городах большинство имело

высшее, незаконченное высшее и среднее образование – 42%. В 1950-е гг. наиболее многочисленной была группа вступивших в партию в 1941-1945 гг. – в среднем 45%, в начале 1960-х гг. уже 50% членов парторганизаций ЗАТО составили вступившие в послевоенный период²⁴⁰.

Секретари парторганизаций были представлены в основном служащими и ИТР (в среднем 63% и 24% соответственно), находящимися в возрасте от 31 до 40 лет, в большинстве имевших высшее, незаконченное высшее и среднее образование (49%), 52% из них вступили в партию в 1941-1945 гг.²⁴¹

Таким образом, данные о секретарях парторганизаций в целом отражают состав партийных организаций ЗАТО. Аналогичная закономерность прослеживается и в отношении состава партийных конференций и городских Советов народных депутатов. По роду занятий они состояли в среднем на 24% из рабочих, на 42% – из служащих, на 25% – из ИТР, на 7% – из военнослужащих и на 2% – из неработающих (пенсионеры, домохозяйки). Женщины составляли от 10 до 38%. Наиболее многочисленной была группа делегатов и депутатов, находившихся в возрасте 31-40 лет. Депутатов в возрасте до 30 лет в большем количестве избирали в период с конца 1940-х до середины 1950-х гг.: в этот временной отрезок они могли составлять до 39%, в то время как в 1960-е гг. – 12-18%. Национальный состав партийных конференций и городских Советов был представлен в основном русскими (в среднем – 89%). Подавляющее большинство депутатов и делегатов имело высшее, незаконченное высшее и среднее образование (61%).

По партийной принадлежности Советы народных депутатов закрытых городов состояли в среднем из членов КПСС (60%), комсомольцев (8%) и беспартийных (32%). На протяжении всего изучаемого периода стабильно велика была группа депутатов, вступивших в партию в 1941-1945 гг. С течением времени уменьшается группа депутатов и делегатов, вступивших в партию до 1930 г. и соответственно увеличивается группа вступивших в послевоенный период²⁴². До 77% депутатов и делегатов избирались в представительные органы повторно.

Активность избирателей на выборах в городские, областные Советы народных депутатов, а также в Верховный Совет

СССР была очень высока. Например, в г. Лесном в 1950-е гг. к 10 часам утра являлось на выборы и голосовало до 62% избирателей, а к 14 часам – до 95%²⁴³.

Участие в политических процессах стимулировалось соответствующей агитацией. Так, накануне выборов в агитпунктах проводились консультации, доклады по обращениям ЦК КПСС к избирателям, сообщения об итогах выполнения очередного годового плана, демонстрировались кинофильмы, выступления художественной самодеятельности и агитколлективов. В общественных местах оборудовались витрины с фотографиями кандидатов и их биографиями; беседы на тему “Наш кандидат” проводились на рабочих местах и по месту жительства избирателей²⁴⁴.

В целом, в закрытых городах в выборах участвовало в среднем 99,4% от общего числа избирателей, за предлагаемые кандидатуры голосовало 98,75%²⁴⁵.

Столь высокая активность была обусловлена главным образом социальными нормами, являлась одной из политических ценностей, была общественно одобряемым поведением. Мотивом социально-политической активности в рассматриваемый период была также психологическая привлекательность принадлежности к системе политической власти, искренняя вера большинства населения в собственные возможности влиять на нее.

Широкая вовлеченность населения в общественно-политическую деятельность осуществлялась за счет его участия в партийных, комсомольских и профсоюзных собраниях, выполнения общественных и партийных поручений, разветвленной сети партийного просвещения.

Партийные и комсомольские собрания проходили 1-2 раза в месяц, как правило, на них присутствовало от 83% до 90% от общего количества коммунистов и комсомольцев. Актив производственных коллективов, например, на градообразующем предприятии г. Лесного составляли 36,6% трудящихся²⁴⁶. Именно они участвовали в подготовке и проведении партийных собраний. Участники партийных, комсомольских и профсоюзных собраний в основном выступали по следующим вопросам (по убывающей): улучшение рабочего места, политико-воспитательная работа, улучшение партийно-организационной работы, усиление трудовой дисциплины²⁴⁷.

От 30% до 60% членов КПСС/ВЛКСМ участвовало в общественной работе периодически. Иными словами, в структуре социально-политической деятельности населения закрытых городов преобладали разовые поручения и исполнительская деятельность. Последние получили наибольшее распространение во второй половине 1960-х гг. Как показало социологическое исследование “Действенность массовых форм пропаганды,” проводимое в конце 1960-х гг. на комбинате УЭХК, 91% коммунистов имели партийные поручения, но об их исполнении отчитывалось только 28%²⁴⁸. Часть активистов имела несколько партийных поручений (некоторые до 12)²⁴⁹, при этом далеко не все из них исполнялись, что говорит о недостаточном контроле со стороны актива и формальном отношении к выполнению поручений.

Наиболее массовыми формами общественной деятельности, организуемой и направляемой, как правило, партийными, комсомольскими и профсоюзными организациями, в изучаемый период являлись субботники и воскресники, общественные стройки. В них принимало участие практически все население закрытых городов. Следует отметить, что подобное поведение было достаточно активным, добровольным и наполненным энтузиазмом, особенно в период 1950-х гг. Данная форма общественного поведения была настолько популярна, что не хватало транспорта, чтобы доставить всех желающих к месту проведения субботников²⁵⁰. Так, жителями г. Озерска на общественных началах были построены два стадиона (в 1949-1950-м гг. и в 1960-1961-м гг.), база отдыха; комсомольцами г. Новоуральска благоустроены парк культуры и отдыха, пионерский лагерь, дом отдыха “Зеленый мыс”. Жители г. Лесного также оборудовали несколько стройплощадок, первый городской стадион, принимали участие в строительстве Клуба молодежи (1949 г.), нескольких школ, комсомольцами завода возведен цех заготовки материалов комбината ЭХП (1957-1960 гг.). В г. Трехгорном в 1966 г. на строительстве спортивного павильона жителями было взято обязательство отработать на “ударной городской стройке” не менее 10 часов²⁵¹. Комсомольско-молодежные субботники значительно ускорили строительство стадиона “Комсомолец”, кинотеатра “Космос” (1959 г.), клуба “Темп” (1960 г.) в г. Снежинске. Озеленение и благоустройство улиц и внутри-

квартальных территорий, городских бульваров и парков также производилось силами самих горожан ЗАТО.

На субботниках и общественных стройках трудились не только молодежь, проживающая в общежитиях, но и семейные пары. Например, на строительстве кинотеатра “Космос” в г. Снежинске нередко можно было видеть детские коляски: молодые родители, участвовавшие в субботниках, не имели возможности передать детей на чье-либо попечительство, но и не отказывались от общественного мероприятия²⁵².

Среди форм общественной работы по месту жительства наибольшее распространение получили домовые комитеты и движение за звание “Дом коммунистического быта”.

Основной задачей домовых комитетов было развитие инициативности и самостоятельности жильцов в улучшении эксплуатации жилищного фонда, контроль за санитарным состоянием домов и близлежащих территорий²⁵³. Представители домовых комитетов также организовывали досуг детей данного дома: с ними проводились игры, чтение художественной литературы, походы в кино.

К задачам и деятельности домовых комитетов было близко движение за звание “Дом коммунистического быта”. Как правило, в обязательства жильцов такого дома входило: “содержание в идеальном санитарном состоянии жилых квартир, лестничных клеток и подвальных помещений; оказание товарищеской помощи в выполнении ремонтных работ, непосильных одной семье; содержание в чистоте двора, озеленение балконов; организация вечерних домашних яслей, контроль за поведением и воспитанием всех детей дома”²⁵⁴.

В 1947 г. в Программе ВКП(б) была провозглашена цель: “в течение ближайших 20–30 лет построить в СССР коммунистическое общество”. В ее рамках в закрытых городах, как и по всей стране, были развернуты такие общественные начинания, как работа кинотеатров без контролеров, организация буфетов без продавцов, выдача заработной платы без касиров, преподавание в вечерних учебных заведениях без оплаты труда и т.п.

Несмотря на декларируемую в обществе высокую сознательность трудящихся и усиление влияния общественности, такие кампании были зачастую убыточными. Так, в г. Лесном работа гардеробов в столовых без гардеробщиков приве-

ла к кражам личных вещей (перчаток, головных уборов и пр.), самообслуживание в буфетах повлекло значительные убытки²⁵⁵. Перевод на безкондукторное обслуживание городских автобусов снизил финансовые сборы почти вдвое, аналогичное мероприятие на заводских автобусах г. Озерска только за ноябрь 1957 г. принесло ущерб в 50 тыс. руб.²⁵⁶ Подобные результаты были и в других закрытых городах²⁵⁷. Таким образом, по причине убыточности данные начинания не получили широкого распространения.

В 1947-1948 гг. ЦК партии предпринял ряд мер для укрепления системы партийных курсов и школ в стране, значительно увеличив их количество и число обучающихся. Поскольку население закрытых городов выполняло чрезвычайно важное правительственное задание, идеологические средства воздействия на жителей ЗАТО имели существенное значение, так как направляли общественные эмоции в определенное русло. В результате, более 50% взрослого населения закрытых городов в 1950-е гг. было охвачено различными формами партийной учебы. В большей степени это касалось членов КПСС/ВЛКСМ: обучалось более 60% от общего числа коммунистов и около 50% от общего числа комсомольцев. Беспартийные составляли от 14 до 23% от общего числа занимающихся в сети партийного просвещения²⁵⁸.

В указанный период были распространены следующие формы политучебы: политшколы, кружки по изучению истории КПСС (основного и повышенного типа), семинары по изучению отдельных произведений классиков марксизма-ленинизма, кружки по изучению политэкономии, философии, экономики и организации производства, вечерние университеты марксизма-ленинизма и самостоятельное изучение марксистско-ленинской теории. Большинство слушателей (как коммунистов, так и комсомольцев) посещало кружки по изучению истории КПСС основного типа первого года обучения и политшколы. Наиболее распространены были следующие темы лекций: “Устав КПСС – основной закон партийной жизни,” “О коммунистической морали и нравственности,” “КПСС – руководящая и направляющая сила советского общества,” “О советском патриотизме,” “Великое содружество Ленина и Сталина,” “Критика и самокритика – закон развития социалистического общества” и т.п. Кадры пропаганди-

стов были достаточно опытны и подготовлены: в среднем около половины имели высшее образование, у 62% стаж пропагандистской работы превышал 3 года, по характеру работы большинство (68%) являлось служащими и партийными или советскими работниками²⁵⁹.

Средняя посещаемость занятий составляла 75-80% от общего числа обучающихся. При этом, комсомольцы были менее дисциплинированы, чем члены КПСС: их посещаемость доходила до 50% и менее. Особенно резко снижалось количество слушателей-комсомольцев с наступлением весеннего периода²⁶⁰.

Как указывалось в справках об итогах учебы в сети партийного просвещения, ряд обучающихся формально посещали кружки, не работали над изучением материала, не готовились к семинарам, не принимали участия в обсуждениях и беседах, в результате чего “слабо разбирались в вопросах теории.” Вот, например, выдержка одного из протоколов итогового собеседования со слушателем кружка по истории КПСС:

“Вопрос: Какие постановления принял ЦК партии по идеологическим вопросам после войны?”

Ответ: Постановление о трехлетнем плане развития животноводства. Вопрос: Сколько в СССР собрано хлеба в 1950-м г.?

Ответ: Хватит, голодать не будем.

Вопрос: Что такое космополитизм?

Ответ: Это нехорошая штука.

Вопрос: Что требует партия от работников литературы и искусства?

Ответ: Конечно, хорошего требует”²⁶¹.

В целом, как показывали итоговые беседы по темам курсов и обсуждения рефератов, несмотря на определенное количество недисциплинированных и неуспевающих учащихся, основная масса слушателей (от 49% до 92%) усваивала материал²⁶².

Среди обучающихся в сети партийного просвещения в 1950-е гг. наиболее малочисленную группу составляли те, кто занимался самостоятельным изучением теории марксизма-ленинизма. Как правило, данную форму получения политического образования выбирали руководящие работники, начальники цехов и отделов градообразующих предприятий.

Как показывали проверки экономической и политической грамотности руководящего состава, около 50% коммунистов, избравших самостоятельную форму учебы, “использовали ее как ширму для прикрытия бездеятельности в деле повышения идейно-теоретического уровня,” не имели индивидуальных планов, не изучали рекомендуемую литературу²⁶³. Наиболее типичным объяснением недостаточно ответственного подхода к политическому самообразованию были ответы “некогда,” “очень загружен работой,” “не имею возможности.”

В 1960-е гг. с целью преемственности политической учебы сеть политпросвещения была систематизирована и преобразована в трехступенчатую систему. Начальное звено было рассчитано на коммунистов, не имеющих необходимой подготовки для изучения теории марксизма-ленинизма. На этом этапе значительное внимание уделялось изучению и конспектированию работ В.И. Ленина (например, “Что делать?” “Шаг вперед, два шага назад”). Среднее звено предназначалось для подготовленных, но не получивших прочных основ теоретических знаний. Высшее звено – для слушателей с глубоким знанием теории, способных “на высоком идейном уровне готовить доклады и участвовать в научно-теоретических конференциях в области марксизма-ленинизма”. Как правило, на данном этапе обучались специалисты, имеющие высшее образование в какой-либо области знаний.

Например, на градообразующем предприятии г. Новоуральска во второй половине 1960-х гг. ежегодно в каждом из звеньев политучебы занималось в среднем около 700 человек, более 53% из них были членами КПСС, причем наибольшее количество коммунистов обучалось в среднем и высшем звене²⁶⁴.

Социологическое исследование, проводимое в конце 1960-х гг. среди 1000 коммунистов, занимающихся в сети партийного просвещения УЭХК, показало, что только 27% посещают занятия с желанием; 47% ответили, что обучаются без желания, из них 25% – только потому что обязывают. Среди причин незаинтересованности в занятиях наиболее часто назывались сухость, вялость, невыразительность лекций, отсутствие “живого” обсуждения проблем. 50% опрошенных считало, что проводимые занятия слабо связаны с жизнью, важнейшие текущие вопросы рассматриваются неглубоко и недо-

статочно²⁶⁵. Аналогичные результаты дало подобное исследование в г. Озерске²⁶⁶. Таким образом, к концу 1960-х гг. большинство слушателей системы партийного просвещения воспринимало ее функционально, руководствуясь мотивами продвижения по служебной лестнице, гарантии определенного социального статуса, боязни утраты социальной защищенности, рабочего места.

Поскольку общественно-политическая жизнь направлялась партийными органами, многие мероприятия были подчинены государственному политико-идеологическим целям. К подобным мероприятиям следует отнести, например, митинги в связи с сообщением Прокуратуры СССР об окончании следственного дела Л.П. Берия. Так, митинги, проведенные в цехах и отделах комбината ЭХП, в различных городских организациях г. Лесного охватили 5634 человека²⁶⁷. Суть дела и вину Л.П. Берия люди объясняли следующим образом: “Берия и его сообщники хотели в нашей стране возродить капитализм;” “они хотели поставить над Партией и Правительством Министерство Внутренних Дел, подорвать союз рабочих и крестьян”; “Берия – агент империализма, подлый убийца и шпион”²⁶⁸. Выступая на митингах, одни были уверены, что суд уже состоялся и высказывали одобрение решением суда, другие – требовали суда и “самой жестокой кары”, третьи – спрашивали, когда будет суд и будут ли напечатаны материалы суда в газетах²⁶⁹. Подобная разница в представлениях говорит о неосведомленности и недостаточной информированности населения о политических процессах. В то же время, мнения выступающих являлись отражением официальной политической линии.

Тоже можно сказать и об обсуждении октябрьского пленума ЦК КПСС 1957 г. об отстранении от должности Г.К. Жукова. Например, сообщения о собраниях трудящихся г. Снежинска по этому поводу показывают, что решение пленума было одобрено, признано правильным и своевременным всеми присутствующими. Из выступлений следует, что люди считали Г.К. Жукова “не оправдавшим доверие,” “переставшим считаться с Партией,” “банкротом в политике;” обвиняли его в том, что он “оторвался от жизни армии, от ее политической линии,” “зазнался и зарвался”²⁷⁰.

Таким образом, выступления на подобных митингах и собраниях следует считать поведением, демонстрирующим лояльность, верность власти. К таким “ритуальным” действиям относятся и собрания по поводу подписания, например, Декларации Правительств СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании (1954 г.), Обращения Всемирного Совета Мира против подготовки ядерной войны, Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран и Манифеста мира (1957 г.)²⁷¹.

В противовес социально одобряемому поведению, приверженность к какой-либо религии в исследуемый период рассматривалась как девиантное поведение. Тем не менее, отдельные жители закрытых городов соблюдали православные религиозные обряды, пытались проводить религиозные акции. Например, работница УЭХК в 1961 г. собирала подписи среди верующих под протестом по поводу закрытия Михайловской церкви в г. Екатеринбурге (как отмечалось в донесении первого отдела, ей удалось собрать подписи “нескольких престарелых женщин”)²⁷². Религиозной общиной г. Лесной накануне церковных праздников распространялись “святые письма” с призывами к населению не работать и молиться в праздничные дни. В конце 1950-х гг. верующие того же города организовали сбор подписей с целью открытия молебного дома в г. Нижней Туре²⁷³.

Кроме православных верующих в закрытых городах существовали и представители религиозных сект (баптисты-евангелисты, адвентисты седьмого дня и пр.).

Среди приверженцев того или иного религиозного течения были как беспартийные, так и члены КПСС/ВЛКСМ. Как отмечалось в справках и донесениях первого отдела, большинство из них имело возраст, превышающий 50 лет. Незначительное количество верующих в возрасте 18-20 лет, как правило, обнаруживалось среди солдат срочной службы²⁷⁴. В закрытых городах наибольшее распространение религиозные верования получали среди граждан, живущих в индивидуальных поселках и подсобных хозяйствах²⁷⁵. В целом, число верующих в ЗАТО было невелико, их подавляющее большинство скрывало свои чувства, поскольку религиозное поведение не одобрялось общественным мнением и преследовалось со стороны партийных организаций и КГБ.

Несмотря на большое количество горожан, искренно поддерживающих действия и решения партии и правительства, были и те, кто испытывал эмоциональную неприязнь, недовольство или враждебность к существующим порядкам. Так, 1950-1960-е гг. население закрытых городов в письмах и личных беседах часто обсуждало и сравнивало жизнь в Советском Союзе и капиталистических странах. “В Америке живут во много раз лучше, чем у нас в СССР, – рассуждал житель г. Лесной в 1951 г., – Когда я жил в Архангельске, то видел, какие туда приходят английские и американские корабли и как одеты англичане и американцы. Я убежден, что народ в Англии и Америке живет хорошо”²⁷⁶. Информация, хотя и весьма скудная, о жизни на Западе давала пищу для размышлений. “Я помню, – делился другой горожанин, – как в свое время очень много говорили и писали о плохой и тяжелой жизни народов Германии. А во время войны с Германией мы убедились в том, что немецкий народ жил материально хорошо. За границей жизнь трудящихся далеко лучше, чем у нас в СССР”²⁷⁷.

Проблемы жизни в Советском Союзе обсуждались не только в сравнении с капиталистическими странами, но и в сравнении, например, с дореволюционным периодом. “Это неправда, что раньше люди жили плохо, – настаивал молодой военный строитель. – Тогда, например, самый бедный крестьянин имел 3 коровы, 2 лошади. Это разве плохо жилось? И колхозов никаких не было. Все, что посеет, уберет – все для себя, а сейчас [...] весь хлеб отдает государству, а сам лапу сосет”²⁷⁸. “Наши отцы и деды при царском самодержавии жили хорошо, – был убежден житель г. Лесной, – только нам об этом не говорят правды”²⁷⁹.

Были распространены критические высказывания в отношении текущих политических и хозяйственных дел. Одни обсуждали первый послевоенный пятилетний план. “Правительство обманывает народ, публикуя в газетах итоги выполнения пятилетнего плана во всех областях народного хозяйства на 100% и более,” – считала работница одной из столовых. “Перевыполнение пятилетнего плана – с начала и до конца брехня. Это все достигнуто только на бумаге, а на самом деле ничего подобного нет, – возмущался прессовщик комбината ЭХП, – Например, если до войны колхозник полу-

чал 2-3 кг зерна, то сейчас он из колхоза почти ничего не получает. Вот и судите, как СССР превзошел довоенный уровень в области сельского хозяйства”²⁸⁰.

Другие критиковали решение об укрупнении колхозов. “Колхозники станут жить намного хуже, – делилась соображениями жительница закрытого города, – Раньше платили каждому, а теперь сделали уровниловку: кто работает и кто не работает, – получают поровну.” Также считала и другая горожанка: “При маленьких колхозах есть было нечего, а при больших и подавно. Кроме того, налоги на крестьян станут ужасные, да мало того, что налоги платят, подпишись еще на заем. Государству все не хватает, все ему мало, все, как в прорву валится”²⁸¹.

Социально-политическая ситуация в стране, начало которой было положено XX съездом КПСС, отразилась и на закрытых городах. С одной стороны, распространяется ожидание изменений в обществе в сторону большей демократизации, с другой – неверие в коммунистическую партию и проводимую ею политику.

Особенно усилились социальный критицизм и скептицизм после разоблачения Н.С. Хрущевым культа личности И.В. Сталина. Для многих это было серьезное потрясение. Вот, например, как описывала свои чувства жительница г. Новоуральска: “В годы Отечественной войны я, как в чистый кристалл, верила в И.В. Сталина, по его зову пошла защищать Родину, [...] но, когда я слышала о тех безобразиях, которые делал Берия, находясь на работе совместно со Сталиным, я потеряла идеал борьбы. В тот момент я бы наложила на себя руки, если бы у меня не было родителей”²⁸².

Как отмечалось в одной из справок, предоставляемых в ГК КПСС первым отделом г. Новоуральска, в городе распространены “крайне пессимистические настроения, упадочные взгляды, неверие в коммунистическую партию и проводимую ею политику, элементы анархического нигилизма, ревизия норм и категорий марксизма-ленинизма”²⁸³. Подобные настроения были характерны и для жителей других закрытых городов.

В то же время решения XX съезда КПСС некоторыми гражданами были восприняты как сигнал к свободе мнений и демократизации. Показательно персональное дело молодого коммуниста А.Г. Ланина, старшего научного сотрудника

Центральной заводской лаборатории ПО “Маяк”. На одном из партийных собраний он открыто заявил, что “в партии зажата демократия, недостаточная информация о событиях в Венгрии и Польше, ... в печати мало объективной и полной информации, ... рядовые коммунисты не имеют возможности критиковать вышестоящие партийные органы”²⁸⁴. Постановлением бюро Озерского горкома партии А.Г. Ланин был исключен из членов КПСС “за антипартийную вылазку, выразившуюся в недоверии к деятельности ЦК КПСС, в дискредитации партийной печати, органов Советской власти и профсоюзов, в восхвалении буржуазной демократии”.

Как показывают архивные материалы, многие разделяли мнения А.Г. Ланина, но предпочитали не делиться ими с широкой аудиторией, обсуждая в частных беседах, в письмах к родственникам и друзьям.

Так, одни выражали крайнее недоверие партии. “Интриги, клевета и вероломство, уничтожение других в борьбе за личные блага”, – так характеризовал партийную верхушку один из жителей г. Лесного²⁸⁵. “Достаточно, меня затянули в партию и всю жизнь мучат! Сыну своему не разрешу вступать в партию”, – говорил электрик цеха ц 1 комбината ЭХП. “Если коммунизм и построим когда-либо, – утверждал житель г. Озерска, – то только не с такой партией и не с такими людьми”²⁸⁶.

Другие связывали с партийными органами надежды на изменения. “Сейчас мы все с нетерпением ждем XXIII съезда партии, – делился ожиданиями техник комбината УЭХК, – может, он что и сделает, то есть изменит, но надежда слабая. Вся эта новь – “на уровне мировых стандартов”, “экономике – в производство,” “догоним и перегоним” [...] ничего не дает и никто не верит, что когда-либо даст”²⁸⁷.

Некоторые были охвачены чувством разочарования: “Как вам понравился сентябрьский пленум? – писал другу инженер комбината УЭХК, – Уж очень убогими доклады наших лидеров показались: [...] только “я”, на остальное наплевать. Сомневаюсь, что в обществе с такими задатками хоть когда-нибудь стало бы возможно равенство”.

“До съезда летали выше облаков, ждали какого-нибудь облегчения, а выслушали – спустились на землю”; “на самом деле у нас сплошное отставание во всем и одни разговоры”;

“хотя прошло 50 лет советской власти, а одни обещания”; “мы научились хорошо говорить, но мало делать”, – такие мнения высказывались студентами на занятиях по экономике и философии²⁸⁸.

Широко распространилось недоверие к информации, предоставляемой прессой, радио и телевидением. “По газетам ничего не узнать, – был убежден молодой военный строитель, – в наших газетах о жизни трудящихся правду не пишут. Есть такая пословица, что СССР построен на брехне и обмане”. “В газетах шумят, что все у нас для народа, а на самом деле – для начальства, – говорил один из жителей закрытого города, – Я этой газетной брехне не верю”²⁸⁹. “Тебе наговорят и напишут, что мы, советские люди, живем лучше всех в мире, – делился с коллегами по работе рабочий одного из цехов комбината ЭХП, – а на самом деле это не так. То, что пишут в газетах – это одна брехня”²⁹⁰. “К коммунизму идем в одних газетах. Народ грамотный и понимает, что это одна болтовня”, – рассуждал житель г. Новоуральска²⁹¹. Газеты не отражают реального положения дел в стране, – таково было достаточно распространенное мнение.

В связи с недоверием к материалам официальной прессы в 1960-е гг. увеличился интерес к альтернативным средствам массовой информации. Так, городские комитеты партии закрытых городов располагали сведениями об индивидуальных и коллективных прослушиваниях передач BBC (British Broadcasting Corporation), “Голоса Америки,” “Свободной Европы”²⁹². Например, в одной из докладных в ГК КПСС г. Новоуральска сообщалось, что работница цеха ц 54 систематически слушала китайские радиопередачи и под их воздействием “встала на путь восхваления китайских раскольников”, возводила клевету на советскую действительность и руководство, написала заявление в китайское посольство с просьбой о предоставлении ей политического убежища и китайского подданства²⁹³. Представители первого отдела неоднократно извещали городские комитеты партии о случаях “преклонения” перед иностранной (как правило, американской) модой, культурой, искусством, техникой²⁹⁴.

Подобные настроения сказались на снижении политической активности населения. Партийные органы закрытых городов констатировали уменьшение интереса граждан к

текущей общественно-политической работе. Так, в г. Лесном отмечалось, что “у многих товарищей, в том числе и у коммунистов (особенно это заметно на заводе) проявляется повышенный интерес только к сенсационным новостям слухового характера, а когда речь идет о том, как советские люди за 50 лет построили социализм, им это неинтересно”²⁹⁵. Общественные и партийные поручения многие рассматривали “как меру наказания”, стараясь отказаться от них любыми способами, включая угрозы²⁹⁶.

Социологические исследования, проводимые в городах Озерске и Новоуральске в конце 1960-х гг., выявили, что большинство коммунистов (до 75%) не принимали активного участия в подготовке и обсуждении вопросов на партийных собраниях. Из них до 17% совсем не выступали на партсобраниях, 37% выступали с периодичностью раз в полгода–год, остальные – раз в несколько месяцев. Собственную низкую активность опрошенные, как правило, объясняли неверием в действенность решений и постановлений (“бесполезно”, “только постановляем, а толку никакого”), зажимом критики и стеснением.

Более 40% опрошенных в обоих городах были недовольны проведением партсобраний, считали, что они “проходят слабо”. Около 40% были неудовлетворены контролем за исполнением партийных решений. Основной причиной этого анкетированные называли общий характер постановлений (“повысить”, “усилить,” “заострить”) и недостаточную ответственность за их исполнение. Половина респондентов указала на недостаточную информированность о выполнении решений партийных организаций²⁹⁷. Подобная ситуация сложилась и в других закрытых городах.

Следует отметить, что в конце 1950-х и особенно в 1960-е гг. критические настроения были характерны для категории населения, находящейся в возрасте от 20 до 35 лет, у многих из них было высшее образование. Влияние возраста и образования на силу “социалистического” стереотипа объяснимо: младшее поколение в меньшей степени испытывало давление официальной идеологии, а высокий образовательный и культурный уровень облегчал восприятие новых, альтернативных идей.

Несмотря на наличие критических высказываний, стереотип о превосходстве социализма над всеми иными типами

общественного устройства, глубоко укоренившийся в сознании советских людей, не потерял эмоциональную насыщенность для большинства населения, в том числе и жителей ЗАТО. Это демонстрируют, например, надписи на бюллетенях при выборах в Верховный Совет в г. Новоуральске в 1967 г. Наиболее часто встречаются надписи следующего содержания: “Голосую за любимую Родину, за русский народ!”, “Голосую за мир и счастье всех народов,” “Голосую за вечно живого Ленина, за его мудрые идеи!”, “Голосую за верность и преданность сынов и дочерей нашей Родины!”, “Да здравствует ленинизм!”²⁹⁸.

Итак, в исследуемый период партийные, комсомольские и профсоюзные организации ЗАТО активно пополнялись за счет вновь принятых и приехавших кадров. В основной массе члены КПСС были достаточно молоды (31-40 лет), имели высшее, незаконченное высшее и среднее образование. В конце 1940-х–1950-е гг. большинство составляли коммунисты и комсомольцы, вступившие в ряды КПСС/ВЛКСМ в 1941-1945 гг., в 1960-е гг. – в послевоенное время. Эти тенденции отражает и состав секретарей парторганизаций, и состав партийных конференций и Советов трудящихся депутатов.

Характерными особенностями изучаемого периода являются: высокая активность на выборах в представительные органы власти; преобладание разовых поручений и исполнительской деятельности в структуре социально-политических отношений; удовлетворенность основной массы населения собственной общественно-политической активностью.

При этом, активность в структуре социально-политической деятельности претерпевала изменения. Для конца 1940-х и 1950-х гг. характерна большая вовлеченность в различные формы общественной и политической деятельности. Активность этого периода отличалась добровольностью, энтузиазмом, искренней верой подавляющего большинства населения в социалистические нормы и ценности, в собственные возможности влиять на политическую жизнь страны.

Начиная с XX съезда КПСС в закрытых городах увеличивается количество критических высказываний в адрес советской действительности; снижается общественно-политическая активность населения (что выражалось в уменьшении интереса к текущей партийно-профсоюзной работе). Дан-

ные тенденции в большей мере характерны для 1960-х гг. Именно в этот период растет количество граждан, воспринимавших собственную вовлеченность в социально-политическую деятельность формально, а правительственные решения и всю систему власти – как фатально predetermined. Однако при этом социалистические идеалы для основной массы населения не потеряли эмоциональной привлекательности.

Поскольку в исследуемый период вся социальная деятельность являлась монополией политической власти коммунистической партии и осуществлялась исключительно под ее контролем, вовлеченность в общественно-политическую жизнь носила инструментальный характер. Частично она являлась ценностно-ориентированной (то есть включала искреннее принятие системы официальных ценностей гражданами), частично – формально-символической (то есть включала и формальную демонстрацию верности официальной идеологии).

Общественно-политическая активность населения закрытых городов соответствовала аналогичной деятельности в рамках страны в целом, отражала происходящие в ней процессы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Фонды музея истории ПО “Маяк”. Сохина Л.П. Мои воспоминания ... С. 13.

2 Там же. Румянцев Г.И. Воспоминания о работе ... С. 40.

3 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Ваганов Р.Г. Время выбрало нас // Созидание (дела и люди). С. 105.

4 Фонды музея истории ПО “Маяк.” Сохина Л.П. Указ. соч. С. 58.

5 Там же. Румянцев Г.И. Указ. соч. С. 37.

6 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 9. Л. 8-10, Ф. 5673. Оп. 1. Д. 147. Л. 193, Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 90; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 61; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 140. Л. 91; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 46. Л. 191-194.

7 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 108.

8 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 1. Л. 88, Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 116; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 330. Л. 88.

9 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

10 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 59; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 53; Оп. 4. Д. 2. Л. 102.

11 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 20.

12 Подсчитано по: ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 28. Л. 48, 53, Д. 29. Л. 58, 60, Д. 43. Л. 53, Д. 46. Л. 90, О. 28. Д. 292. Л. 296, О. 48. Д. 588. Л. 109, О. 73. Д. 1200. Л. 212; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 64, 73, Д. 77. Л. 31, 120, 171, 274, 277; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 93, Д.

32. Л. 77, Д. 33. Л. 110, Д. 66. Л. 49, Д. 84. Л. 63, Д. 101. Л. 35, Д. 119. Л. 27, Д. 138. Л. 9, 17, 18, Д. 143. Л. 94.
- 13 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 67.
- 14 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 116; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 43. Л. 29.
- 15 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 31; ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 47; Д. 27. Л. 138; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 16; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 3.
- 16 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 17; Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 7; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 45; Фонды музея истории ПО "Маяк." Сохина Л.П. Ук. соч. С. 26.
- 17 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 13; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 5; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 1.
- 18 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 65. Л. 43.
- 19 Там же. Д. 9. Л. 120, Д. 10. Л. 39.
- 20 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.
- 21 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.
- 22 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Горницкий Д.М. Воспоминания о развитии города. С. 5.
- 23 Фонды музея истории ПО "Маяк." Сохина Л.П. Указ. соч. С. 31.
- 24 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 76, 85.
- 25 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 "лс". Д. 1. Л. 211.
- 26 Там же. Л. 189.
- 27 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 115. Л. 67, Д. 190. Л. 103.
- 28 Лесной: история закрытого города. С. 33, 35, 37.
- 29 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
- 30 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Черепанов В. Восхождение на Трубную. С. 56.
- 31 Воспоминания Е.М. Зильбермана // Удивительные люди уникального завода / Сост. А.В. Митюков. Екатеринбург, 2000. С. 64.
- 32 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Борисевич Н.П. Указ. соч. С. 136.
- 33 Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. С. 198.
- 34 Фонды музея истории ПО "Маяк". Сохина Л.П. Указ. соч. С. 65.
- 35 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 29. Л. 181.
- 36 Там же. Л. 154.
- 37 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 14. Л. 97; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 31.
- 38 Там же. Д. 476. Л. 18.
- 39 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 91.
- 40 ЦДООСО. Ф. 1442. Оп. 1. Д. 214. Л. 82-83; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, Д. 28. Л. 15; Ф. 5459. Оп. 10. Д. 1. Л. 11; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.
- 41 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 15. Л. 59; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 27.
- 42 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 29. Л. 184.
- 43 ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 283.
- 44 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- 45 ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 248.
- 46 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 5; Ф. 5459. Оп. 10. Д. 42. Л. 18.
- 47 ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 44.
- 48 Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 14; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 9; Суворов В.Ю. Улучшение материально-бытовых условий жизни рабочего класса на Урале в 1960-е гг // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Свердловск, 1989. С. 105.
- 49 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 1. Л. 101; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 442. Л. 27; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 67. Л. 11; ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 133. Л. 23.
- 50 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 28. Д. 292. Л. 175, 182.

- 51 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 81. Л. 78.
 52 Там же. Оп. 6. Д. 53. Л. 5; ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 28. Д. 292. Л. 36.
 53 Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 9, Д. 28. Л. 15, Оп. 6. Д. 53. Л. 5; Ф. 5459. Оп. 10. Д. 1. Л. 11; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 28. Д. 292. Л. 305, Оп. 48. Д. 588. Л. 366, Оп. 73. Д. 1200. Л. 195; ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.1. Л. 10; Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 139.
 54 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 105.
 55 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 28. Д. 292. Л. 215.
 56 Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Указ. соч. С. 259.
 57 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 96, 97; ЦДООСО. Ф. 1442. Оп. 1. Д. 214. Л. 83.
 58 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 4. Д. 1. Л. 51; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 195; ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 265.
 59 Раскрывая первые страницы. С. 27.
 60 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 157.
 61 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 191. Л. 249, 251.
 62 ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15532. Л. 2, Д. 15517. Л. 1, 40, 58; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 15. Л. 53, Ф. 4458. Оп. 1. Д. 21. Л. 60.
 63 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Чайкина Л.В. В первые дни // Созидание (дела и люди). С. 134.
 64 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 115.
 65 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 307. Л. 4; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 17.
 66 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 43-44.
 67 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 6. Л. 77; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 95, 98.
 68 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 101. Л. 24, Д. 143. Л. 81.
 69 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 100.
 70 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 42. Л. 23.
 71 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 48. Д. 588. Л. 278.
 72 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 58; Д. 68. Л. 44; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 112; Д. 46. Л. 11.
 73 Лесной: история закрытого города. С. 50.
 74 Фонды музея истории ПО "Маяк". Сохина Л.П., Колотинский Я.И., Халтурин Г.В. Плутоний в девичьих руках. Челябинск-65, 1991. С. 28; Румянцев Г.И. Указ. соч. С. 39.
 75 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Шли и знали, что все это нужно. Из беседы с З.А. Фоминой // Созидание (дела и люди). С. 217.
 76 Митюков А.В. Указ. соч. С. 72.
 77 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 42.
 78 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 307. Л. 5.
 79 Там же. Л. 5; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 104. Л. 52; Фонды музея истории ПО "Маяк". Васильченко А.А. Воспоминания начальника смены. 1973. С. 2.
 80 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 9.
 81 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 476. Л. 18.
 82 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 442. Л. 55, Оп. 4. Д. 1. Л. 61; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 28. Л. 15, Ф. 1442. Оп. 1. Д. 172. Л. 135.
 83 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 46; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 1. Л. 78.
 84 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 263; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 36. Л. 118.
 85 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 1. Л. 87; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 81. Л. 30; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 104.
 86 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из воспоминаний Е.Т. Матвеевой // Созидание (дела и люди). С. 186.

- 87 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 307. Л. 12.
- 88 Фонды музея истории ПО "Маяк". Рыбакова О.С. Воспоминания. Челябинск-65, 1973. С. 27.
- 89 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 10. Д. 1. Л. 73.
- 90 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 58; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 1. Л. 113.
- 91 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 52; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 62.
- 92 Там же. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 51; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 62.
- 93 Там же. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 51-52; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 81. Л. 60.
- 94 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 74.
- 95 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 90; Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 34; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 262, Д. 77. Л. 93; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.
- 96 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 77.
- 97 Там же. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 69.
- 98 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 38. Л. 4, Д. 49. Л. 74, Д. 115. Л. 45; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Т. 2. Д. 18. Л. 43, 75.
- 99 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 9.
- 100 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 115. Л. 50.
- 101 Митюков В.А. Удивительные люди уникального завода. Лесной, 1998. С. 67.
- 102 Подсчитано по: ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 28. Л. 48, 53, Д. 29. Л. 58, 60, Д. 43. Л. 53, Д. 46. Л. 90, О. 28. Д. 292. Л. 296, О. 48. Д. 588. Л. 109, О. 73. Д. 1200. Л. 212; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 64, 73, Д. 77. Л. 31, 120, 171, 274, 277; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 93, Д. 32. Л. 77, Д. 33. Л. 110, Д. 66. Л. 49, Д. 84. Л. 63, Д. 101. Л. 35, Д. 119. Л. 27, Д. 138. Л. 9, 17, 18, Д. 143. Л. 94.
- 103 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 42.
- 104 Там же. Оп. 1. Д. 115. Л. 47, Д. 150. Л. 75, Оп. 6. Д. 1. Л. 20, Оп. 8. Д. 31. Л. 23; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 1. Л. 46, Д. 57. Л. 37, Оп. 4. Д. 2. Л. 55, Оп. 7. Д. 1. Л. 83, Оп. 10. Д. 42. Л. 15, Оп. 17. Д. 13. Л. 189; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 15.
- 105 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
- 106 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 13, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 52; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 127.
- 107 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
- 108 Ананьин М.А. Записки деда. Златоуст-36, 1993. С. 90.
- 109 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 189.
- 110 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 172. Л. 107.
- 111 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 38.
- 112 Там же. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 56, Оп. 10. Д. 42. Л. 27.
- 113 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 623. Л. 85; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 47; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 201.
- 114 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 17. Д. 13. Л. 190.
- 115 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 25-26.
- 116 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 118; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 32. Л. 35; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 392, 394-398, Оп. 1. Д. 687. Л. 171; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 4. Д. 1. Л. 58, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
- 117 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 95, Оп. 4. Д. 36. Л. 120; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
- 118 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 5.
- 119 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из воспоминаний Е.Т. Матвеевой // Созидание (дела и люди). С. 188.
- 120 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 246; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 265.

- 121 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.
 122 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 "лс". Д. 1. Л. 248.
 123 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 155; ГФ НТД ЭХП. Ф. 1. Оп. 1-л. Д. 852 "а". "е"; ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 "лс". Д. 3. Л. 22-42; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 241; Раскрывая первые страницы. С. 25.
 124 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 189. Л. 26-29.
 125 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 30, Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 34, 106, 107; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 41. Л. 37-40.
 126 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 102; . Ф. 5459. Оп. 1. Д. 41. Л. 38; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 14. Л. 92.
 127 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 48. Д. 588. Л. 365-366.
 128 Подсчитано по: Ананьин М.А. Указ. соч. С. 81.
 129 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 3.
 130 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 29-30.
 131 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 65. Л. 34.
 132 Петросьянц А.М. Дороги жизни, которые выбрали нас. М., 1993. С. 82.
 133 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 98.
 134 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 98; ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.
 135 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 99; ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 2. Л. 11, Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.
 136 Толстиков В.С. Указ. соч. С. 62.
 137 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 6. Л. 26, 59, 118.
 138 Там же. Л. 59.
 139 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 6. Л. 88.
 140 Там же. Л. 21, 26, 89, 90.
 141 Там же. Л. 59, 89.
 142 Корякин Ю, Сивинцев Ю. Атомный синдром в России // Век. 1997. ч 45; Толстиков В.С. Указ. соч. С. 268.
 143 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 191. Л. 228; ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 29; Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 63; Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 67; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 65. Л. 16; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 67, 69; Оп. 28. Д. 292. Л. 292; Оп. 73. Д. 1200. Л. 41.
 144 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 74.
 145 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 46. Л. 8.
 146 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 20. Л. 39.
 147 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 48. Д. 588. Л. 84.
 148 Там же. Оп. 73. Д. 1200. Л. 105.
 149 ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 161.
 150 ГА г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 63.
 151 ГА г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 241.
 152 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 192. Л. 112.
 153 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 73. Д. 1200. Л. 286.
 154 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 43. Л. 34.
 155 Там же. Оп. 1. Д. 41. Л. 37.
 156 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 42.
 157 Там же. Л. 43.
 158 Там же. Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 78; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 89.
 159 ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 271; Д. 77. Л. 187, 240.
 160 Там же. Д. 27. Л. 252.
 161 Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 261.
 162 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.
 163 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 565. Л. 4; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 233; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 50. Л. 36, 44.
 164 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 23. Л. 19, Д. 81. Л. 27; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 235.
 165 ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 73. Д. 1200. Л. 285.

- 166 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 1. Л. 70.
- 167 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, Ф. 2845. Оп. 1. Д. 43. Л. 15;
- ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 121; Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 96, 97.
- 168 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 11. Л. 34, 36, Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 87; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 71.
- 169 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Ваганов Р.Г. Время выбрало нас // Созидание (дела и люди). Свердловск-44, 1989. С. 107.
- 170 ГА г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 3, 11.
- 171 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 5. Л. 102, Оп. 7. Д. 1. Л. 123, Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 94-95.
- 172 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Борисевич Н.П. Указ. соч. С. 136.
- 173 Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. С. 180.
- 174 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 136.
- 175 Фонды музея истории ПО "Маяк". Сохина Л.П. Указ. соч. С. 49; Румянцев Г.И. Указ. соч. С. 35.
- 176 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 4, 5.
- 177 ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 37, 89; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 442. Л. 4, 7.
- 178 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 442. Л. 36.
- 179 Воспоминания В.Я. Комарова // Удивительные люди уникального завода. С. 66.
- 180 ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 31234. Л. 37.
- 181 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 6. Л. 94.
- 182 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. "лс." Д. 1. Л. 271.
- 183 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 44, Оп. 15. Д. 1. Л. 39, 43; Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 25-26, Д. 91. Л. 42, 73; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 165. Л. 21-22, Оп. 6. Д. 53. Л. 61, Оп. 8. Д. 31. Л. 49; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, Д. 14. Л. 102, 104, Оп. 2. Д. 562. Л. 156; Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 28; ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 "лс." Д. 1. Л. 20, 41, Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 144.
- 184 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 91, Д. 165. Л. 21, Ф. 5673. Оп. 1. Д. 90. Л. 57, Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 63, Оп. 15. Д. 1. Л. 44, 46; ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 27, Ф. 1597. Оп. 1. Д. 15. Л. 103.
- 185 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1 "лс." Д. 1. Л. 49-50.
- 186 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 63.
- 187 Там же. Ф. 4458. Оп. 8. Д. 31. Л. 8, 67, Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 63; ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 2. Д. 3. Л. 29, Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 8.
- 188 Фонды музея истории ПО "Маяк". Рыбакова О.С. Указ. соч. С. 16.
- 189 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Жигаловский Б.В. Формирование научных кадров предприятия и их вклад в развитие производства // Созидание (дела и люди). С. 36.
- 190 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Коргуль И.Ф. Как мы это начинали // Созидание (дела и люди). С. 113.
- 191 Петросьянц А.М. Указ. соч. С. 86.
- 192 Фонды музея истории ПО "Маяк". Творцы ядерного щита. С. 95.
- 193 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Пегухов Ф.В. Мой учитель // Созидание (дела и люди). С. 32.
- 194 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 15. Л. 31.
- 195 Лесной: история закрытого города. С. 56.
- 196 Фонды музея истории ПО "Маяк". Сохина Л.П. Указ. соч. С. 45.
- 197 Ершов А.А. Взгляд психолога на активность человека. С. 52.
- 198 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 60.
- 199 Фонды музея истории ПО "Маяк". Готлиб И.В. Из воспоминаний / Воспоминания ветеранов комбината ПО "Маяк." С. 47.
- 200 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 21, Д. 15. Л. 105, Ф. 2845. Оп. 1. Д. 3. Л. 42, Оп. 5. Д. 5. Л. 39; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 1. Л. 39, Д. 49. Л. 65, Д. 81. Л. 75.
- 201 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 5. Л. 123, Ф. 5673. Оп. 1. Д. 91. Л. 20.
- 202 ГФ НТД ПОМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 41; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 91. Л. 20.

- 203 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 81. Л. 24, 75, Оп. 6. Д. 53. Л. 7, Ф. 5673. Оп. 1. Д. 91. Л. 19; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, Оп. 2. Д. 565. Л. 44.
- 204 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 7, Оп. 8. Д. 32. Л. 7.
- 205 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.
- 206 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Беседа с д.т.н., проф. Ю.Л. Голиным // Созидание (дела и люди). С. 84.
- 207 Там же. Черепанов В.А. Указ. соч. С. 150.
- 208 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из опыта партийной работы парткома Средне-уральского машзавода, 1970. С. 36.
- 209 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 7. Д. 2. Л. 67; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 6. Д. 53. Л. 11.
- 210 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. С. 5.
- 211 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 191. Л. 19.
- 212 Там же. Оп. 6. Д. 53. Л. 46.
- 213 ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 1. Л. 11.
- 214 ЦДООСО. Ф. 1442. Оп. 1. Д. 3. Л. 45-46.
- 215 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 31; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 1. Л. 20; Ф. 4458. Оп. 1. Д. 81. Л. 25.
- 216 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 66, Оп. 7. Д. 1. Л. 73, Ф. 4458. Оп. 1. Д. 150. Л. 25, Оп. 6. Д. 1. Л. 12; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 70; Лебедев В.Э. НТП и развитие технического творчества рабочего класса Урала // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. С. 93.
- 217 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 15. Л. 114, Д. 635. Л. 114; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 322. Л. 162, Оп. 12. Д. 1. Л. 55; Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из опыта партийной работы парткома Средне-уральского машзавода. С. 35.
- 218 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 3. Л. 30-31, Оп. 6. Д. 1. Л. 12; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 176. Л. 27, Д. 214. Л. 39, Д. 172. Л. 23.
- 219 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 5.
- 220 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 8, 9; ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 4. Д. 2. Л. 27, 47, Оп. 14. Д. 1. Л. 52.
- 221 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 10. Д. 42. Л. 12, Ф. 4459. Оп. 6. Д. 53. Л. 18, Оп. 8. Д. 31. Л. 5; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 565. Л. 51.
- 222 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 12. Д. 1. Л. 62.
- 223 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 565. Л. 51.
- 224 Исаева З. Атомная бомба и наша жизнь // Озерский вестник, 1993, ц 44.
- 225 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 31.
- 226 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Лысова А.А. Доверяйте молодым! // Созидание (дела и люди). С. 132.
- 227 Там же. Нерушин М.П. Воспоминания об А.И. Чурине // Созидание (дела и люди). С. 16.
- 228 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 5. Л. 12; Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 2.
- 229 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 7.
- 230 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 49. Л. 12,14; Ф. 5459. Оп. 14. Д. 1. Л. 5, 9; ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 68.
- 231 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Результаты нестандартного интервью работников комбината ЭХП. 1969. С. 11, 12.
- 232 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Отчет по итогам исследования некоторых аспектов подготовки и выдвижения руководящих кадров предприятия. 1968. С. 7.

- 233 Фонды музея истории ПО “Маяк.” Рыбакова О.С. Указ. соч. С. 26; Удивительные люди уникального завода. С. 27.
- 234 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Черепанов В.А. Указ. соч. С. 58.
- 235 Муравлев Г.К. А.Я. Мальскому // Удивительные люди уникального завода. С. 298.
- 236 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Петухов Ф.В. Указ. соч. С. 34.
- 237 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Результаты нестандартного интервью работников комбината ЭХП. 1969. С. 5.
- 238 Там же. С. 8, 9.
- 239 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.
- 240 Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 8а. Л. 11, 12, Д. 12. Л. 5, 9, 14, 26, 37, Д. 47. Л. 57, Д. 64. Л. 111, Д. 65. Л. 15, Д. 69. Л. 67, 105, 121, Ф. 657. Оп. 1. Д. 29. Л. 29, 149, Д. 144. Л. 54, 112, 149; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 635. Л. 119, 120.
- 241 Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 8а. Л. 13, Д. 12. Л. 27, Д. 47. Л. 58, Д. 64. Л. 118, Д. 69. Л. 68, Ф. 657. Оп. 1. Д. 29. Л. 30, 200, Д. 144. Л. 55, 113, 150; ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 147.
- 242 Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 3. Л. 22, 27, Оп. 2. Д. 565. Л. 67, 68; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 49, 59, Д. 2. Л. 40, 41; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 65. Л. 3, 4, Д. 90. Л. 46, 47, Д. 91. Л. 56, 57; Ф. 1442. Оп. 1. Д. 172. Л. 64, 64, 208, 209; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 10, Д. 43. Л. 11, 12, Оп. 73. Д. 1200. Л. 18; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 6-8, Д. 27. Л. 5, 6, Д. 77. Л. 12, 13, Д. 97. Л. 9, 10, Д. 133. Л. 7, 8; ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 7, 8, Д. 19. Л. 11-13, Д. 120. Л. 10, 11, Д. 211. Л. 59, 60.
- 243 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 65, 126, 160.
- 244 Там же. Л. 67, 68; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 11.
- 245 Подсчитано по: ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 4. Д. 1. Л. 6; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 65, 126, 160; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 4. Д. 23. Л. 9, Д. 43. Л. 10, Оп. 73. Д. 1200. Л. 17; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, Д. 27. Л. 5, Д. 77. Л. 11, Д. 97. Л. 9, Д. 133. Л. 6; Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 6, Д. 19. Л. 7, Д. 65. Л. 79, Д. 120. Л. 9, Д. 211. Л. 29, Д. 139. Л. 20.
- 246 Текущий архив группы социологических исследований комбината ЭХП. Результаты нестандартного интервью с работниками комбината ЭХП. С. 2.
- 247 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 27. Л. 29; Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из опыта партийной работы парткома Среднеуральского машзавода. С. 30.
- 248 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из опыта партийной работы парткома Среднеуральского машзавода. С. 26.
- 249 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 27. Л. 27, Оп. 6. Д. 1. Л. 25.
- 250 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. История комсомольской организации города. 1946-1992 / Сост. Жидкова О.П. Новоуральск, 1998. С. 5.
- 251 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 565. Л. 51.
- 252 Раскрывая первые страницы... С. 89.
- 253 ГА. г. Озерска. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 33.
- 254 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 307. Л. 3; ГА. г. Новоуральска. Ф. 1. Оп. 48. Д. 588. Л. 199, 236, 238.
- 255 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 115. Л. 14, Д. 150. Л. 109.
- 256 Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 43; ОГАЧО. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 6. Л. 52.
- 257 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 2. Д. 565. Л. 24.
- 258 Подсчитано по: ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 23, 25, 95, 116, Д. 46. Л. 22, Д. 72. Л. 1, Д. 90. Д. 21; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 7; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 52, Оп. 4. Д. 2. Л. 29, 43, 44; ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 477. Л. 1, 2, Д. 633. Л. 9, Оп. 2. Д. 565. Л. 11; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 86.
- 259 ОГАЧО. Ф. 1597. Оп. 1. Д. 633. Л. 11, Оп. 2. Д. 2. Л. 11, 52; Ф. 2845. Оп. 1. Д. 1. Л. 37; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 25, 46, 118, 200; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 9.

- 260 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 46. Л. 94, Д. 72. Л. 4, Д. 90. Л. 21.
 261 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 36. Л. 54, 55.
 262 Там же. Д. 72. Л. 2, 5; Ф. 657. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.
 263 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 5. Д. 5. Л. 38, 39; ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1.
 Д. 36. Л. 50-54.
 264 Фонды городского краеведческого музея г. Новоуральска. Из опыта
 партийной работы парткома Среднеуральского машзавода. С. 45.
 265 Там же. С. 23.
 266 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 100-104, 144.
 267 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 37, Д. 73. Л. 1.
 268 Там же. Л. 38, Д. 73. Л. 7, 8, 15, 19, 28, 34, 36, 42, 44, 53.
 269 Там же. Л. 39, Д. 73. Л. 10, 11, 21, 30, 69, 77-78, 84, 121, 129, 132.
 270 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-11.
 271 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 10. Л. 121, 176, Д. 11. Л. 1, 151;
 ОГАЧО. Ф. 2845. Оп. 1. Д. 5. Л. 29.
 272 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 7. Д. 18. Л. 202.
 273 Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 74, 75; ГА. г. Лесного. Ф. 1. Оп. 1.
 Д. 26. Л. 2.
 274 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 28. Л. 21, Д. 191. Л. 9.
 275 Там же. Л. 22.
 276 Там же. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 73.
 277 Там же. Л. 112.
 278 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 113.
 279 Там же. Л. 156.
 280 Там же. Л. 113.
 281 Там же. Л. 114.
 282 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.
 283 Там же. Оп. 14. Д. 18. Л. 36.
 284 Новоселов В.Н., Толстиков В.С. Указ. соч. С. 189-190.
 285 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 190. Л. 66.
 286 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 104.
 287 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 18. Л. 37.
 288 Там же. Л. 51, 56, 57.
 289 ЦДООСО. Ф. 5673. Оп. 1. Д. 49. Л. 165.
 290 Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 70.
 291 Там же. Ф. 5459. Оп. 1. Д. 65. Л. 88.
 292 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 6. Д. 1. Л. 108; ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д.
 23. Л. 18.
 293 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 14. Д. 18. Л. 25.
 294 ЦДООСО. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 8. Л. 76, Д. 28. Л. 21, Д. 191. Л. 10, Д.
 192. Л. 174; Ф. 5459. Оп. 1. Д. 57. Л. 25, Оп. 15. Д. 1. Л. 69.
 295 Там же. Ф. 4458. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
 296 Там же. Оп. 6. Д. 1. Л. 23.
 297 ОГАЧО. Ф. 2469. Оп. 7. Д. 2. Л. 100-104, 144; Фонды городского
 краеведческого музея г. Новоуральска. Из опыта партийной работы парт-
 кома Среднеуральского машзавода. С. 25-30.
 298 ЦДООСО. Ф. 5459. Оп. 15. Д. 11. Л. 123, 126, 129, 131, 132, 133.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Содержание социально значимых черт личности формируется на макросоциальном уровне, иначе говоря, составные элементы менталитета больших социальных групп (к которым относится население закрытых городов) возникают на основе исторического опыта, обобщенного знаковыми, культурными, политико-экономическими и идеологическими системами.

Психологические составляющие менталитета населения закрытых городов Урала являют собой то типичное, что характерно каждому жителю ЗАТО и в той или иной мере присуще всем представителям данной группы. Эти отличительные черты (не одинаковые для всех, но именно общие) создают социальный тип личности, порожденный идентичными условиями существования, предопределенный конкретными историческими обстоятельствами.

Исследование исторической ситуации, в которой происходило создание и развитие системы ЗАТО, позволило выявить многочисленные факторы формирования менталитета населения закрытых городов Урала, которые можно условно разделить на две группы.

Первая группа факторов обусловлена внутри- и внешнеполитическими условиями Советского государства: это – ценности и установки, заданные политико-идеологическими характеристиками эпохи сталинской модернизации; ценности и установки, сложившиеся в ходе и результате Великой Отечественной войны и сформированные в период эскалации “холодной войны”.

Вторая – представлена условиями, непосредственно сопровождавшими становление и развитие ЗАТО: правила режима и атмосфера секретности, идеологическая обработка жителей, подходы к комплектованию населения, изначально закладываемая высокая социальная и производственная инфраструктура, приоритетное финансирование, низкий уровень преступности, рост качества жизни и постоянное противопоставление обычным городам, широко практиковавшееся местной пропагандой. Действуя в комплексе, данные факторы формировали ряд специфических черт населения закрытых городов.

Изучение системы представлений и убеждений жителей ЗАТО, анализ характера деятельности людей на производстве, в быту и в общественной жизни позволили выделить своеобразие ценностных ориентаций, потребностей и интересов, социальных установок и стереотипов поведения живущих в закрытых городах.

Решению разнообразных производственных задач способствовала установка на укрепление обороноспособности страны, которая формировала понимание необходимости создания отечественного ядерного оружия в максимально короткие сроки и высокое чувство ответственности за результаты труда.

Характерной особенностью ценностных ориентации в отношении к работе в закрытом городе являлось ее восприятие как социально-политической ценности. Данная ориентация, в связи с ощущением угрозы новой войны, более сильна среди приехавших в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Таким образом, мотивом гражданско-патриотического характера в своей работе, выделенным В.П. Визгиным и Х. Гастерсоном, руководствовались не только ученые-атомщики, но и рядовые участники атомного проекта.

Следовательно, работавшим в закрытых городах в рассматриваемый период свойственно ценностно-ориентационное единство, сложившееся в ходе социально-ценной и личностно-значимой совместной деятельности. Поскольку каждый из работников системы ЗАТО внес активный вклад в становление ядерных предприятий и сопутствующих им городов, конечная цель – создание ядерного оружия – принималась как “общая” и вместе с тем как “своя”.

Ценностно-ориентационное единство жителей закрытых городов влияло на создание особой рабочей атмосферы, для которой в психологическом плане были характерны всеобщий энтузиазм, повышенный эмоциональный фон, увлеченность общим делом.

При том, что вышеперечисленные установки, социальные нормы и мотивы были характерны для всех жителей закрытых городов, наиболее ярко они проявлялись у работников градообразующих предприятий, поскольку именно они непосредственно соприкасались с созданием ядерного оружия.

В процессе этой активной совместной деятельности происходило повышение значимости коллективной цели для

каждого члена трудового коллектива. Отсюда, от 1940-х к 1960-м гг. возрастало количество работников атомных комбинатов, поддерживающих необходимость производства ядерного вооружения.

Данной категории жителей ЗАТО в большей степени свойственны черты оборонного сознания, милитаристские настроения, отношение к работе как социально-политической ценности, большая ответственность за свою работу и установка на ее выполнение “любой ценой”, осознание значимости и возможных последствий личной и коллективной ошибки.

Среди мотивов трудовой деятельности выделяются: содержательный мотив (общественная значимость труда и его результатов); материальный мотив (ожидаемое и получаемое материальное вознаграждение); преобразовательный мотив (ориентация на получение качественных результатов ради самого результата, либо ради достижения мастерства в работе); кооперативный мотив (стремление рассматривать свою работу с точки зрения необходимости для других людей); коммуникативный мотив (стремление к принадлежности к коллективу); мотив достижения (стремление преодолеть трудности в решении поставленной цели, стремление к успеху); мотив самореализации (стремление к реализации личностных возможностей).

Производственную деятельность работающих на градообразующих предприятиях отличают такие стереотипы и нормы поведения, как готовность к риску и ненормированному рабочему дню, недостаточное внимание к технике безопасности и здоровью (особенно в первое десятилетие существования ЗАТО), творчество и инициативность, рационализаторство и изобретательство. Причем, если техническое творчество в стране в целом было направлено на совершенствование существующей техники и технологии, то в закрытых городах – и на создание принципиально новых образцов.

Наиболее характерной и отличительной чертой взаимоотношений в трудовых коллективах градообразующих производств по сравнению с коллективами городских организаций являлись творческая взаимопомощь и ощущение единства, некой корпоративности. Роль данных черт была тем более значима, чем жестче были условия производственной системы.

Особенностью авторитетных отношений на секретных производствах следует считать совмещение статусов формального и неформального лидерства у высшего административного и научного руководства. Наиболее высокой степенью референтности для работающих на градообразующих предприятиях (и для жителей ЗАТО в целом) обладали директора атомных комбинатов и научные руководители. Силу их авторитета определяли личностные и организаторские качества, всеобъемлющая забота о нуждах работающих и высокий профессионализм.

Таким образом, совокупность установок, ценностей, стереотипов поведения и восприятия, заданных общегосударственными и внутригородскими условиями, породили фанатичную самоотверженность тех коллективов и их руководителей, которые были заняты в атомной промышленности, чьими усилиями в крайне тяжелых условиях были созданы целые города, в максимально короткие сроки достигнут конечный результат (в 1949 г. испытана первая советская атомная бомба).

Ценности, потребности и интересы, социальные установки и представления, стереотипы мышления и поведения населения ЗАТО в быту и в общественной жизни в исследуемый период также имели специфические черты.

Был выработан высокий социальный статус закрытого города и его жителей. Горожане проникались чувством собственной значимости, избранности, что стимулировало их корпоративные черты, ощущения исключительности и самодостаточности. Типичным и наиболее распространенным являлось ощущение гордости за оказанное доверие, присущее приезжавшим в период конца 1940-х – 1960-х гг. (Именно оно зачастую становилось причиной того, что жители ЗАТО, несмотря на грозившую уголовную ответственность, сообщали родственникам, друзьям, попутчикам сведения о том, где они живут и работают).

Престижный социальный статус закрытого города формировал пренебрежительное, несколько высокомерное отношение горожан к жителям близлежащих населенных пунктов, не входившим в особо огороженную зону.

Для населения ЗАТО в исследуемый период были характерны своеобразные представления о социальной стратифи-

кации жителей закрытых городов. Непосредственное участие в выполнении правительственного задания, большие возможности в удовлетворении материальных и духовных потребностей обеспечивали привлекательность работы на градообразующем предприятии. В результате, более высокий статус имели работавшие на секретных предприятиях, чем работавшие в других учреждениях и организациях города. На вершине социальной иерархии (по мнению всех жителей ЗАТО в целом) находились инженерно-технические работники. Социальное структурирование в коллективах атомных производств отличалось престижным статусом работников основных цехов в сравнении с работниками вспомогательных; обслуживающий персонал занимал более низшую ступень, чем вышеназванные категории.

В распределении потребностей и интересов жителей закрытых городов, прежде всего, выделяются материальные: жилье, товарообеспечение, уровень потребления, комфорт.

Высокий уровень бытовой обеспеченности и широкие возможности удовлетворения потребностей, появившиеся в 1960-е гг., осознание исключительности ЗАТО, его жителей и выполняемой ими задачи сформировали ряд отличительных черт системы материальных ценностей. В частности, были заложены основы развития завышенного уровня притязаний у населения и престижного типа материального потребления, когда наличие тех или иных вещей оказывает влияние на социальный престиж личности.

Среди духовных потребностей для жителей закрытых городов большое значение имели досуг и образование. При том что тяготение к приобретению знаний в рассматриваемый период было социальной нормой, стереотипом поведения для всего населения ЗАТО, характерной особенностью являлось значительное преобладание среди учащихся работников градообразующих предприятий (что было вызвано производственной необходимостью).

Сфера досуга была столь важна в силу проживания в условиях закрытости и ограниченности в возможностях передвижения, а также по причине значительной нагрузки, вызванной напряженным графиком работы. Отличительной чертой проведения досуга населением ЗАТО следует считать важность отдыха за пределами закрытого города. Отдых вне

секретной зоны стал возможен во второй половине 1950-х гг. и был своеобразным способом психологической разгрузки от жизни в изолированных условиях.

Систему витальных ценностей жителей закрытых городов Урала отличает недостаточно высокий интерес к здоровью. В рассматриваемый период в условиях чрезмерной секретности и строгого режима, при отсутствии достаточных знаний о радиоактивных веществах подавляющее большинство населения ЗАТО не имело достоверной информации об их воздействии на здоровье, об опасности проживания вблизи атомных объектов. Неведение, с одной стороны, обеспечивало отсутствие излишнего беспокойства, а с другой, порождало различные слухи о “большой зараженности”, опасности лучевой болезни. В целях профилактики и прекращения подобных разговоров городскими властями готовились группы специалистов, разъяснявшие населению безосновательность слухов.

Особенности менталитета населения закрытых городов Урала имели определенные историко-психологические последствия. Так, своеобразие основной деятельности населения ЗАТО, ее общественная значимость и постоянное достижение положительных результатов в решении поставленных задач легли в основу мотивации достижения успехов. Данная мотивация обеспечивает поиск деятельности, в рамках которой возможен успех, привлекательность сложных задач, большую настойчивость и сосредоточение внимания на реализации поставленных целей. Благодаря данной мотивационной направленности, жители закрытых городов обладают большей успешностью в различных видах деятельности, в самореализации за пределами ЗАТО.

В результате неослабеваемой работы местной пропаганды, стабильно сохраняющейся направленности производственной деятельности, консервации жизненных стандартов на достаточно высоком уровне у населения закрытых городов сформировалась когнитивная и мотивационная ригидность. Она проявлялась в трудностях перестройки восприятия, представлений и мотивов в обстоятельствах, требующих гибкости и изменения характера поведения. Это определило те адаптационные сложности, которые испытывало население, приспособляясь к социально-экономическим и политичес-

ким изменениям, активно происходившим в стране в начале 1990-х гг.

Конечно, проблема адаптации к изменениям стояла для населения всей страны в целом, но в закрытых городах, которые во многом олицетворяли тоталитарный строй, она была наиболее острой, выявив, как через увеличительное стекло, все недостатки социалистического государства, социалистической экономики.

Реформы рубежа 1980-х–1990-х гг., которые привели к сокращению ассигнований из федерального бюджета на объекты атомной промышленности, создали сложную ситуацию в закрытых городах. Объемы военных заказов стремительно упали. В результате атомные комбинаты были вынуждены идти на выпуск не наукоемкой продукции, а продукции с коротким технологическим циклом, охватывающим небольшое количество производств. Необходимо было наладить самостоятельные маркетинговые исследования и установить рыночные связи, однако режим секретности ограничивал распространение информации, а многолетнее подавление любых проявлений предпринимательства затрудняло внешние контакты. Переход к выпуску гражданской продукции требовал от работников градообразующих предприятий, с одной стороны, освоения новых специальностей, с другой, в процессе реструктуризации высвобождались высококвалифицированные специалисты, профессиональная специализация которых ограничивала возможности их работы по специальности за пределами закрытых городов. В связи с этим переход к конверсии воспринимался крайне болезненно. Изменение направления деятельности атомных производств привело и к изменению психологии сотен тысяч людей.

Начало 1990-х гг. – это время разочарования и пессимистических настроений, роста преступности, ухудшения морально-психологического климата и условий жизни населения ЗАТО. Определенный менталитет, сложившийся за время существования закрытых городов, обусловил сложную адаптацию жителей ЗАТО к новой ситуации, рыночным условиям. Многие, не только люди старшего поколения, чувствовали себя растерянными, обманутыми, брошенными на произвол судьбы, не нужными более своему государству, стране. Однако, накопленный потенциал развития (как социальный,

так и материально-бытовой) позволил закрытым городам выстоять. Высокая обеспеченность комфортабельным жильем сдерживала выезд населения, в том числе и высококвалифицированного, из закрытых городов. Молодежи поступало на работу на градообразующие предприятия больше, чем увольнялось, что поддерживало преимущество специалистов. Несмотря на увеличение уровня преступности, криминальная ситуация в закрытых городах была несравнимо лучше ситуации по России в целом. Можно сказать, что закрытые города в определенной степени остались в “эпохе соцгородов”, что позволяло приезжим иногда с иронией, иногда с ностальгией повторять: “О, да у вас все еще коммунизм!”.

После десятилетий прочного осознания собственной значимости, избранности, важности закрытых городов для обеспечения безопасности мощного государства, изменить систему представлений оказалось достаточно трудно, и, как показывает практика, полностью она так и не изменилась. До настоящего времени жителям каждого из закрытых городов присуще представление, что именно их город был первым в отечественной атомной отрасли, являлся наиболее важным, ведущим и самым секретным, очень значимым для страны, а потому он обязательно должен оставаться, как и прежде, закрытым. Это до сих пор определяет отношение к другим закрытым и обычным городам. И является одним из характерных показателей особенности социально-психологического склада данной категории российских граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. – М.: Наука, 1980. – 335 с.
2. Академик Л.А. Арцимович. Сборник статей. – М.: Знание, 1975. – 63 с.
3. Аксютин Ю. Почему Сталин дальнейшему сотрудничеству с союзниками после победы предпочел конфронтацию с ними? // Холодная война. Новые подходы, новые документы. – М., 1995. – 399 с.
4. Александров А. П. Годы с Курчатовым // Наука и жизнь. 1983. № 2. С. 10-24.
5. Алексеев В.В. Атомный комплекс в контексте истории России. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – 40 с.
6. Алексеев В.В., Кузьмин А.И. Особенности демографического перехода на Урале // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. – Екатеринбург, 1993. – 84 с.
7. Алексеев Г. Н. Роль внутренних и внешних факторов в становлении и развитии атомной энергетики // Из истории энергетики, электроники и связи. – М.: Наука, 1981. Вып.12. – 256 с.
8. Алексеев Г. Н. Становление и развитие ядерной энергетики. – М.: Наука, 1990. – 480 с.
9. Алексеев Г. Н. Энергетические эпохи и основные периоды развития атомной энергетики // Вопросы истории естествознания и техники. 1981. Вып. 2. С. 121-129.
10. Ананьев М.А. Записки деда. – Златоуст-36, 1993. – 153 с.
11. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза. 1922-1994. – М.: Наука, 1993. – 139 с.
12. Андреева Г. М. Социальная психология. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 376 с.
13. Анненский Л. Простой? Советский? Человек... // Свободная мысль. 1994. № 10. С. 33-43.
14. Артемов Е. Т., Беделъ А. Э. Укрощение урана. – Екатеринбург: Изд-во ООО “СВ-96”, 1999. – 352 с.
15. Артемов Е. Т., Беделъ А. Э. Ядерно-оружейный комплекс Урала: этапы большого пути // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 12-15.
16. Артизов А. В августе 1949 г. (О создании советской атомной бомбы) // Родина. 1992. № 8-9. С. 53-61.
17. Астащенко П.Т. Подвиг академика Курчатова. – М.: Наука, 1979. – 223 с.
18. Атомная отрасль России: события, взгляд в будущее / Ред. И.К. Ходаков. – М.: ИздАТ, 1998. – 335 с.

19. Бакунин А.В., Лебедев В.Э. Региональная научно-техническая политика: проблемы истории. – Свердловск: УрО РАН СССР, 1991. – 76 с.
20. Барковский В.Б. Научно-техническая разведка на службе советского государства (1917-1946) // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. С. 76-89.
21. Барсуков Н. На переломе. Советское общество в послевоенное десятилетие // Свободная мысль. 1994. № 6. С. 95-106.
22. Батюк В. И. Опасный самообман // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С. 66-68.
23. Батюк В. И., Ефстафьев Д. Первые заморозки советско-американских отношений. 1945-1950. – М., 1995.
24. Батюк В. И., Прошин А. В. Почему Трумен пощадил СССР? // Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 74-77.
25. Батюк В.И. План Баруха и СССР // Холодная война. Новые подходы, новые документы. – М., 1995. – 399 с.
26. Белявский И.Г., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии. – Ростов-на-Дону: изд-во Рост. ун-та, 1982. – 224 с.
27. Бехтерев В. М. Избранные работы по социальной психологии. – М.: Наука, 1994. – 400 с.
28. Битянов М. Р. Социальная психология. – М.: Наука, 1994. – 328 с.
29. Блохинцев Д.И. Рождение мирного атома. – М.: Атомиздат, 1977. – 113 с.
30. Боброва Е.Ю. Основы исторической психологии. – СПб.: изд-во СПбУ, 1997. – 236с.
31. Богомолов Н. Н., Стефаненко Т. Г. Контент-анализ. – М.: МГУ, 1992. – 60 с.
32. Бордюгов Г.А. Подвиг и обманутые надежды // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки Советского государства / Сост. В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991. – 336 с.
33. Борисов А.Ю. Так начиналась “холодная война.” – М.: Знание, 1983. – 64 с.
34. Бутенко А. П., Колесниченко Ю. В. Менталитет россиян и евразийство // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 92-102.
35. Быстрова И.В., Рябов Г.Е. Военно-промышленный комплекс СССР // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2-х т. Т.2. Апогей и крах сталинизма / Под. общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Рос. гос. ун-т, 1997. – 761 с.
36. Ваден Берге И. Историческое недоразумение? “Холодная война”. 1917-1990. – М.: Международные отношения, 1996. – 304 с.
37. Ванников. Б.Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 1. С. 130-160.

38. Васильченко А.А. Воспоминания начальника смены восьмого отделения объекта “В” – Челябинск-65, 1973. Рукопись.
39. Верт Н. История Советского государства. 1900-1991. – М.: Прогресс-акад., 1995. – 543 с.
40. Визгин В. П. Атомный проект в СССР: предварительные итоги изучения и новые материалы // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. ц 2. С.86-92.
41. Возможная психологическая реакция на воздушное нападение США против СССР // Родина. 1998. ц 8. С. 63-66.
42. Воронина Н.А. Динамика заболеваемости с временной утратой трудоспособности работающих на комбинате “Электрохимприбор” за 35 лет. С. 15-18. // Актуальные вопросы практической медицины. Вып. 5. – Лесной, 1997. – 187 с.
43. Воспоминания ветеранов комбината. Сборник. В 2-х т. – Челябинск-65. Рукопись.
44. Воспоминания ветеранов. Сборник. Свердловск-44, 1988.
45. Воспоминания об академике И.К. Кикоине. – М.: Наука, 1991. – 156 с.
46. Воспоминания об академике Л.А. Арцимовиче. – М.: Наука, 1988. – 252 с.
47. Восточноевропейский социализм. Становление режима, попытки его модификации, причины краха. – М., 1992.
48. Вылцан М. Психология масс – культ героя и культ толпы / / Наука и жизнь. 1993. ц 10 С. 36-39.
49. Гастерсон Х. Ливермор глазами антрополога // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. ц 2. С.88-105.
50. Героический подвиг Клауса Фукса // Военно-исторический журнал. 1990. ц 12. С. 22-29.
51. Голеусова Л. Как все начиналось... // Международная жизнь. 1994. ц 6. С.136-144.
52. Головин Н. И. И. В. Курчатов. – М.: Атомиздат, 1978. – 320 с.
53. Гольдшмидт Б. Атомная проблема. Политические и технические аспекты / Пер. с фр. А.Д. Фёдоровой. – М.: Атомиздат, 1964. – 178 с.
54. Горелик Г.Е. С чего начиналась советская водородная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. ц 1. С. 85-95.
55. Горелик Г.Е. Философская подоплека советского атомного проекта // Природа. 1994. ц 7. С. 68-78.
56. Городницкий Д.М. Воспоминания о развитии города. Рукопись.
57. Гровс Л.Р. Теперь об этом можно рассказать / Пер. с англ. – М.: Атомиздат, 1964. – 301 с.
58. Громов Н. М. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии // Вопросы философии. 1994. ц 1. С. 54-61.

59. Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.
60. Губарев В.С. Арзамас-16. “Русские сенсации”. – М.: ИздАТ, 1992. – 112 с.
61. Гуревич А. Я. Территория историка. С. 81-109 // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М.: Coda, 1996. – 368 с.
62. Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии. С. 114-135 // Одиссей. Человек в истории. Исследования по социальной истории и истории культуры. 1989. – М.: Наука, 1989. – 198 с.
63. Гэддис Дж. Предварительные оценки послевоенного противостояния // Новая и новейшая история. 1991. кн. 3. С. 56-62.
64. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. – Екатеринбург: изд-во Ур. ун-та., 1998. – 132 с.
65. Дементьев Б.П. Экономика Урала в годы Великой отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во “СВ-96”, 2000. – 360 с.
66. Дилигенский Г.Г. Историческая динамика человеческой индивидуальности. С. 79-108 // Одиссей. Человек в истории. Историк и время. 1992. – М.: Кругъ, 1994. – 224 с.
67. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996. – 352 с.
68. Доклад В.М. Молотова на торжественном заседании московского совета 6 ноября 1945 г. // Правда. 7 ноября. С. 1.
69. Документы Народного Комиссариата иностранных дел // Источник. 1994. кн. 3. С. 114-144.
70. Доллежалъ Н.А. У истоков рукотворного мира. – М.: Знание, 1989. – 261 с.
71. Дровеников И. С. Ядерный юбилей в Москве // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. кн. 4. С. 2-17.
72. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. кн. 5. С. 20-29.
73. Е.П. Славский. 100 лет со дня рождения. – М.: ИздАТ, 1999. – 168 с.
74. Е.П. Славский. Страницы жизни. – М.: ИздАТ, 1998. – 240 с.
75. Егорова Н. И. Иранский кризис 1944-1946 гг. по рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. кн. 3. С. 24-36.
76. Елфимов Ю.Н. Маршал индустрии: Биографический очерк об А.П. Завенягине. – Челябинск: Южн. – Ур. кн. изд-во, 1991.
77. Емельянов Б.М., Гаврильченко В.С. Лаборатория “Б”. Сунгульский феномен. – Снежинск: Изд-во РФЯЦ – ВНИИТФ, 2000. 400 с.

78. Ерасов Б.С. Социальная культурология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – 591с.
79. Ершов А. А. Взгляд психолога на активность человека. – М.: Луч, 1991. – 159 с.
80. Жежерук И. Ф. Строительство и пуск первого в СССР атомного реактора. – М.: Атомиздат, 1978. – 142 с.
81. Желенина И.А. Историческая ситуация. Методология анализа. – М.: МГУ, 1987. – 138 с.
82. Жучихин В.И. Первая атомная. Записки инженера-исследователя. – М.: ИздАт, 1993.
83. Заключительный доклад по военной игре “Пэдрон”, 1 июля 1948 г. (Публикация В.И. Батюка и А.В. Прошина) // Военно-исторический журнал. 1996. ц 3. С. 78-81.
84. Замятин Ю.С. Воспоминания об участии в атомном проекте / Вопросы истории естествознания и техники. 1996. ц2. С. 140-150.
85. Зарубина Н.Н. Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. 1998. ц 4. С. 25-37.
86. Захаров А. В. Народные образы власти // Политические исследования. 1998. ц 1. С. 23-35.
87. Землин П.С., Гашев И.И. Десант полковника Быстрова. – Озерск, 1999. – 98 с.
88. Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. ц 1. С. 18-31.
89. Зубкова Е.Ю. Земля слухами наполнилась... // Родина. 1998. ц 8. С.5-10.
90. Зубкова Е.Ю. Историки и очевидцы // Свободная мысль. 1995. ц 6. С. 106-117.
91. Зубкова Е.Ю. Общественная атмосфера после войны (1945-1946) // Свободная мысль. 1992. ц 6. С. 4-14.
92. Зубкова Е.Ю. После войны: Маленков, Хрущев и “оттепель” // История отечества: люди, идеи, решения. Очерки Советского государства / Сост. В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991. – 336 с.
93. Зубок В. Советский Союз может пойти на любые меры, за исключением военных... // Источник.1999. ц 2. С. 88-101.
94. Иванов В.В. Оценка профессиональной успешности работников предприятия. С. 35-38. // Актуальные вопросы практической медицины. Вып. 6. – Лесной, 1999. – 106 с.
95. Иванов В.В., Братухина С.Г., Осинцева Н.К., Шевырева А.В. Медико-демографическая ситуация в г. Лесном. С. 19-26. // Актуальные вопросы практической медицины. Вып. 6. – Лесной, 1999. – 106 с.
96. Иванов В.Н., Назаров М.М. Политическая ментальность: опыт и перспективы населения // Социально-политический журнал. 1998. ц 2. С.42-58.

97. Из истории атомного проекта. // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. ц 2. С. 88-101.
98. Из опыта партийной работы парткома Среднеуральского машзавода, – Свердловск-44, 1970.
99. Интервью тов. И.В. Сталина относительно речи г-на Черчилля // Источник. 1998. ц 1. С. 100-102.
100. Исеава З. Атомная бомба и наша жизнь, 1990.
101. Историческая справка. – Новоуральск, 1994. – 104 с.
102. История внешней политики СССР: В 2-х т. Т. 2. 1945-1985 гг. – М.: Наука, 1986. – 692 с.
103. История города Лесного: Эпоха и люди. – Екатеринбург: Изд-во “Академкнига”, 2000. – 192 с.
104. История комсомольской организации города. 1946-1992 / Сост. О.П. Жидкова. – Новоуральск, 1998.
105. История международных отношений и внешней политики СССР, 1917-1987 гг: В 3-х т. Т. 2. 1945-1970 гг. – М.: Международные отношения, 1987. – 456 с.
106. История ментальностей, историческая антропология. – М.: РГГУ, 1996. – 255 с.
107. История народного хозяйства Урала: В 2-х ч. – Свердловск: изд-во УрГУ, 1990. Ч.2. – 256 с.
108. История социалистической экономики СССР. В 7 т. Т.6. – М.: Наука, 1980. – 589 с.
109. История Урала: XX век / Под ред. Б.В. Личмана и В.Д. Камынина: В 2-х ч. – Екатеринбург: изд-во “СВ”, 1996. Ч.2. – 400 с.
110. Каган В. Е. Тоталитарное сознание и ребенок: семейное воспитание // Вопросы психологии. 1992. ц1-2. С. 14-21.
111. Как советская разведка расщепила американский атом // Новое время. 1991. ц 16-17.
112. Кантор В. Российское своеобразие: генезис и традиции // Свободная мысль. 1994. ц 10. С. 78-85.
113. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Институт национальной модели экономики, 1994. – 367 с.
114. Кларк Р. Рождение бомбы / Сокращ. пер. с англ. В.Н. Дурнева. – М.: Госатомиздат, 1962. – 168 с.
115. Князькая Н. В. Первый этап атомного проекта в СССР // Наука в России. 1997. ц 5. С. 45-49.
116. Козлов В. Феномен доноса // Свободная мысль. 1998. ц 4. С.100-112.
117. Кокурин А., Петров Н. МГБ: структура, функции, кадры.(1946-1953) // Свободная мысль. 1997. ц 11. С. 109-121, ц 12 С. 102-119.
118. Кокурин А., Петров Н. НКВД-НКГБ-СМЕРШ: структура, функции, кадры. (1944-1945) // Свободная мысль. 1997. ц 8. С. 93-102.

119. Количественные методы в исторических исследованиях / Под. ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высшая школа, 1984. – 384 с.
120. Кордонский С.Г. “Реальный социализм”: история, структура, парадоксы // Вопросы философии. 1991. ц 3. С. 43-56.
121. Корнев В. И. Феномен России // Человек и духовно-культурные основы возрождения России / Под ред. Г. П. Выжлецова и др. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 54-64.
122. Корнилов Г.Е., Приходько Л.С. Ментальность: историко-философский экскурс // Зауралье в панораме веков. – Курган, 2000. С. 97-111.
123. Коробочкин М. Курс на Nord-West // Родина. 1998. ц 8. С. 16-38.
124. Коротунов С. Карфаген должен быть разрушен? // Родина. 1998. ц 8. С. 96-102.
125. Костырченко Г.В. Идеологические чистки второй половины 1940-х гг.: псевдопатриоты против псевдокосмополитов // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2-х т. Т.2. Апогей и крах сталинизма / Под. общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Рос. гос. ун-т, 1997. – 761 с.
126. Кочеткова Т. Ю. Вопросы создания ООН и советская дипломатия // Отечественная история. 1995. ц 1. С. 28-48.
127. Кочкин М. Н. Англо-советский союзный договор 1942 г. и начало “холодной войны” // Вопросы истории. 2000. ц 1. С. 92-102.
128. Кочубей Б. И. Психологические и социальные аспекты тотального равенства // Психологический журнал. 1989. Т. 10. ц 6. С.117-127.
129. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. ц 7. С. 40-53/
130. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: “Российская политическая энциклопедия,” (РОССПЭН), 1998. – 264 с.
131. Краткие воспоминания о работе первых лет на химкомбинате с 1946 по 1958 г. Артамонова Д.Д., бывшего главного механика. – Челябинск-65, 1983. Рукопись.
132. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М Г Ярошевского. – М.: Политиздат, 1985. – 431 с.
133. Крейтор Н. Геополитика “холодной войны” // Наш современник. 1998. ц 5. С. 218-223.
134. Круглов А. К. Как создавалась атомная промышленность в СССР. – М.: ЦНИИАтоминформ, 1994. – 312 с.
135. “Круглый стол” в МИД СССР // Новая и новейшая история. 1991. ц 5. С. 85-88.

136. Кузнецов В. Н. Общественно-политическая жизнь в закрытых городах Урала. Первое десятилетие. – Екатеринбург: УрО РАН, РИГ “Постмодерн”, 2003. – 164 с.
137. Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). – Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. – 237 с.
138. Ларин И.И. История одного атомного города // Энергия. 1993. ц 12. С. 10-17.
139. Лебедев В.Э. НТП и развитие технического творчества рабочего класса Урала (1960-1980 гг.). С. 86-94. // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 124 с.
140. Левада Ю. Уходящая натура? // Знамя. 1992. ц 6. С.201-211.
141. Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и “холодная война” // Отечественная история. 1993. ц 6. С. 63-78.
142. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Наука, 1975. – 239 с.
143. Лесной: история закрытого города / Сост. Т.В. Шипулина. – Екатеринбург: Ср-Ур кн изд-во, 1997. – 352.
144. Литвинов Б.В. Ядерный потенциал России: роль и значение для истории XX века // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Сборник докладов. – Екатеринбург: изд. “Академкнига”, 2000. – 64 с.
145. Личман Б. В. Региональная индустрия в СССР. – Екатеринбург: изд-во УПИ, 1992. – 558 с.
146. Личман Б. В. Урал: политика и индустрия. – Екатеринбург: изд-во УПИ, 1992. – 180 с.
147. Локшин Э.Ю. Промышленность СССР. – М.: Мысль, 1964. – 383 с.
148. Лыкова Л.А. Социально-экономическое развитие рабочего класса Урала в условиях НТР: некоторые аспекты. С. 67-73. // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 124 с.
149. Лэпп Р. Атомы и люди / Сокращ. пер. с англ. Под ред. генерал-майора И.Н. Соболева. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1959. – 287 с.
150. Макарычев А.С. Из истории “холодной войны”: психологическая стратегия // США. Экономика. Политика. Идеология. 1997. ц 6. С.72-81.
151. Мальков В. Разведка и контрразведка в период холодной войны // Холодная война. Новые подходы, новые документы. – М., 1995. – 399 с.

152. Манекин Р.В. Контент-анализ как метод исследования истории мысли // Клио.1991. ц 1. С. 28-33.
153. Марков А. П. Российская ментальность и ценности рыночной экономики // Человек и духовно-культурные основы возрождения России / Под ред. Г. П. Выжлецова и др. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 119-136.
154. Материалы из архива внешней разведки России // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. ц 3. С.107-134.
155. Материалы из архива РНЦ “Курчатовский институт”// Вопросы истории естествознания и техники. 1994. ц 2. С. 120-124.
156. Медведев Ж. Атомный ГУЛАГ // Урал. 1994. ц 12. С. 192-206.
157. Медведев Ж. На старте ядерной гонки // Военно-исторический журнал. 2000. ц 6. С. 55-64.
158. Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XXвв.). Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с.
159. Методология истории. – М.: НТООО “Тетрасистемс”, 1996. – 240 с.
160. Методы количественного анализа текстов нарративных источников. – М.: Наука, 1983. – 294 с.
161. Методы сбора информации в социологических исследованиях: В 2-х кн. Кн. 2. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
162. Митюков А. В. Удивительные люди уникального завода. – Лесной, 1998. – 130 с.
163. Митюков А.В. Исповедь самому себе. – Лесной, 1997. – 72 с.
164. Михайлов В. Становая отрасль России // Международная жизнь. 1994. ц 6. С. 33-44.
165. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург: УрО РАН, УрГИ, 1998. – 128 с.
166. Молотов В.М. Советский Союз и международное сотрудничество // Правда. 1946. 31 октября. С. 2
167. Москвичев Л.Н. Социалистическое общественное сознание: методологические проблемы. – М.: Мысль, 1982. – 79 с.
168. Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Политические исследования. 1995. ц 4. С. 69-76.
169. Навстречу сорокалетию города. Страницы истории в цифрах и фактах. – Свердловск-44, 1994.
170. Наджафов Д.Г. Антиамериканские пропагандистские пристрастия сталинского руководства // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. – М.: Наука, 1999. – 252 с.
171. Наринский М. М. СССР и план Маршалла // Холодная война. Новые подходы, новые документы. – М., 1995. – 399 с.
172. Наринский М. М. Берлинский кризис 1948-1949 гг. // Новая и новейшая история.1995. ц 3. С. 16-30.

173. Население Урала. XX век. История демографического развития / А.И. Кузьмин, А.Г. Оружиева, Г.Е. Корнилов и др. – Екатеринбург: “Екатеринбург”, 1996. – 212 с.

174. Наука и общество: история советского атомного проекта (40-50-е гг.). Труды международного симпозиума ИСАП-96. Вып. 1-2. – М.: ИздАТ, 1997-1999.

175. Наумова Н.Ф. Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. – М.: Наука, 1988. – 200 с.

176. Наш город в юбилейном году. (1954-1984). Свердловск-44, 1983.

177. Нашему городу – 30 лет (краткая историческая справка). – Свердловск-44, 1983.

178. Нежинский Л.Н., Челышев И.А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы “холодной войны” // Отечественная история. 1995. ц 1.С.3-28.

179. Новая Россия на пути в общеему дому: Западные модели развития и общегуманные ценности в контексте российской истории и социально-экономических преобразований в современной России // Новый мир. 1994. ц 1. С. 162-177.

180. Новикова Т.Г. Уральский градостроитель. – Снежинск, 1997.

181. Новоселов В. Н. Создание атомной промышленности на Урале. – Челябинск: УралГАФК, 1999. – 278 с.

182. Новоселов В. Н. решение проблемы безопасности предприятий атомной промышленности (1945 – 1950 гг.) // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 91-94.

183. Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Атомный след на Урале. – Челябинск: Рифей, 1997. – 240 с.

184. Новоселов В. Н., Толстиков В. С. Тайна “сороковки”. – Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995. – 320 с.

185. О “новой истории” холодной войны. Круглый стол. С.223-247 // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. – М.: Наука, 1999. – 252 с.

186. Оболенская С. В. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М.: Coda, 1996. – 368 с.

187. Оболенская С.В. История повседневности в историографии ФРГ. С.182-198 // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество. 1990. – М.: Наука, 1990. – 222 с.

188. Образ жизни населения крупного города: Опыт комплексного социологического исследования / Под ред. А.С. Пашкова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 288 с.

189. Образ жизни: теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования. – Киев: Наукова думка, 1980. – 299 с.
190. Ольшанский Д. В. Социальная психология “винтиков” // Вопросы философии. 1989. ц 8. С.89-103.
191. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. – М.: Наука, 2000. – 246 с.
192. Основные проблемы истории упрочнения и развития социализма в СССР. В 2 т. Т.2. – М.: Наука, 1984. – 262 с.
193. Отблеск атомного костра (судьба поколения, создавшего атомную бомбу) // Российская газета. 1993. 8 дек.
194. Ответ И.В. Сталина корреспонденту “Правды” насчет ядерного оружия. – М.: Госполитиздат, 1951. – 7 с.
195. Пантин В.И. Ритмы общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. 1998. ц 7. С. 3-14.
196. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: К обсуждению гипотезы // Полис. 1998. ц 2. С. 39-51.
197. Парфенов Е.И. Жизнь без паспорта. – Снежинск: Издательство РФЯЦ - ВНИИТФ, 2004. – 480 с.
198. Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. – Л.: ЛГУ, 1967 – 208 с.
199. Первухин М. Г. Как была решена атомная проблема в нашей стране // Родина. 1992. ц 8-9.
200. Первухин М. Г. Первые годы атомного проекта // Химия и жизнь. 1988. ц 5. С. 60-69.
201. Первые письма с “холодной войны” // Международная жизнь. 1990. ц 11. С. 140-148.
202. Перевалов Ю.В., Романова О.А., Чененова Р.И., Ченчевич С.Г., Макарова И.В., Юрпалов С.Ю. Конверсия и реструктуризация оборонного комплекса: региональные проблемы и перспективы. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – 180 с.
203. Петросьянц А. М. Дороги жизни, которые выбрали нас. – М.: Энергоатом, 1993. – 304 с.
204. Петросьянц А. М. Проблемы атомной науки и техники. – М.: Атомиздат, 1979. – 456 с.
205. Печатнов В. На этом вопросе мы ломаем их антисоветское упорство // Источник. 1999. ц 3. С. 92-104.
206. Пихоя Р.Г. О внутриполитической борьбе в советском руководстве 1945-1955гг. // Новая и новейшая история. 1995. ц 6. С.3-14.
207. Пихоя Р.Г. СССР: история власти. 1945-1991. – М.: РАГС, 1998. – 736 с.
208. План мероприятий по пропаганде среди населения идей советского патриотизма (апрель 1947 г.); План мероприятий по уси-

лению американской пропаганды на ближайшее время (апрель 1949 г.) (Публикация В.А. Фатеева) // История. 1996. ц 3. С. 10-12.

209. Платонов Ю. П. Психология коллективной деятельности: теоретико-методологический аспект. – Л.: ЛГУ, 1990. – 184 с.

210. Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. – М.: Наука, 1954. – 310 с.

211. Поздняков В. Наши люди в США // Родина. 1998. ц 8. С.10-12.

212. Поляков Л.В. Методология исследования российской модернизации // Полис. 1997. ц 3. С. .

213. Попов В.П. Неизвестная инициатива Хрущева (О подготовке Указа 1948 г. о выселении крестьян) // Отечественные архивы. 1993. ц 2. С. 31-46.

214. Попов В.П. Голод и государственная политика (1946-1947) // Отечественные архивы. 1992. ц 6. С. 36-60.

215. Поршнев Б.В. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1966. – 213с.

216. Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). – Екатеринбург: УрО РАН, 2000, 415 с.

217. Постановление ГКО СССР ц 9887 // Военно-исторический журнал. 1995. ц 4. С. 65-67.

218. Почепцов Г. Тоталитарный человек. Очерки тоталитарного символизма и мифологии. – Киев: Глобус, 1994. – 152 с.

219. Приходько А.Ю. Восстановление индустрии. 1942-1850. – М.: Мысль, 1973. – 288 с.

220. Прищепа А.И. Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х гг.). – Сургут: изд. центр СурГУ, 1998. – 280 с.

221. Протников Е. В ЗАТО мы делаем ракеты // Правда. 2000 г. 5 фев.

222. Психология личности в социалистическом коллективе. – М.: Наука, 1989. – 183 с.

223. Пундани В.В. Менталитет уральского крестьянина (историографический аспект). С. 54-56. // Урал на пороге третьего тысячелетия. Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, Изд-во “Академкнига,” 2000. – 408 с.

224. Пушкирев Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. ц 3. С. 158-166.

225. Пэрриш С. Поворот к конфронтации: советская реакция на план Маршалла, июнь 1947г. // Холодная война. Новые походы, новые документы. – М., 1995. – 399 с.

226. Раскрывая первые страницы. К истории города Снежинска (Челябинска-70) / Автор-составитель Б.М. Емельянов. – Екатеринбург: ИПП Уральский рабочий, 1997. – 343 с.

227. Ревель Ж. История ментальностей: Опыт обзора // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы “Анналов.” – М.: Наука, 1993. – 207 с.
228. Рождественский С. Подходы к формализации жизненных историй качественными методами // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии людей как объект социологического исследования / Отв. Ред. В. Семенова, Е. Фотеева. – М.: Ин-т соц-гии РАН, 1996. – 426 с.
229. Ронин В.К. Бельгийцы и россияне: некоторые различия в менталитете // Одиссей. Человек в истории. 1996. – М.: Coda, 1996. – 368 .
230. Российская ментальность (Материалы “круглого стола”) / / Вопросы философии. 1994. ц 1. С. 25-53.
231. Российская модернизация: Проблемы и перспективы (Материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1993. ц 7. С. 3-39.
232. Россия, которую мы не знали. 1939-1993 / Под ред. М.Е. Главатского. – Челябинск: Южно-урал. Кн. Изд-во, 1995. – 432 с.
233. Рощин А. А. ООН и “холодная война” // Новая и новейшая история. 1991. ц 5. С. 78-84.
234. Румянцев Г.И. Воспоминания о работе на заводе 20. – Озерск, 1996. – 41 с.
235. Рыбакова О.С. Воспоминания. – Челябинск-65, 1973. – 30 с.
236. Рясков С. А. Система жизнеобеспечения закрытых городов Урала: препринт. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2004. – 60 с.
237. Секистов В.А. Кто нагнетал военную опасность // Военно-исторический журнал. 1989. ц 10. С. 20-26.
238. Секистов В.А. Начало // Военно-исторический журнал. 1989. ц 7. С. 50-55.
239. Семин Ю. С., Рубан С. Н. Участие СССР в корейской войне // Вопросы истории. 1994. ц 11. С. 3-21.
240. Сивинцев Ю. В. И. В. Курчатов и ядерная энергетика: В 2-х ч. – М.: Атомиздат, 1980.
241. Симонов Н. С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-е гг.: темпы экономического роста, структура, организация производства и управления. – М.: РОССПЭН, 1996. – 336 с.
242. Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. – М.: Наука, 1981. – 158 с.
243. Славский Е.П. Когда страна стояла на плечах ядерных титанов // Военно-исторический журнал. 1993. ц 9. С. 13-24.
244. Слово о Забабахине. Сборник воспоминаний. – М.: ЦНИИ-атоминформ, 1995. – 180 с.

245. Слово о приборостроительном / Сост. П. Щедрин. – Трехгорный, 1995. – 243 с.

246. Смирнов Ю.Н. Г.Н. Флеров и становление советского атомного проекта // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. ц 2. С. 100-125.

247. Смирнов Ю.Н. Сталин и атомная бомба // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. ц 2. С. 125-130.

248. Смит Г.Д. Атомная энергия в военных целях: Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США / Пер. с англ. Под. ред. Г.Н. Иванова. – М.: Трансжелдориздат, 1946. – 276 с.

249. Советская дипломатия и вопросы послевоенного мироустройства // Новая и новейшая история. 1991. ц 5. С. 85-90.

250. Советские возможности в разработке и производстве некоторых типов вооружения и оборудования (Публикация В.И. Батюка) // Военно-исторический журнал. 1997. ц 5. С. 68-69.

251. Согрин В.В. Современная российская модернизация: Этапы, логик, цена // Вопросы философии. 1994. ц 11. С. 3-18.

252. Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. ц 4. С. 126-134.

253. Создание первой советской атомной бомбы. – М.: Энергоатомиздат, 1995. – 447 с.

254. Созидание (дела и люди). Сборник. УЭХК. – Свердловск-44, 1989.

255. Соколова Е. Е., Аккуратов Е. П. Зависть, конституирующая как власть // Вестник Московского Университета. Психология. 1991. ц 1. С.3-16.

256. Сохина Л. П. Мои воспоминания о работе на комбинате “Маяк.” – Челябинск-65, 1993. – 199 с.

257. Сохина Л. П., Колотинский Я.И., Халтурин Г.В. Плутоний в девичьих руках. – Челябинск-65, 1991. – 139 с.

258. СССР и “холодная война” / Под ред. В.С.Лельчука, Е.И. Пивовара. – М., 1995.

259. Сталин И.В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. – М.: Госполитиздат, 1946. – 17 с.

260. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. – М.: Госполитиздат, 1952. – 95 с.

261. Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. – М.: Наука, 1999. – 252 с.

262. Суворов В.Ю. Улучшение материально-бытовых условий жизни рабочего класса Урала в 1960-е гг. // Формирование и становление советского рабочего класса на Урале. Сб. науч. трудов. – Свердловск: УрО АН СССР, 1989. – 124 с.

263. Судоплатов П. П. Спецоперации: Лубянка и кремль. 1930-1950. – М.:ОЛМА-ПРЕСС, 1998. – 688 с.
264. Творцы ядерного щита: Сборник воспоминаний ветеранов / Под ред. П.И. Трякина. – Озерск, 1998.
265. Теоретическая и прикладная социальная психология. – М.: Мысль, 1998. – 333 с.
266. Тихонов В.А. Закрытые города в открытой России // Проблемы прогнозирования. 1996. ц 6. С. 77-96.
267. Толстиков В. С. К вопросу создания ядерного комплекса на Урале // Урал в военной истории России: традиции и современность. Материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2003. С. 148-151.
268. Толстиков В. С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале. (1945-1998). – Челябинск: ЧГИИК, ЧИПКО, 1998. – 301 с.
269. Толстых В. И. Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы. – М.: Политиздат, 1975. – 184 с.
270. Трифонов Д.Н. На страницах центральных газет обозначилась тема урана // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. ц 2. С. 168-171.
271. Тымонюк А.И. Вот, что я помню. – Озерск, 1995. Рукопись.
272. Удивительные люди уникального завода / Сост. А.В. Митюков. – Екатеринбург: ИД “УралТранс,” 2000. – 384 с.
273. Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: Изд-во “СВ-96”, 2000. – 496 с.
274. Уральский исторический вестник, ц 5–6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). – Екатеринбург: Изд-во “Академкнига”, 2000. – 444 с.
275. Фадеева Л. От любви до ненависти... // Родина. 1998. ц 8. С. 13-15.
276. Фатеев А.В. Как создавался образ врага: у истоков холодной войны // История. 1996. ц3. С. 7-10.
277. Феоктистов Л.П. Из прошлого в будущее: От надежд на бомбу к надежному реактору. (Воспоминания, избранные статьи). – Снежинск: Издательство РФЯЦ - ВНИИТФ, – 1998. 326 с.
278. Финансы и социалистическое строительство (1917-1957). – М.: Наука, 1957. – 321 с.
279. Форсова Н. К. Влияние Великой отечественной войны на менталитет советского человека // Урал в стратегии Второй мировой войны. Материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: изд-во “СВ-96”, 2000. – 360 с.

280. Харитон Ю. Б., Смирнов Ю. Н. О некоторых мифах и легендах вокруг советского атомного и водородного проектов // Энергия. 1993. ц 9. С. 2-13.

281. Хлусов М.И. Развитие советской индустрии, 1946-1958 гг. – М.: Наука, 1977. – 280 с.

282. Холловой Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939-1956: Пер. с англ. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 626 с.

283. “Холодная война” была выгодна Сталину? Круглый стол / / Родина. 1998. ц 8. С. 2-4.

284. Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему // Вопросы философии. 1993. ц 5. С. 99-110.

285. Хорос В.Г. Русская идея на историческом перекрестке // Свободная мысль. 1992. ц 6. С. 36-47.

286. Черепанов В. Восхождение на Трубную. Повесть о становлении атомной промышленности. Свердловск-44. Рукопись.

287. Чубарьян А.О. Новая история “холодной войны” // Новая и новейшая история. 1997. ц 6. С. 3-22.

288. Чубарьян А. О. Происхождение “холодной войны” в историографии Востока и Запада // Новая и новейшая история. 1991. ц 3. С. 63-67.

289. Шагин В.Е. невыдуманные рассказы. – Лесной, 1998. – 110 с.

290. Шенин С. Ю. Еще раз об истоках “холодной войны” // США. Экономика. Политика. Идеология. 1998. ц 4. С. 78-8.

291. Шкуратов В.А. Психика. Культура. История. – Ростов-на-Дону: изд-во Рост. ун-та, 1990. – 256 с.

292. Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания. С. 103-114 // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. 1991. – М.: Наука, 1991. – 192 с.

293. Шкуратов В.А. Историческая психология. - М.: Смысл, 1997. – 505 с.

294. Шлезингер А. Некоторые уроки “холодной войны” // Новая и новейшая история. 1991. ц 3. С. 75-81.

295. Щербинина Н. Г. Архаика в российской политической культуре // Политические исследования. 1997. ц 5. С. 127-139.

296. Ю.Б. Харитону – 90 лет // Международная жизнь. 1994. ц 6. С. 48-49.

297. Юнг Р. Ярче тысяч солнц: повествование об ученых-атомщиках / Сокращ. пер. с англ. В.Н. Дурнева. – М.: Госатомиздат, 1960. – 280 с.

298. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программы, методы. – М.: Наука, 1987. – 248 с.

299. Язькова А. А. Восточная Европа в политике СССР и США (1944-1945) // Новая и новейшая история. 1991. ц 3. С. 68-76.

300. Яковенко И. Г. Прошлое и настоящее России: имперский идеал и национальный интерес // Политические исследования. 1997. ц 4. С. 88-96.
301. Яцков А. А. У истоков советского атомного проекта // Вопросы истории естествознания и техники. 1992. ц 3. С. 107-134.
302. Aronsen L., Kitchen M. The origins of the Cold war in comparative perspective. 1941-1948. – L.: Macmillan Press Ltd., 1988. – 232 p.
303. Chaplin J.P. Dictionary of psychology. – N. Y.: Dell Publishing Company, Incorporated, 1975. – 499 p.
304. Dictionary of philosophy and psychology. Vol. 2. / Ed. by J.M. Baldwin. – Gloucester Mass: Peter Smith, 1957. – 892 p.
305. Drever J. A dictionary of psychology. – Harmohdsworth, 1967. – 316 p.
306. Dukes P. The emergency of the super-power: A short comparative history of the USA and USSR. – N.Y. and Evanston: A Torchbook Library Egiton, 1970. – 155 p.
307. Gaddis J. Russia, the Soviet Union, and the United States: an interpretative history. – N.Y. etc: John Wiley and sons Inc, 1978. – XIII, 309 p.
308. Herring G. Aid to Russia, 1941-1946: strategy, diplomacy, the origins of the cold war. – N.Y., L.: Columbia Univ. Press, 1973. – 365 p.
309. Hosking G. A history of the Soviet Union. – L.: Fontana Press / Collins, 1990. – 556 p.
310. Ideology and Soviet politics / Ed. by S. White and A. Pravda. – L.: Macmillan Press Ltd., 1988. – 258p.
311. Paterson T. Soviet-American confrontation: postwar reconstruction and the origins of the Cold war. – Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1975. – XI, 287 p.
312. Reber A.S. The penguin dictionary of psychology. – Harmohdsworth: Viking Penguin, 1985. – 864 p.
313. Stephenson A. Kennan and the art of foreign policy. – Cambridge, L.: Harvard Univ. Press, 1989. – X, 310 p.
314. The universal dictionary of English language. – L., 1957.
315. Werth A. Russia: The post-war years. – N.Y.: Taplinger Publishing Company, 1971. – XVII, 446 p.
316. Josephson P. Red atom: Russia's nuclear power program from Stalin to today. N. Y. Hardcover, 1999.
317. Rockets, reactors and Soviet Culture in L. Graham, ed. // Science and Soviet Social Order. Cambridge, 1990. P. 168-191.
318. The Early Years of Soviet Nuclear Physics // Bulletin of the Atomic Scientists, vol. 43, n. 10. December, 1987. P. 36-39.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Становление системы закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО)	
Исторические условия появления закрытых городов ..	23
Социально-демографический состав населения ЗАТО ..	37
Факторы формирования менталитета населения закрытых городов	49
Глава II Особенности менталитета населения закрытых городов Урала	
Общественный и домашний быт жителей ЗАТО	75
Отношение к работе, ценностные установки и модели поведения на производстве	105
Общественно-политическая активность населения	125
Заключение	150
Литература	158

Научное издание

МЕЛЬНИКОВА Наталья Викторовна

**ФЕНОМЕН ЗАКРЫТОГО
АТОМНОГО
ГОРОДА**

Компьютерная верстка
Я.Недвига

Изд. лиц. ИД № 04401 от 26.03.01.

Подписано в печать 22.08.06. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$.
Бумага *Гознак*. Гарнитура SchoolBook.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. 9,27. Тираж 300 экз.

Банк культурной информации.
620026, Екатеринбург, ул. Р.Люксембург, 56.
Тел./факс +7(343) 251-65-26.
e-mail: bki@sky.ru